

ДИАНА ГЭБЛДОН

Огненный крест

Книга 2

Загадки прошлого

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Огненный крест.
Книга 2. Зов времени**

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Огненный крест. Книга 2. Зов времени / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
2001 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-93581-9

Сага о великой любви Клэр Рэндол и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. Воссоединившейся после гражданской войны семье Фрэзеров предстоит вновь пройти нелегкие испытания. На этот раз им придется противостоять не только старым врагам, но и внезапно разбушевавшейся стихии. Смогут ли Клэр и Джейми преодолеть очередные невзгоды и сохранить мир и покой на собственных землях?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93581-9

© Гэблдон Д., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Часть шестая	6
Глава 56	6
Глава 57	8
Глава 58	12
Глава 59	15
Глава 60	18
Глава 61	21
Глава 62	25
Глава 63	34
Глава 64	39
Глава 65	45
Глава 66	49
Глава 67	54
Глава 68	57
Глава 69	60
Глава 70	64
Глава 71	65
Глава 72	68
Часть седьмая	76
Глава 73	76
Глава 74	88
Глава 75	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Диана Гэблдон
Огненный крест. Книга 2. Зов времени

Diana Gabaldon

THE FIERY CROSS

Copyright © 2001 by Diana Gabaldon

© Гавва Н., Парахневич Е., Гусакова К., Галицкая Е., Стрепетова М.,
перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Часть шестая Война с регуляторами

Глава 56

«...говорили, что у них достаточно людей, и мы их убьем»

Показания Уайтстила Эвери, свидетеля

Северная Каролина

Мекленбургский округ

Уайтстил Эвери свидетельствует и утверждает, что шестого марта текущего года в девять или десять часов утра он, свидетель, находился в доме некоего Хаддджинса, который проживает в нижней части Лонг-Айленда.

Свидетель видел там тридцать или сорок человек, которые именуют себя регуляторами, и затем был насильно задержан в качестве пленника одним из них, назвавшимся Джеймсом Маккуистоном, от имени всего движения. Вскоре после этого некий Джеймс Грэхэм (или же Граймс) произнес свидетелю следующие слова: «Отныне вы заключенный и не должны передвигаться без стражи», затем он тут же добавил: «Держитесь рядом со своими охранниками – и не пострадаете».

Затем свидетель под охраной из двух человек был доставлен в лагерь регуляторов, где находилось множество людей, именующих себя подобным образом, и еще многие присоединились спустя несколько часов. Свидетель полагает, что всего их там находилось примерно двести тридцать человек.

От самих регуляторов свидетель узнал имена пяти капитанов, или же вожжаков. А именно: Томас Гамильтон и еще один Гамильтон, Джеймс Граймс (или Грэхэм), Джеймс Хантер, Джошуа Тиг и некий Гиллеспы. Свидетель слышал, как многие неизвестные ему люди говорили оскорбительные слова в адрес Губернатора, судей Верховного суда, выступали против Ассамблеи и других чиновников. В это же время вышеупомянутый Томас Гамильтон стоял среди них и произносил речь следующего содержания и характера (толпа с ним соглашалась и подтверждала правдивость его слов):

«Почему Морис Мур стал судьей, никакой он не судья, его не назначал Король, ни его, ни Хендерсона. Они не будут вершить правосудие. Ассамблея приняла Акт против беспорядков, но теперь люди разгневаны как никогда. На благо этой страны мы вынуждены убивать всех чиновников и законников, мы убьем их всех, и да будь я проклят, если они не будут казнены. Если бы не этот Акт, некоторых бы пощадили. Акт против беспорядков! Никогда подобного закона не было в Англии или любой другой стране, кроме Франции! Сперва этот закон, затем инквизиция?»

Многие говорили, что Губернатор поддерживает законников и что Ассамблея помешала регуляторам ввести законы о дополнительных сборах. Хазбенда заперли в тюрьме, чтобы он

не увидел их мошеннические слушания, а Губернатор и Ассамблея приняли ровно те законы, которых хотели они сами. Губернатор – друг законников, и они продолжают творить то, что им угодно, назначать слабых мировых судей для личных целей.

В провинции не должно быть законников, они будут прокляты, если останутся там. Фаннинга объявили вне закона с двадцать второго марта, и любой регулятор, встретивший его после указанной даты, его убьет, а некоторые заявляли, что не намерены ждать, что клянутся убить его, если встретят в Солсбери. Иные желали выпороть судью Мура, другие – его убить. Некий Роберт Томсон сказал, что Морис Мур – клятвопреступник, и называл его оскорбительными словами, например: подлец, мошенник, злодей, негодяй и др.; прочие присутствующие соглашались.

Когда пришли известия о том, что капитан Разерфорд и его рота маршируют по улицам Солсбери, свидетель услышал, как некоторые рьяно убеждали других, будто вся армия регуляторов, присутствующая там, должна также выступить на Солсбери и сразиться; они говорили, что у них достаточно людей, и мы их убьем, мы им покажем, как выступить против нас.

Дано под присягой и записано восьмого дня марта 1771 год с моих слов
(подписано) Уайтстил Эвери
(засвидетельствовано) У. Гаррис, мировой судья

Уильям Трион генералу Томасу Гейджу
Северная Каролина
Нью-Берн, 19 марта 1771 г.

Сэр,

вчера Совет Его Величества постановил, что вооруженным силам, состоящим из нескольких подразделений ополчения, надлежит под моим командованием вступить в поселения мятежников, которые своими возмутительными действиями и заявлениями бросили вызов правительству.

Поскольку мы располагаем лишь малым количеством военных орудий, я вынужден просить вашей помощи в обеспечении вооруженных сил всем необходимым (пушки, ружья, знамена, барабаны, и пр.), указанным ниже.

Я намерен начать кампанию из этого города после двадцатого марта и собирать ополчение по мере продвижения войск. Мой план состоит в том, чтобы собрать армию из полутора тысяч мужчин, однако, учитывая настроения Правительства, данное количество может существенно возрасти.

С большим уважением и почтением
Ваш покорнейший слуга
Уильям Трион

Глава 57

И сейчас ложусь я спать...

Фрейзер-Ридж

15 апреля 1771 г.

Роджер лежал в постели, прислушиваясь к писку невидимого комара, который пробрался в хижину через край шкуры, прикрывающей окно. Кровать Джемми была накрыта марлевой сеткой, но у них с Брианной такой защиты не было. Если бы только чертово насекомое опустилось на него, Роджер бы его тут же прихлопнул... но комар без устали нарезал круги над кроватью, изредка напевая свое противное «ни-и-и-и» прямо у Роджера над ухом, а потом вновь исчезая в темноте.

После нескольких бурных дней Роджер должен был так вымотаться, что мгновенно заснул бы даже под атакой целой комариной эскадрильи. Два дня скачки по горным хребтам и долинам – они распространяли известие о сборе по близлежащим поселениям, чьи жители, в свою очередь, передавали его дальше. Весеннюю посевную закончили в рекордные сроки – все мужчины от рассвета и до заката трудились в полях. В теле Роджера до сих пор бился адреналин, посылая краткие импульсы в мозг и мышцы, будто он принимал кофе внутривенно.

Сегодня Роджер целый день помогал готовить усадьбу к их отъезду, и отдельные картины домашней работы всплывали в сознании, стоило ему только прикрыть глаза. Починка забора, перевозка сена, срочный бросок к мельнице за мукой для полка на марше. Починка обода колеса и порванных постромок, поимка белой свиньи, которая умудрилась сбежать из загона, рубка дров и, наконец, час бодрого копания грядок перед ужином, чтобы Клэр посадила немного батата и арахиса.

Несмотря на спешку и тяжелую работу, копание в сумерках показалось Роджеру долгожданным отдыхом от бешеного дня, и даже сейчас мысль об этом помогла ему немного успокоиться.

Стоял необычайно теплый апрель, и садик Клэр всюду зеленел: виднелись ростки, листва и крошечные яркие цветочки, по заборчику вилась лоза. Становилось прохладнее, и Роджера окружали сильные, как ладан, запахи растений и свежей земли. К цветкам подлетали насекомые, мелькающие, словно белые, серые и черные тени. Налетели и тучи мошек и комаров, которых манила его влажная от пота кожа. Потом появились стрекозы, темные, с узкими крыльшками и мохнатыми тельцами, и закружились над цветками алтея с яростью футбольных фанатов.

Роджер вытянул ноги под одеялом, едва коснувшись спящей жены, и вспомнил ощущение твердого края лопаты под стопой, удовлетворение, когда лезвие вонзалось в податливую почву, как влажно блестела сырая земля с белыми корневищами и извивающимися червяками.

Над головой пролетела огромная бабочка, которую тоже привлекли садовые ароматы. Ее светло-коричневые крылышки были украшены похожими на глазки узорами и казались прекрасными, неземными.

Кто возделывает сад, тот в согласии с Богом – гласила надпись на старых солнечных часах, что стояли в саду дома в Инвернесе, где Роджер вырос. По иронии судьбы преподаватель не имел ни свободного времени, ни способностей к возделыванию земли, поэтому сад

весь зарос травой и старыми розовыми кустами. Роджер улыбнулся, вспоминая, и мысленно обратился к тени преподобного.

Спокойной ночи, отец. Да благословит тебя Бог.

Роджер давным-давно утратил привычку вот так желать доброй ночи семье и друзьям и читать детскую молитву перед сном, которая заканчивалась длинным списком: «Боже, благослови бабушку, дедушку Гая на небесах, и моего лучшего друга Питера, и собаку Лилиан, и кота бакалейщика...»

Прошло много лет, но теплые воспоминания об этом небольшом ритуале подвигли его придумать новый список. Куда лучше, чем считать овец, решил он про себя. Да и ему куда больше хотелось возродить это ощущение теплоты и покоя, чем просто заснуть.

Спокойной ночи, миссис Грэхэм. Роджер улыбнулся, вызывая в памяти яркий образ престарелой домработницы священника – как она, макнув пальцы в воду, брызгала на сковородку, чтобы проверить, запляшут ли капельки. *Боже, благослови.*

Преподобный, миссис Грэхэм, ее внучка Фиона с мужем Эрни... Родители Роджера – формальный кивок двум безликим фигурам. Клэр в большом доме и – после краткого колебания – Джейми. Потом и его собственная маленькая семья. В груди потеплело.

Спокойной ночи, малыши. Роджер повернул голову к колыбельке, где спал Джемми. *Да благословит тебя Господь.*

И Брианна. Роджер всмотрелся в темный овал лица спящей. Затем как можно осторожнее устроился на боку и продолжил ее разглядывать. Огонь уже потух, ведь им все равно рано утром в путь, поэтому в комнатухе было темно, и Роджер мог разобрать лишь тень бровей и губ Брианны.

Она никогда не лежала без сна. Перекатывалась на спину, потянувшись, и уже через три глубоких вдоха спала. Может, дело было в усталости, а может – в крепком здоровье и чистой совести. Но иногда Роджер думал, что она просто хочет ускользнуть в мир своих снов, где свободно несется вперед за рулем автомобиля, а волосы развеваются на ветру.

«Что же она видит сейчас?» – гадал Роджер, ощущая теплое дыхание на своем лице.

Вчера мне приснилось, что мы с Роджером занимались любовью. Эта запись в ее дневнике продолжала его терзать, как он ни старался о ней забыть. Роджер уже было начал погружаться в сон, убаюканный своей молитвой, но воспоминание о дневнике Брианны вновь вытаскило его в реальность. Пусть, черт возьми, только попробует видеть такой сон сейчас!

Роджер вновь закрыл глаза, сосредотачиваясь на ровном дыхании Брианны и почти касаясь ее лба своим. Может, так получится уловить эхо ее снов, сквозь кости черепа?

Брианна с ребенком тоже уедут утром. Их вещи стояли наготове возле котомки Роджера у двери. Мистер Вемисс отвезет их в Хиллсборо, где Брианна, вероятно, будет в безопасности... а еще весьма выгодно нарисует портрет миссис Шерстон.

«Будь чертовски осторожна», – в третий раз за вечер повторил ей Роджер. Хиллсборо находился в самом центре территорий регуляторов, поэтому он вообще сомневался, стоит ли ей ехать. Брианна лишь отмахнулась – что им с Джемми может там угрожать? Скорее всего, она права... и все же Роджер подозревал, что она вела бы себя точно так же даже в случае опасности. Брианне буквально не терпелось взяться за этот проклятый заказной портрет, она и сквозь вооруженную толпу прорвалась бы, чтобы попасть в Хиллсборо.

Она тихонько напевала себе под нос – «Лох-Ломонд», и надо ж было из всех песен выбрать эту! – «Пойдешь верхним путем, а я нижний возьму, и домой раньше тебя я прибуду...».

«Ты меня слышишь?» – спросил Роджер, схватив ее за руку.

«Да, дорогой», – проурчала Брианна, нарочито покорно хлопая ресницами.

Это рассердило Роджера настолько, что он резко развернул ее к себе лицом.

«Я серьезно».

Он вглядывался в глаза Брианны, широко распахнутые, но по-прежнему слегка насмешливые, и крепко стиснул ее запястье. Брианна высокая и сильная, но ее кости казались Роджеру изящными, почти хрупкими. Он вдруг как наяву увидел их – высокие, широкие скулы, округлый череп, длинные белые зубы... И Роджер грубо притянул Брианну к себе, а затем поцеловал, столкнувшись с ее зубами своими, чтобы ощутить их, и плевать, если это причинит боль.

На Брианне была лишь нижняя рубашка, но Роджер не потрудился ее снять, а лишь задрал выше бедер, толкнув жену на постель. Брианна выставила руки, однако он успел вжать их в простыни, а потом навалился на нее всем весом, вдавливая, двигаясь на ней, ища уверенности в той тонкой плоти, что отделяла их кости друг от друга.

Они не издавали ни звука, краем сознания помня о спящем ребенке. И все же в какой-то момент тело Брианны ответило ему глубоким и поразительным способом, который был сильнее всяких слов.

«Я серьезно», – тихо повторил Роджер, прижимаясь губами к ее спутанным волосам.

Он лежал на ней, обнимая, не позволяя ей двигаться. Брианна дернулась, и Роджер сжал ее сильнее. Брианна вздохнула и, шевельнувшись, мягко вонзила зубы чуть ниже его ключицы. Роджер, выдохнув, невольно выпустил Брианну из рук.

«Знаю, – ответила она и прижала его к себе уже свободными руками. – Я тоже».

– Этого ты хотела? – шепнул он сейчас едва слышно, чтобы не разбудить. Ее тело излучало спокойное тепло; она крепко спала.

Чего же она хотела? Ее завели грубые ласки? Или же она ощутила силу скрытого за ними отчаянного желания уберечь ее от опасности?

Если дело все же в грубости... Роджер сглотнул, стиснув кулаки при мысли о Стивене Боннете. Брианна никогда не рассказывала, что произошло между ней и Боннетом, а для Роджера было невыносимым задать вопрос о подобном. И еще более невыносимо – подозревать, что в том насилии нечто могло ее постыдным образом возбудить. Но все же она действительно заметно возбуждалась в тех редких случаях, когда Роджер брал ее резко, без привычной нежности.

Теперь ему стало не до молитв.

Роджер вновь чувствовал, что увяз в аду среди рододендронов, в лабиринте из переплетенных влажных корней и свисающей листвы, которые будут везде, куда бы он ни свернул. Сумрачные переходы давали надежду на спасение, однако вели лишь к новым поворотам и сильнее запутывали.

Мы с тобой не встретимся вновь на прекрасных берегах Лох-Ломонда...

Кожу покалывало, а мышцы ног подергивались от закипевшей в нем беспокойной энергии. Мимо прозвенел комар, но Роджер промахнулся. Не в силах лежать на месте, он тихонько выскользнул из постели и сделал несколько приседаний, чтобы размять сведенные напряжением мышцы.

Потом стал отжиматься от пола, беззвучно ведя счет. Раз. Два. Три. Четыре. Он сосредоточился на растущем жжении в груди и плечах, на монотонном счете. Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...

Наконец, когда мышцы задрожали от усталости, Роджер встал, отвел край шкуры от окна и постоял перед ним, обнаженный, впуская влажный ночной воздух. Может, он впустил еще и других комаров... а может, выпустил того единственного.

Лес серебрился в свете луны, в его самой глубине виднелся слабый огонек костра – лагерь ополчения. Люди прибывали в течение всего дня, на мулах или косматых лошадках, с лежащими поверх свернутых одеял мушкетами. Роджер уловил звук голосов и смеха – их принес ветерок. По крайней мере, он бодрствовал не один, и эта мысль его успокоила.

У края большого дома загорелся более яркий свет – фонарь. Приближались две фигуры, одна высокая, другая пониже.

Мужчина что-то вопросительно пробурчал, и Роджер узнал Джейми. Слов он, впрочем, не разобрал.

– Нет, – ответил голос Клэр, когда они подошли ближе, и она взмахнула руками. – Я грязная после посадки и пойду мыться. А ты ложись спать.

Высокая фигура поколебалась, затем отдала ей фонарь. В его свете мелькнуло лицо Клэр – она смотрела вверх и улыбалась. Джейми коротко ее поцеловал.

– Тогда поспеши, – сказал он с ответной улыбкой в голосе. – Я плохо сплю без тебя под боком, саксоночка.

– Да ты сразу заснешь, как коснешься головой подушки, – добродушно поддела его Клэр.

– Не сразу, нет. – Джейми исчез в темноте, но ветер, дующий в сторону хижины, принес из теней его слова. – Я же не могу заняться кое-чем другим без тебя рядом, правда?

Клэр негромко рассмеялась.

– Начинай без меня, – сказала она, уходя к колодцу. – Я догоню.

Роджер постоял у окна, пока Клэр не вернулась с покачивающимся от быстрого шага фонарем и не скрылась в доме. Ветерок сменил направление, и голосов из леса уже не было слышно, хотя костер продолжал гореть.

– Что-то ты рано, дружок, – произнес он, легонько подтолкнув пальцем светлячка. – Думаешь, там еще кто-нибудь есть?

Светлячок немного сдвинулся и опять замер, упрямо мигая светящимся брюшком. Роджер глянул в сторону леса. Кожа покрылась мурашками – холодно! Роджер рассеянно потер грудь, зацепив едва заметно темнеющее местечко, куда его укусила Брианна. Интересно, останется ли оно до утра?..

Потянувшись, чтобы закрыть окно обратно, Роджер заметил отблеск лунного света на стекле. На полочке рядом лежали вещишки Брианны – пара черепаховых гребней, которые ей подарила Иокаста, серебряный браслет. Небольшой флакончик пижмового масла, два-три кусочка губки рядом. И большая банка с семенами атаманты. Брианна не успела использовать масло, но Роджер готов был поклясться жизнью, что семена она приняла еще днем.

Он опустил шкуру на окно и вернулся к постели, задержавшись у колыбельки, чтобы послушать дыхание малыша.

Джем сбросил одеялко. Роджер приподнял сетку и на ощупь его поправил, подворачивая плотнее. Рука наткнулась на что-то мягкое... а, тряпичная куколка, которую Джемми прижал к груди. Роджер немного постоял, касаясь его спинки и ощущая мерное дыхание малыша.

– Спокойной ночи, парнишка, – наконец шепнул он и невесомо похлопал Джемми по круглой попке. – Пусть Господь благословит и сохранит тебя.

Глава 58

С днем рождения

1 мая 1771 г.

Майский военный лагерь

Я проснулась на рассвете, почувствовав, как по ноге ползет насекомое. Нога дрогнула, и насекомое поспешно сбежало в траву, видимо, испугавшись, что я жива. Я на всякий случай пошевелила пальцами ног, но больше незваных гостей не обнаружила. Затем глубоко вдохнула свежий воздух и расслабилась.

Неподалеку слышалась возня – топали и фыркали лошади, которые просыпались задолго до людей. В самом лагере царил тишина – ну, насколько так можно сказать о лагере в несколько сотен мужчин. Сквозь ткань палатки уже виднелись тени листвы, но солнце еще не взошло полностью. Я прикрыла глаза, наслаждаясь тем, что еще могу спокойно полежать... и что когда я встану, завтрак будет уже готов.

Мы встали лагерем на плантации полковника Брайана ночью, после извилистого спуска с гор и марша вдоль предгорья. Прибыли вовремя; Трион еще не привел войска из Нью-Берна, и не явились полки из округов Крэйвен и Картерет, которые перевозили полевые орудия и вертлюжные пушки. Триона ожидали сегодня, как за ужином сказал полковник Брайан.

На ткань палатки с шумом приземлился кузнечик – и, по счастью, застыл, не делая попыток проникнуть внутрь. Наверное, мне все-таки следовало принять предложение миссис Брайан, которая хотела устроить меня в доме с женами других офицеров. Джейми был согласен ночевать только в поле со своими людьми, и я пошла с ним. Лучше постель с Джейми и насекомыми, чем пустая.

Я скосила на него глаза, предусмотрительно стараясь не шевелиться, вдруг еще спит. Но Джейми не спал, а тихонько разглядывал правую руку, разминая пальцы. Сустав безымянного не сгибался, средний был слегка кривым, с глубоким белым шрамом вокруг костяшки, а посреди ладони розовел крошечный след от гвоздя. На бронзовой обветренной коже росли выгоревшие на солнце золотистые волоски. Ужасно красиво.

– С днем рождения, – тихо произнесла я. – Проводишь ревизию?

Джейми уронил руку на грудь и с улыбкой повернулся ко мне.

– Ага, вроде того. Вообще, у меня еще есть несколько часов. Я родился в полшестого, так что не проживу ровно полвека до самого ужина.

Я рассмеялась и, сбросив одеяло, легла на бок. Воздух еще был по-прежнему восхитительно прохладным.

– Боишься, что к ужину рассыплешься? – поддразнила я.

– Ну, вряд ли у меня что-нибудь успеет отпасть, – задумчиво проговорил Джейми. – А вот рабочее состояние...

Он выгнулся, потягиваясь, и упал обратно с блаженным стоном, когда я его коснулась.

– Похоже, все прекрасно работает, – заверила его я и легонько дернула, отчего Джейми слегка взвизгнул. – И ничего не отпадает.

– Отлично. – Он обхватил мою руку своей, чтобы удержать от дальнейших несанкционированных действий. – Откуда ты знаешь – про ревизию, я имею в виду?

Я устроилась подбородком на его груди, во впадинке, будто для этого и созданной.

– Я всегда так делаю в день рождения... точнее, в ночь перед ним. Вспоминаю прошлый год, свои поступки... Наверное, не я одна. Просто чтобы убедиться, что ты все тот же человек, что и вчера.

– Ну, я совершенно точно остался тем же, – уверенно произнес Джейми. – Ты ведь не видишь явных изменений, а?

Я подняла голову и окинула его внимательным взглядом. На самом деле мне было сложно оценивать Джейми объективно. Я слишком привыкла к нему и так любила его тело, что замечала самые крошечные, дорогие мне мелочи – родинку на мочке уха, немного выступающий вперед резец... Однако никогда не оценивала его как единое целое.

– Да, – наконец заключила я с довольным вздохом, – это все еще ты.

Снаружи раздалась возня – повар споткнулся о дышло и выругался. Дисциплиной лагерь не блистал. В нескольких ротах, где собрались бывшие вояки, еще поддерживали порядок, но у остальных с этим дело обстояло сложнее – на лугу то тут, то там попадались кривые палатки и разбросанное обмундирование.

Послышались удары в барабан, но ничего не произошло. Армия продолжала дремать.

– Как думаешь, губернатор справится с этим войском? – усомнилась я.

Мое личное олицетворение войска тоже, кажется, решило заснуть. Впрочем, когда я задала вопрос, длинные рыжие ресницы лениво затрепетали.

– Ага. Трион – солдат, он знает, что делать... по крайней мере, в начале. Заставить людей маршировать строем и копать выгребные ямы несложно, знаешь ли. Вот заставить их драться – другое дело.

– А он сумеет?

Грудь под моим подбородком приподнялась в глубоком вздохе.

– Может, да. А может, нет. Вопрос в том, придется ли ему?

Джейми был прав. Слухи кружили, как вихрь осенней листвы. Регуляторы выдвинули десяти тысячное войско на Нью-Берн. Из Нью-Йорка, чтобы усмирить колонию, плыл генерал Гейдж. Ополчение округа Орандж взбунтовалось и убило своих офицеров. Половина мужчин из округа Уэйк дезертировали. Эрмона Хазбенда арестовали и доставили на корабль, чтобы увезти его в Лондон и судить по обвинению в государственной измене. Регуляторы взяли Хиллсборо и теперь готовились поджечь город, а также предать Эдмунда Фаннинга и всех его товарищей мечу. Я очень надеялась, что последнее неправда. А если правда, то Хьюберт Шерстон не окажется в их числе.

Среди всего вороха слухов, предположений и диких вымыслов мы были уверены лишь в одном: губернатор Трион на пути к лагерю ополчения. Тогда и увидим, что будет дальше.

Свободная рука Джейми лежала на моей спине, поглаживая лопатку большим пальцем. Его, похоже, сейчас не волновали туманные военные перспективы.

– Ты когда-нибудь думала... – начал он и умолк.

– О чем? – Я поцеловала его в грудь, одновременно выгибаясь, чтобы он провел ладонью по моей спине. Он так и поступил.

– Не знаю, как объяснить... я вдруг понял, что прожил дольше моего отца... Не ожидал, – добавил он с кривоватой улыбкой. – Просто... ну, странное ощущение. И мне стало интересно, не задумывалась ли о подобном и ты... ты ведь тоже рано потеряла мать?

– Да. – Я уткнулась лицом в его грудь, и голос прозвучал глухо из-за складок рубашки. – Раньше задумывалась... когда была младше. Это как отправляться в путешествие без карты.

Рука Джейми на мгновение замерла.

– Ага, так и есть, – слегка удивленно согласился он. – Я более-менее знаю, каково быть тридцатилетним, сорокалетним... но что теперь?

– Создавать себя, – тихо произнесла я из-под упавших на лицо волос. – Смотреть на других женщин или мужчин, примерять их жизни. Брать все, что может пригодиться, искать в себе то, что нигде больше не найдешь. И всегда... всегда... гадать, идешь ли ты верным путем.

Джейми почувствовал, как внезапные слезы намочили его рубашку, и коснулся моих волос.

– Да, так и есть, – повторил он мягко.

Снаружи оживал лагерь. С лязганьем, топотом, хриплыми сонными голосами. Сверху застрекотал кузнечик – будто кто-то скреб гвоздем по медному горшку.

– Это утро, которое мой отец так и не встретил, – проговорил Джейми тихо; слова едва рождались в его груди. – Наш мир и каждый день в нем – это дар, сердце мое... и не важно, что принесет завтра.

Я глубоко вздохнула, прижавшись к нему щекой. Джейми осторожно вытер мне нос своей рубашкой.

– А что касается ревизии... – добавил он деловито. – У меня до сих пор все зубы и все части тела, а член каждое утро встает сам по себе. Могло быть и хуже.

Глава 59

Военные действия

Журнал кампании против мятежников

Ведет Уильям Трион, губернатор

Четверг, второе мая

Подразделения округов Крэйвен и Картерет вышли из Нью-Берна с двумя полевыми орудиями, шестью вертлюжными пушками, установленными на повозках, шестнадцатью фургонами и четырьмя телегами с боеприпасами и провизией, необходимой для пропитания нескольких подразделений, которые присоединятся к ним на марше к плантации полковника Брайана, месту общего сбора.

Губернатор покинул Нью-Берн двадцать седьмого апреля и прибыл к месту общего сбора первого мая. Сегодня подошли отряды двух округов.

Пятница, третье мая, объединенный лагерь

В полдень Губернатор провел смотр армии на лугу у Смитс-Ферри на западном берегу реки Ньюс.

Суббота, четвертое мая

Марш к суду округа Джонстон, девять миль.

Воскресенье, пятое мая

Марш к месту встречи с войсками майора Теофила Хантера в округе Уэйк, тринадцать миль.

Понедельник, шестое мая

Армия разбила лагерь, и Губернатор провел смотр подразделения округа Уэйк. Полковник Хинтон доложил Губернатору, что сумел набрать лишь двадцать два человека в связи с недовольством среди населения округ Уэйк.

Губернатор заметил недовольство в данном подразделении, когда проходил мимо первой шеренги батальона, и также увидел, что вооружен лишь один из каждых пяти человек. На призыв пойти добровольцами на службу правительству они ответили отказом, и Губернатор скомандовал армии окружить батальон и трем полковникам выбрать сорок наиболее видных и крепких мужчин, что посеяло немалую панику в подразделении, состоящем на тот момент из примерно четырехсот человек.

Во время призыва офицеры армии убедили мужчин завербоваться и в течение двух часов увеличили состав Уэйкского полка на пятьдесят человек. Ночью подразделение было распущено, пристыженное своим бесчестием и поведением, которое к нему привело. Армия вернулась в лагерь.

Среда, восьмое мая

Подразделение полковника Хинтона было оставлено в тылу, дабы предотвратить недовольство в данном округе и объединение людей в пользу регуляторов в примыкающих округах.

Этим утром подразделение подошло к жилищу известного регулятора Тернера Томлинсона, доставило его в лагерь в качестве пленника и заключило под стражу. Томлинсон признал, что он регулятор, однако новой информации не сообщил.

Армия переместилась и стала лагерем возле Бута у реки Нью-Хоуп-Крик.

Пятница, десятое мая

Остановка для починки фургонов и прочего, а также подковки лошадей. Произведен смотр двух полков округа Орандж в Хиллсборо.

Вечером этого дня пленник Томлинсон сбежал из-под стражи. Погоня не увенчалась успехом.

Воскресенье, двенадцатое мая

Пересекли реку Хоуп и разбили лагерь на западном берегу. Ожидалось, что регуляторы окажут сопротивление роялистам при переходе через реку, как они намеревались. Однако регуляторы не ожидали, что армия выйдет из Хиллсборо раньше понедельника, поэтому потерпели неудачу в своих планах.

Днем получено срочное донесение: регуляторы вынудили генерала Уоддела отступить за реку Ядкин.

Преподобный Маккартни провел богослужение и произнес проповедь на тему: «Ежели нет меча, то продай одежду и купи оный».

Двадцать джентльменов присоединились к армии в качестве добровольцев, в основном из округов Грэнвилль и Бьют. Они образовали отряд легкой кавалерии под командованием майора Макдональда. Патруль обнаружил в засаде вооруженного ружьем регулятора. Из его жилища была изъята бочка рома, заготовленная для нужд регуляторов, а также несколько бочонков, предназначенных для семьи.

Понедельник, тринадцатое мая

Армия выступила маршем к О'Нилу. В полдень прибыл курьер от генерала Уоддела с устным сообщением, так как опасались перехвата письма. Сообщение заключалось в следующем: вечером четверга, девятого числа этого месяца, регуляторы в количестве двух тысяч человек окружили лагерь генерала и в самой наглой манере потребовали, чтобы генерал отступил за реку Ядкин, находящуюся в двух милях от лагеря. Генерал ответил отказом, настаивая, что исполняет приказы Губернатора. Это привело регуляторов в ярость, и они попытались запугать людей генерала громкими индейскими выкриками.

Под командованием генерала находилось не более трехсот человек. Сражаться они не желали и в большинстве своем перешли на сторону регуляторов. Генерал был вынужден выполнить требования и ранним утром следующего дня отступить за реку Ядкин с пушкой и припасами. Регуляторы согласились разойтись по местам своего обитания.

Для обсуждения данных вестей был немедленно собран военный совет, состоящий из distinguished Джона Разерфорда, Льюиса Дероссета, Роберта Палмера и Сэма Корнелла, а также членов совета Его Величества, полковников и полевых офицеров армии. На совете было решено выйти на дорогу из Хиллсборо в Солсбери, затем пересечь реки Малый и Большой Аламанс и, не теряя времени, объединиться с генералом Уодделом. Соответственно, армия выступила на марш и к ночи разбила лагерь на западном берегу Малого Аламанса. Большой отряд был отправлен в качестве арьергарда, дабы занять западный берег Большого Аламанса прежде врага.

Этим же вечером пришло сообщение о том, что регуляторы отправляют разведчиков по всем своим поселениям и собираются у Сэнди-Крик.

Основные силы дошли маршем к западному берегу Большого Аламанса, который был избран местом для укрепленного лагеря. Здесь армия будет ожидать провизию из Хиллсборо, для этой цели уже освобождены и отправлены несколько фургонов.

Разведка доложила, что мятежники намереваются ночью атаковать лагерь. Были приняты необходимые меры. Одной трети армии приказано оставаться на постах всю ночь, а остальным – лечь спать с оружием наготове. Нападения не было.

Вторник, четырнадцатое мая

Солдатам приказано оставаться в лагере.

Армия ложится с оружием, как и в прошлую ночь. Нападения не было.

Среда, пятнадцатое мая

Около шести часов вечера Губернатор получил письмо от мятежников, которое было рассмотрено на военном совете. Было решено выступить против регуляторов рано утром. Губернатор должен отправить им письмо с условиями, а в случае отказа – объявить атаку.

Люди всю ночь не расставались с оружием. Нападения не было, хотя мятежники расположились в пяти милях от лагеря.

Из дневника Брианны:

Хиллсборо, пятнадцатое мая

Вчера я рано заснула и проснулась перед рассветом, окутанная серым облаком. Весь день я будто брожу в тумане. Люди со мной говорят, но я их не слышу. Вижу, как двигаются их губы, киваю и улыбаюсь, а потом ухожу прочь. Воздух горячий и спертый, все словно раскаленным металлом пахнет. У меня болит голова, а повар гремит кастрюлями.

Пытаюсь вспомнить, что мне снилось, и не могу. Помню только что-то серое и страх. Я никогда не видела сражений, но у меня такое чувство, что мне приснился дым пушек.

Глава 60

Военный совет

Джейми вернулся с военного совета уже после ужина и кратко рассказал людям о намерениях Триона. Большинство мужчин одобрили решение губернатора, а некоторые и вовсе обрадовались.

– Это есть хорошо, – отозвался Эвальд Мюллер, вытянув длинные руки и прохрустев костяшками. – Дольше стоять, мхом зарастать!

Остальные рассмеялись и согласно закивали. Настроение солдат заметно поднялось, и они, оживленно переговариваясь, расселись у костров. Закатное солнце блестело на оловянных чашках и начищенных стволах мушкетов, которые бережно лежали у ног.

Джейми быстро всех проверил, отвечая на вопросы и вселяя уверенность, а потом вернулся к нашему костерку. Я окинула его внимательным взглядом: несмотря на грядущую битву, в нем ощущалось некое удовлетворение. Подозрительно.

– Что ты уже натворил? – Я протянула ему большой ломоть хлеба и миску с тушеным мясом.

Джейми даже не стал ничего отрицать.

– Поймал Корнелла после совета и расспросил о Стивене Боннете. – Он откусил хлеба и проглотил, почти не жуя. – Господи, умираю от голода! Целый день ничего не ел, только по ежевике ползал на животе, как змея.

– Вряд ли ты там ловил Сэмюэля Корнелла.

Корнелл, богатый торговец из Идентона, был одним из членов Королевского совета. Его положение, тучная комплекция и характер явно не подходили для ползания в ежевике.

– Нет, это было позже.

Джейми макнул хлеб в миску и откусил еще, а потом взмахнул рукой, временно неспособный говорить. Я вручила ему кружку сидра.

– Мы искали позиции мятежников, – объяснил Джейми, прожевав. – Не так уж они и далеко. Хотя «позиция» – слишком громко сказано. Я такого сброда не видел с тех самых пор, как воевал во Франции, где мы захватили деревню контрабандистов вина. Половина в обнимку со шлюхами, все пьяны... Наши мятежники немногим лучше. Хотя шлюх было поменьше, – добавил он справедливости ради и сунул остаток хлеба в рот.

Как минимум половина армии губернатора прямо сейчас была навеселе, но я промолчала, протянув Джейми еще хлеба, сосредотачиваясь на куда более важной теме.

– Значит, ты выяснил что-то о Стивене Боннете?

– Корнелл не встречался с ним лично, однако слышал разговоры. Боннет передвигается по Внешним отмелям, потом исчезает на три-четыре месяца и вдруг возникает вновь: пьет в тавернах Идентона или Роанока, сорит золотом.

– Привозит товары из Европы и продает? – За три-четыре месяца можно как раз сплавить на корабле в Англию и обратно. – Наверняка контрабандные.

Джейми кивнул:

– Корнелл тоже так думает. И знаешь, куда он привозит товары? На пристань Уайли. По слухам.

– Что? Филип Уайли с ним в сговоре?!

Джейми покачал головой.

– Не знаю. Но пристань точно примыкает к плантации Филипа Уайли. И этот маленький поганец был с Боннетом, когда тот добрался до «Горной реки», – добавил он и махнул рукой, временно закрывая вопрос об Уайли. – Корнелл сказал, что Боннет опять исчез в прошлом месяце. Так что тетушка и Дункан пока в безопасности. Одной проблемой меньше. И

хорошо, поводов для тревоги у нас достаточно, – без тени иронии заметил Джейми, окинув лагерь взглядом.

С наступлением вечера вдоль берега реки начинали загораться костры, в сумерках похожие на сотни светлячков.

– Здесь Эрмон Хазбенд, – произнес Джейми.

Я перестала накладывать в миску новую порцию и подняла голову.

– Ты с ним говорил?

Джейми качнул головой:

– Не мог подойти. Он же с регуляторами. Я прятался на холмике и увидел его издали в толпе народу. Такой наряд, как у него, ни с кем не спутаешь.

– Что он будет делать? – Я отдала Джейми наполненную миску. – Сражаться он точно не станет... и остальным не позволит.

Мне казалось, что присутствие Эрмона Хазбенда – добрый знак. У регуляторов не было предводителя, но он пользовался авторитетом, его слушают.

Джейми вновь покачал головой:

– Не знаю, саксоночка. Сам он не возьмет оружие в руки, а вот остальные...

Джейми умолк, задумавшись. Затем вдруг вернул мне миску и поспешил прочь.

Я увидела, как он коснулся плеча Роджера и отвел его в сторонку. Они переговорили, а потом Джейми достал из сюртука нечто белое. Роджер уставился на этот предмет, кивнул и спрятал к себе. А Джейми хлопнул его по плечу и вернулся, по пути обменявшись парой грубых шуточек с братьями Линдси.

Он с довольной улыбкой забрал у меня миску.

– Велел Роджеру Маку с утра первым делом разыскать Хазбенда. Надо привести его сюда, пусть поговорит с Трионом. Если Триона убедить не получится, – а не получится точно, – сам Трион сумеет показать Хазбенду, что он настроен серьезно. И тогда, поняв, что все закончится кровопролитием, возможно, Хазбенд убедит своих людей отступить.

– С трудом верится...

Днем прошел небольшой дождь, и небо на востоке по-прежнему было затянуто тучами. Их края светились красным – не от косых закатных лучей, а от костров регуляторов на другом берегу реки.

Джейми тщательно вытер миску последним кусочком хлеба и сунул его в рот.

– А есть другие варианты? – просто ответил он.

Я кивнула и наклонилась, чтобы подложить в костерок дров. Вряд ли сегодня кто-то ляжет спать рано.

Костры горели весь день, испуская клубы дыма и шипя от капель. Сейчас, когда морось прекратилась, тучи разошлись в стороны длинными полосами, что сияли на небосводе, словно пламя. Куда там огонькам на земле...

– Смотри, – коснулась я руки Джейми.

Он обернулся, ожидая очередную проблему, но тут же выдохнул, когда я указала вверх.

Если бы Фрэнка попросили посмотреть на какое-нибудь чудо природы, когда он занят своими делами, он бы выждал немного, чтобы не показаться невежливым, затем сказал бы: «О да, прекрасно, не так ли?» – и обо всем забыл.

«Да что с тобой такое? – упрекнула я себя. – Почему ты никак не отпустишь Фрэнка?»

Джейми приобнял меня за плечи.

– В Шотландии небо весь день было бы свинцовым, а солнце опускалось бы за море, словно раскаленное пушечное ядро. Такого неба там никогда не бывает.

– Почему ты вспомнил про Шотландию? – Любопытно: его мысли, как и мои, обратились к прошлому.

– Рассвет и сумерки, время года, – произнес он с легкой улыбкой. – Всякий раз, когда вокруг меня что-то меняется, я задумываюсь о том, что было и что есть. Дома такого не бывает, а в полях я часто просыпаюсь от снов, где вижу тех, кого раньше знал, и потом сижу в сумерках, вспоминая другие времена и места. – Джейми пожал плечами. – Вот сейчас солнце опускается, и я думаю о Шотландии.

Закатное солнце касалось его лица золотыми лучами, разглаживая напряженные черты.

– Я тоже думала о других временах и местах, – сказала я, откидываясь головой на плечо. – Не могу думать ни о чем другом.

– М-да? – Джейми немного поколебался, затем все же осторожно заговорил: – Я не спрашивал об этом, саксоночка, ведь если ответ будет «да», я мало что смогу исправить... Ты часто скучаешь... по другим временам?

Я выждала три удара сердца, которое билось под моим ухом в груди Джейми, и сжала левую ладонь, касаясь золотого кольца.

– Нет. Но я их вспоминаю.

Глава 61

Ультиматумы

Лагерь на Большом Аламансе

16 мая 1771 г.

Людам, что именуют себя регуляторами

В ответ на ваше обращение я должен сообщить, что всегда действовал исходя из истинных интересов страны и каждого ее жителя. Я сожалею о неминуемой необходимости, к которой вы меня принудили, отказавшись от милости Короны и законов своей страны, требовать, чтобы вы, регуляторы, сложили оружие, выдали своих главарей и, подчинившись нашим законам, сдались на милость Правительства. Приняв эти условия в течение часа после получения данного послания, вы предотвратите кровопролитие, так как в данный момент вы находитесь в состоянии войны и мятежа против своего Короля, страны и законов.

Уильям Трион

Джейми ушел, прежде чем я успела проснуться. Его аккуратно сложенное одеяло лежало рядом. Также исчез Гидеон, которого Джейми вчера привязал у дуба.

– Полковник на военном совете, – сообщил Кенни Линдси, зевая во весь рот. Затем он моргнул и встряхнулся, словно мокрый пес. – Чаю или кофе, мэм?

– Чаю, пожалуйста.

Наверное, именно последние события и натолкнули меня на мысль о Бостонском чаепитии. Я не помнила, когда эта свистопляска должна завертеться, но меня терзало смутное чувство, что я должна пить чай всякий раз, как мне выпадет такая возможность, ведь потом его не будет. В общем, как медведь, который пожирает корешки и ягоды в ожидании зимы.

Занимался тихий и ясный день. Пока что стояла прохлада, но в воздухе уже витал намек на духоту. Я потягивала чай, а прядки волос, выбившиеся из прически, прилипали к щекам из-за поднимающегося из чашки пара.

Подкрепившись, я взяла пару ведер и отправилась к реке. Во мне теплилась надежда, что они не понадобятся, но лучше иметь под рукой запас кипяченой воды, хотя бы на всякий случай. Если не понадобится в медицинских целях, постираю чулки, они давно уже заждались.

Несмотря на название, Большой Аламанс не впечатлял размерами – пятнадцать-двадцать футов в ширину почти по всей длине. А еще эта река была мелкой, илистой и растекалась по всей долине множеством крошечных протоков. Наверное, здесь хороший военный рубеж – армия его, конечно, с легкостью пересечет, но не сможет сделать это бесшумно.

Над головами двух отливавших в мутную воду ополченцев мелькали стрекозы. Я тактично подождала за кустами, пока мужчины не ушли, компанейски переговариваясь на ходу, затем спустилась к реке. М-да, как же хорошо, что большинство здешних вояк выпьют простой воды, только если будут умирать от обезвоживания.

Когда я вернулась в лагерь, все уже были на ногах. Царила атмосфера скорее бдительности, чем готовности к битве. А вернувшийся на ловко переступающем между кострами Гидеоне Джейми вызвал не более чем обычный интерес.

– Что там, Макдью? – спросил Кенни, вставая в знак приветствия, когда Джейми остановил коня. – Заварушка?

Джейми покачал головой. Вид у него был опрятный, почти суровый – зачесанные назад волосы, на поясе кинжал и пистолеты, на боку шпага. Готов к битве, поняла я, и по моей спине пробежали мурашки.

– Губернатор отправил письмецо регуляторам. Четыре шерифа везут по копии, которую зачитают каждой встреченной группе. Ждем, что будет дальше.

Я проследила за его взглядом в направлении третьего костра. Роджер, скорее всего, уехал, как только рассвело, когда весь лагерь еще спал.

Я вылила ведра в котел для кипячения и уже было собралась идти с ними к реке, когда Гидеон вдруг вскинул голову и коротко заржал. Джейми тут же заставил его шагнуть вперед, чтобы он закрыл меня телом. Я ничего не видела за широкой грудью коня, однако заметила, как ладонь Джейми расслабилась. Значит, прибыл друг.

Или не совсем друг, но Джейми хотя бы не собирался зарубить его немедленно. Я услышала знакомый голос, прокричавший приветствие, и выглянула из-под головы Гидеона. Через маленький луг ехал губернатор Трион в сопровождении двух адъютантов.

На лошади Трион держался прилично и был одет в типичные для военной кампании одежды – добротный синий мундир и замшевые бриджи. На шляпе желтела офицерская кокарда, а на поясе висела кавалерийская сабля – не для видимости, как можно было понять по зарубкам на рукояти и потертым ножнам.

Трион остановил коня и кивнул, коснувшись шляпы. Джейми ответил тем же. Заметив в тени Гидеона меня, губернатор вежливо снял треуголку и поклонился в седле.

– К вашим услугам, миссис Фрейзер. – Он глянул на ведра в моих руках и повернулся к адъютанту. – Мистер Викерс, будьте любезны, помогите.

Я с благодарностью передала ведра мистеру Викерсу, розовощекому молодому человеку восемнадцати лет, но вместо того, чтобы пойти с ним, попросту указала ему направление. На недовольно вскинутую бровь Триона я ответила вежливой улыбкой и осталась стоять на месте – никуда не уйду.

Триону хватило ума это понять и не возмущаться.

– Ваши люди готовы, полковник Фрейзер?

Трион демонстративно огляделся. Единственными людьми в поле зрения оказались Кенни, уткнувшийся носом в чашку, и Мердо Линдси с Джорди Чишолмом, которые увлеченно играли в «ножички» в тени деревьев.

– Да, сэр.

Губернатор скептически хмыкнул:

– Позовите их, сэр. Я хочу проверить готовность.

Джейми помолчал, затем, прищурившись, окинул лошадь губернатора оценивающим взглядом.

– Мерин у вас хороший, сэр. Спокойный, не пугливый?

– Конечно, – нахмурился губернатор. – О чем вы?

Джейми запрокинул голову и издал пронзительный горский клич – такой явно должно быть слышно по всему горному склону. Конь губернатора дернулся, натягивая повод и сверкая глазом. Из зарослей посыпали люди Джейми, завывая, словно банши, а с деревьев облаком пушечного дыма взвилась перепуганная стая ворон. Конь поднялся на дыбы – Трион рухнул в траву, – и унесся к деревьям на дальнем краю луга.

Я предусмотрительно сделала несколько шагов назад.

Побагровевший губернатор сел, хватая ртом воздух, и понял, что оказался в кольце смеющихся вояк. Он зло глянул в дуло, что едва ли не ткнулось ему в лицо, и отпихнул его, издавая тихие полузадушенные звуки, словно сердитая белка. Джейми многозначительно кашлянул, и люди вновь тихо растворились в зарослях.

Вряд ли губернатор оценит, если я подам ему руку; поэтому я тактично отвернулась и отошла в сторонку, как будто увидела очень интересное растение.

Из лесу выбежал удивленный мистер Викерс с ведрами в руках.

– Что случилось? – Он шагнул было к губернатору, но я успела ухватить его за рукав. Пусть Трион сперва восстановит дыхание и чувство собственного достоинства.

– Ничего серьезного, – ответила я, забирая ведра, пока Викерс не расплескал всю воду. – Э-э... вы не знаете, сколько здесь собралось людей?

– Тысяча шестьдесят восемь человек, мэм, – изумленно произнес он. – Не считая части генерала Уоддела, конечно. Но что...

– И у вас есть пушки?

– У нас два артиллерийских подразделения, мэм. Две шестифунтовых пушки, десять вертлюжных и две восьмифунтовые мортиры. – Викерс даже приосанился, осознавая всю эту разрушительную мощь.

– За рекой находятся две тысячи человек, сэр, но большинство почти не вооружены. У многих ничего нет, кроме ножа, – раздался голос Джейми.

Я оглянулась. Джейми уже спешил и стоял рядом с губернатором, держа его шляпу. Тот принял ее со всем достоинством, на которое только был способен в данный момент.

– Я информирован, мистер Фрейзер, – сухо отозвался Трион. – Хотя приятно осознавать, что ваши сведения совпадают с моими. Мистер Викерс, будьте так любезны, приведите мою лошадь.

Лиловый оттенок уже схлынул с лица Триона, и пусть губернатор по-прежнему держался напряженно, его злость рассеялась. Справедливость и – самое главное – чувство юмора помогли ему преодолеть результат проверки готовности войска.

Джейми кивнул:

– Думаю, ваши разведчики также сообщили, что у регуляторов нет предводителя?

– Напротив, мистер Фрейзер. Таковым уже долгое время является Эрмон Хазбенд, один из главных вдохновителей этого движения. Я часто встречал его имя в бесконечных жалобах и обращениях, которые получал в Нью-Берне. И другие: Гамильтон, Гиллеспи...

Джейми нетерпеливо отмахнулся от стайки мошек.

– При определенных обстоятельствах, сэр, я бы поспорил с вами о том, что сильнее – перо или меч... Но не на поле битвы. Смелые листовки не помогут вести людей в бой. Тем более Хазбенд – квакер.

– Да, слышан, – согласился Трион и указал в сторону реки. – И все же он здесь.

Джейми немного помолчал, оценивая настрой губернатора. Трион был напряжен, его глаза блестели. Однако битвы еще можно было избежать, – чувства он держал в узде, он еще мог слышать.

– Я принимал этого человека у своего очага, – осторожно произнес Джейми. – А он – меня у своего. Хазбенд не скрывает своих убеждений. Если он и прибыл сюда, то наверняка это причиняет ему муки.

Джейми перевел дыхание.

– Я отправил человека на ту сторону, сэр, чтобы найти Хазбенда и попросить его со мной встретиться. Возможно, я сумею убедить его, дабы он использовал свое значительное влияние на этих людей... этих горожан, – Джейми коротко кивнул в сторону реки, – чтобы они оставили свое пагубное действие, которое приведет лишь к трагедии. – Он прямо взглянул

Триону в глаза. – Могу я просить вас, сэра... могу я умолять вас... если Хазбенд отзовется, не согласитесь ли вы встретиться с ним лично?

Трион замер, забыв о пыльной треуголке, которую рассеянно вертел в руках. Эхо недавней суматохи стихло. В ветвях вяза пел маленький виреон.

– Жители колонии... – наконец проговорил Трион. – Мне жаль, если они пострадают. Я не раз признавал – публично! – что их обиды небезосновательны, и предпринимал шаги к исправлению ситуации.

Он посмотрел на Джейми, как будто хотел убедиться, что тот согласен. Джейми молча ждал. Трион глубоко вздохнул и хлопнул треуголкой по бедру.

– И все же я – губернатор. Я не могу видеть, как нарушают мир, как попирают закон, как безнаказанно устраивают мятеж и кровопролитие! – Трион холодно глянул на меня. – И не стану.

Его внимание вновь обратилось к Джейми.

– Вряд ли он придет, сэра. Они приняли решение... Как и я. И все же... – Помедлив, Трион покачал головой. – Нет. Конечно, попытайтесь его переубедить, и если он согласится мирно распустить своих людей по домам, приведите его ко мне, мы обсудим условия. Но я не могу гадать.

Мистер Викерс разыскал коня губернатора и сейчас стоял чуть в стороне, держа обеих лошадей под уздцы. Я заметила, как он слегка кивнул, словно в подтверждение слов Триона. Его щеки пылали, в глазах горел огонь – мальчишка рвался в бой.

А Трион – нет, хоть и был к этому готов. Как и Джейми.

Джейми принял неизбежное.

– Как скоро? – негромко спросил он.

Роджер отсутствовал почти два часа. Сколько ему еще понадобится, чтобы разыскать Эрмона Хазбенда и вернуться?

– Войска в боевой готовности. – Губернатор глянул на заросли, дернув уголком рта, и вновь обратил потемневший взгляд к Джейми. – Скоро. Будьте готовы, мистер Фрейзер.

Трион развернулся и, нахлобучив на голову шляпу, вскочил в седло. Затем он уехал, не оглядываясь. Адьютант последовал за ним.

Джейми с непроницаемым лицом проводил их взглядом.

Глава 62

Праздношатающиеся и подозрительные личности

Пункт 12: Ни один офицер или солдат не должен покидать пределы лагеря.

Пункт 63: Командующие офицеры обязаны проверять всех праздношатающихся и подозрительных и, если они не способны предоставить правдивые сведения о себе, взять их под арест и доложить в штаб.

«Устав лагеря». Приказы его превосходительства Губернатора Триона. Северная Каролина.

Роджер коснулся кармана бриджей, куда спрятал оловянный значок ополченца. Кружок диаметром в полтора дюйма с грубо выбитыми буквами «ОФ» – Отряд Фрейзера, – который пришивали к сюртуку или шляпе. У пехоты губернатора не было военной формы, и лишь такие значки и кокарды отличали их от регуляторов.

«И я узнаю, в кого стрелять? – иронично поинтересовался Роджер у Джейми, когда тот пару дней назад за ужином вручил ему значок. – Пока рассмотришь, есть значок или нет у этого гада, он уже успеет меня прикончить».

Джейми ответил не менее ироничным взглядом, однако благородно удержался от замечаний касательно меткости Роджера и его способности кого-либо ранить из мушкета.

«Я бы не стал ничего высматривать, – ответил он. – Если на тебя бежит человек с ружьем – стреляй и надейся на лучшее».

Несколько мужчин, сидящих у соседнего костра, приснули от смеха, но Джейми не обратил на них внимания. Он взял палку и вытащил из углей три печеных батата, которые теперь лежали рядом, черные и дымящиеся на прохладном вечернем воздухе. Джейми осторожно отпихнул один обратно в угли.

«Это мы, – объяснил он и отпихнул второй клубень. – Это люди полковника Лича, а это, – к тем двум подкатился и третий, – полковника Эша. Понял? Каждый полк движется по заданому маршруту, так что свои тебе вряд ли попадутся. По крайней мере, вначале. А те, кто направляется нам навстречу, скорее всего, враги. – Джейми чуть усмехнулся, кивнув на ужинающих вокруг людей. – Ты здешних уже знаешь? Ну, в них не стреляй, и все будет хорошо».

Роджер печально улыбнулся, осторожно спускаясь по склону, покрытому крошечными желтыми цветочками. Дельный совет, да. Роджера куда меньше волновала возможность поймать пулю, чем страх случайно попасть в кого-то из своих или лишиться пальцев.

Про себя он решил, что не будет ни в кого стрелять ни при каких обстоятельствах. Он знал многое о жизни некоторых регуляторов – Абея Макленнана, Эрмона Хазбенда. Несмотря на неизбежные преувеличения, брошюры Хазбенда были пропитаны горечью из-за вопиющей несправедливости. Можно ли убить или искалечить человека лишь за то, что он выступает против наглого злоупотребления властью и продажности?

Будучи историком, Роджер понимал, насколько глубоки корни этой проблемы, откуда она выросла и как сложно ее исправить. Он сочувствовал Триону – в какой-то мере, – но все равно не собирался воевать за сохранение королевской власти и особенно – за сохранение репутации и богатства самого Триона.

Роджер замер, расслышав голоса, и тихонько отошел за ствол огромного тополя. Через мгновение он увидел троих мужчин. У каждого было ружье и лядунка для зарядов, однако эти люди казались скорее друзьями, вышедшими поохотиться на зайцев, чем солдатами накануне битвы.

И правда – у одного с пояса свисала связка пушистых тушек, а другой нес сумку, запятнанную свежей кровью. Первый мужчина остановился и вскинул руку; его товарищи напряглись, словно гончие псы, уставившись на рошу невдалеке.

Даже зная, куда смотреть, Роджер не сразу разглядел небольшого оленя, замершего между молодыми деревьями, – его удачно скрывали тени и пятна света, падающие сквозь весеннюю листву.

Первый мужчина осторожно снял с плеча ружье и потянулся за шомполом и зарядом, однако один из спутников положил руку ему на плечо.

– погоди, Авраам, – произнес он тихо. – Не надо стрелять так близко к реке. Ты же слышал полковника, регуляторы как раз напротив, на другом берегу. – Он указал на заросли ивы и ольхи, за которыми скрывалось течение. – Не надо их дразнить, еще рано.

Авраам неохотно кивнул:

– Да, наверное. Как думаешь, сегодня начнется?

– Скорее всего. – Третий мужчина достал из рукава желтый платок и вытер лицо. Погода стояла теплая, душная. – Трион наготове с самого рассвета, он никому не позволит застать его врасплох. Может, дождется людей Уоддела...

Авраам фыркнул:

– Чтобы разбить этот сброд? Ты их видел? Тоже мне солдаты, жалкое зрелище!

Мужчина с платком ядовито улыбнулся.

– Ну, пусть так. А наших из захолустья видел? Не сброд? Не важно, какие регуляторы солдаты, их очень много. Двое на одного нашего, по словам капитана Нила.

Авраам заворчал, невольно глянув в сторону леса и реки за ним.

– Сброд, – повторил он уверенно и отвернулся. – Идем уже.

Охотники были на той же стороне, что и Роджер, – он видел на их шляпах и сюртуках блестящие на солнце значки. Однако Роджер оставался в тени, пока мужчины не скрылись из виду. Наверняка Джейми направил его по собственной инициативе, и лучше никому не попадаться.

Ополченцы относились к регуляторам в лучшем случае презрительно. В худшем – среди высших чинов – с холодной жадной расправы.

«Раздавить их раз и навсегда!» – отрезал вчера Касвелл за чашкой кофе у костра. Ричард Касвелл, плантатор с востока колонии, ничуть не сопереживал тяжелой судьбе регуляторов.

Роджер вновь коснулся кармана, раздумывая. Нет, значок лучше оставить там. Если спросят – он его тут же достанет. Вряд ли кто-то будет стрелять в спину безо всякого окрика. И все-таки Роджер чувствовал себя невероятно уязвимым, когда пробирался через зеленеющий речной луг, а затем вздохнул с облегчением, оказавшись в прохладной тени ивовых ветвей.

С одобрения Джейми он не взял никакого оружия, кроме кинжала на поясе. И кроме большого белого платка, аккуратно лежащего в кармане сюртука.

«Если тебе будут угрожать – где угодно, – маши им и кричи: «Перемирие!» – наставлял его Джейми. – А потом проси позвать меня и ничего больше не говори до моего прихода. А если тебя не задержат, приведи ко мне Хазбенда».

Представив, как он поведет Эрмона Хазбенда обратно с белым платком на палке, словно гид группу туристов в аэропорту, Роджер чуть не расхохотался.

Кругом было тихо, только шумела поблескивающая в лучах солнца вода. В поле зрения – ни души, а если кто-то и шевелился, то за плеском течения не было слышно. Если свои, может, и не выстрелят в спину, то Роджер весьма сомневался, что регуляторы не выстрелят ему в лицо, увидев, что он пересекает границу со стороны правительственных войск.

Однако нельзя весь день прятаться среди деревьев! Выбравшись на берег, Роджер осторожно прошел вниз по течению к месту, о котором говорили охотники. Здесь был брод – мел-

кая вода и каменистое дно. Если регуляторы где-то поблизости, то вели они себя чертовски тихо.

Сложно представить себе более мирную картину, и все же сердце Роджера бешено колотилось. Он вдруг почувствовал, что кто-то стоит за спиной, и обернулся. Никого; только течение реки и ветерок в ивовых ветвях.

– Это ты, отец? – пробормотал Роджер и тут же почувствовал себя невероятно глупо. Однако ощущение чужого, доброжелательного присутствия не спешило его покидать.

Мысленно пожав плечами, он стянул ботинки и чулки. Наверное, дело в похожей ситуации. Конечно, странно сравнивать переход мелкой речушки в поисках квакера с ночным перелетом через Ла-Манш на «Спитфайре» для бомбардировки Германии. Однако задание есть задание.

Роджер вновь огляделся, но увидел лишь головастики на отмели и с кривой усмешкой шагнул в воду, заставляя их броситься в разные стороны.

– Ну что, в атаку: – Сказал он утке. Птица не обратила на него никакого внимания, слишком занятая поиском корма в темно-зеленых листьях кресса.

С другого берега по-прежнему не доносилось ни звука, кроме радостного щебета птиц. А вот когда Роджер уселся на нагретый солнцем камень, чтобы надеть ботинки и чулки, он наконец получил подтверждение, что и на этом берегу есть люди.

– Ты чего хочешь, сладкий? – раздался женский голос из кустов.

Роджер замер. Кровь бешено застучала в висках. Однако, не успев пошевелиться или придумать ответ, он расслышал низкий, характерный смех, и расслабился. Чутье подсказало, что голоса с такими интонациями ему не опасны.

– Не знаю, милая, сколько с меня возьмешь?

– О-о-о, вы только посмотрите! Что, нет ни пенни?

– Не беспокойтесь, дамы, мы соберем пожертвования для такого дела.

– Ах вот как? Отлично, сэръ, только знайте, что в нашем приходе сперва пожертвования, а потом остальное!

Голоса принадлежали трем мужчинам и двум женщинам, и можно было не сомневаться, что независимо от финансовых вопросов никто внакладе не останется.

Роджер взял ботинки в руки и тихонько дал деру. Дисциплина у армии регуляторов, по сравнению с правительственными войсками, явно хромала.

Позже он понял, что «хромала» – это еще слабо сказано. Некоторое время он держался берега реки, так как не знал, где находится основной лагерь, и прошел почти полмили, не встретив ни души, кроме тех двух шлюх и их клиентов. Чувствуя себя как во сне, Роджер бродил по небольшим сосновым рощам и вдоль зеленых лугов, но видел лишь птичек да оранжево-желтых бабочек.

– Да кто, черт побери, так воюет? – буркнул он, пробираясь через кусты ежевики.

Роджер будто очутился в научно-фантастическом рассказе, где все, кроме героя, вдруг исчезают с лица земли. Он уже начинал беспокоиться, что не сумеет найти проклятого квакера, – или вообще армию! – до начала атаки.

А за извилиной реки появились первые признаки лагеря регуляторов – группа женщин стирала одежду в потоке воды между валунов.

Роджер поспешно нырнул в кусты и, ободренный, пошел прочь от берега. Если здесь женщины, то и мужчины недалеко.

Так и оказалось. Через несколько ярдов Роджер услышал звуки лагеря – голоса, смех, звяканье ложек и котелков, удары топора по дереву. Обогнув заросли боярышника, он чуть не столкнулся с толпой молодых людей. Те с улюлюканьем промчались мимо, догоняя товарища, который несся вперед, размахивая над головой свежесрезанным хвостом енота.

На Роджера никто даже не взглянул, и он пошел дальше уже не так осторожно. Его не окликали – дозорных не было. Несколько мужчин мельком окинули его взглядом, но сразу же вернулись к разговорам.

– Я ишу Эрмона Хазбенда, – обратился Роджер к мужчине, который жарил белку на небольшом костерке.

Мужчина не понял.

– Ну, квакера, – уточнил Роджер.

– А, этого... – прояснилось лицо мужчины. – Кажется, где-то там, – указал он палкой с обугленной белкой на конце.

Роджер прошел мимо еще трех лагерей, прежде чем добрался до основных сил армии регуляторов, – если ее можно было так назвать. Да, здесь царил более серьезная атмосфера и было меньше шалостей, которым он стал свидетелем около реки. И все же это место и близко не напоминало стратегический штаб.

Роджер начал робко надеяться, что насилия удастся избежать, даже если армии столкнутся лицом к лицу. Тем не менее, чем дальше он забирался, уточняя дорогу у каждого костра, тем сильнее ощущал перемену настроения. Мужчины сбивались в небольшие группки и вели тихие разговоры, склонив головы, или сидели поодиночке, мрачно заряжая оружие и затачивая ножи.

По мере приближения к цели имя Эрмона Хазбенда узнавали уже все и уверенно показывали пальцем направление. Имя будто магнитом затягивало Роджера в стущающуюся толпу мужчин и юношей, вооруженных и напряженных. Шум нарастал, голоса били по ушам, словно молотки по наковальне.

Хазбенд стоял на камне, как загнанный в угол серый волк, в окружении тридцати или сорока сердито гомонящих людей. Они явно требовали ответа, но не могли умолкнуть, чтобы его услышать.

– Мы должны! Ты сам знаешь, Эрмон, у нас нет выбора! – кричал долговязый тип в потрепанной шляпе.

– Выбор есть всегда! – проревел в ответ Хазбенд. – Настал час выбирать, и, Бог даст, мы поступим мудро!

– Ага, когда на нас направят пушки?

– Нет, нет, вперед, мы должны идти вперед, или все потеряно!

– Потеряно? Мы уже все потеряли! Мы должны...

– Губернатор отнял у нас выбор, мы должны...

– Должны...

– Должны!..

Слова тонули в яростном и разочарованном реве. Поняв, что ждать бесполезно, Роджер без раздумий протолкнулся между двумя фермерами и ухватил Хазбенда за рукав.

– Мистер Хазбенд! – прокричал он на ухо квакеру. – Надо поговорить!

Хазбенд, не глядя, стряхнул чужую руку, потом замер и моргнул. Квадратное лицо над торчащей бородой побелело, глаза расширились; квакер качнул головой, а потом уставился на Роджера, будто увидев привидение.

Сердито отмахнувшись от толпы, он спрыгнул с камня и потянул Роджера в ветхую покосившуюся лачугу, которая стояла в тени кленовой рощи. За ними последовали несколько человек, продолжая яростно жестикулировать и возражать, но Роджер захлопнул дверь прямо у них перед носом и задвинул щеколду, а затем еще и привалился к ней спиной. Затхлый воздух пропах пеплом и горелой едой.

Хазбенд схватил черпак и принялся жадно пить из ведра – единственного предмета в этой лачуге, расположенного у очага. На полу валялся мусор. Видимо, хозяину лачуги пришлось спешно ее покинуть, и все вещи он захватил с собой.

Успокоившись, Хазбенд одернул рубашку и пригладил волосы.

– Как вы здесь очутились, друг Маккензи? – спросил он, как всегда, мягко. – Вряд ли вы решили присоединиться к делу регуляторов?

– Верно, – согласился Роджер и бросил беспокойный взгляд на окно. Однако, несмотря на продолжающийся снаружи спор, штурмовать лачугу никто пока не собирался. – Прошу вас перейти со мной реку – под белым флагом, гарантией вашей безопасности, – чтобы переговорить с Джейми Фрейзером.

Хазбенд тоже глянул на окно.

– Боюсь, время разговоров давно минуло, – произнес он, скривив губы.

Роджер тоже так считал, но был намерен выполнить свое задание.

– Губернатор не желает кровопролития в колонии. Если уговорить людей мирно разойтись...

– Думаете, это возможно? – иронично спросил Хазбенд, махнув рукой в сторону окна.

– Нет, – признал Роджер. – И все же, если вы пойдете... если они увидят, что еще есть шанс...

– Если бы был шанс примириться и восстановить справедливость, переговоры предложили бы куда раньше, – перебил его Хазбенд. – Губернатор так выражает искренность своих намерений – войсками и пушками? Письмом, которое...

– Не справедливость, – прямо сказал Роджер. – Я имел в виду шанс спасти ваши жизни.

Хазбенд молчал. Краска уже схлынула с его щек, и лицо стало спокойным.

– Значит, вот как? – тихо спросил он.

Роджер глубоко вздохнул:

– Времени мало. Мистер Фрейзер просил передать вам, если вы не сможете переговорить с ним лично, что против вас направлены две артиллерийских роты и восемь пехотных. Все хорошо вооружены и готовы к бою. Губернатор будет ждать самое позднее до рассвета.

Роджер знал, что выдавать такую информацию врагу – это измена, но Джейми Фрейзер сделал бы на его месте то же самое.

– Здесь почти две тысячи человек, – произнес Хазбенд. – Две тысячи! Неужели подобное зрелище не пошатнет его уверенность? Неужели зря так много людей оставили дома и выступили против...

– Губернатор считает, что они мятежники и ведут войну. – Роджер снова глянул на окно, которое кое-как прикрывала рваная вощеная бумага. – И должен сказать, что, увидев их, он только убедится в правильности своих суждений.

– Это не мятеж, – упрямо заявил Хазбенд. Он выпрямился и достал из кармана потертую черную ленту, чтобы собрать волосы. – Наши законные жалобы остались без внимания! У нас лишь один выход: предстать перед мистером Трионом всей мощью, доказать ему справедливость наших требований.

– Кажется, еще недавно вы говорили о том, что выбор есть, – сухо заметил Роджер. – И если теперь настал час выбирать, как вы выразились, то большинство регуляторов выбрали насилие... судя по фразам, которые я слышал по пути сюда.

– Возможно, – неохотно признал Хазбенд. – И все же мы... они не армия мстителей, не безумная толпа...

Однако невольный взгляд на окно подтвердил его опасения, что именно такая толпа и собралась на берегу Аламанса.

– Здесь есть предводитель, тот, кто может говорить от имени недовольных? – Роджеру не терпелось передать сообщение и уйти. – Вы сами или, например, мистер Хантер?

Хазбенд помолчал, вытирая рот ладонью, будто хотел избавиться от вьевшегося в губы прогорклого вкуса.

– У них нет предводителя, – покачивая головой, тихо сказал он. – Джим Хантер достаточно смел, но лишен дара командовать людьми. Я спрашивал... Он считает, что каждый человек должен действовать сам по себе.

– У вас есть этот дар. Вы можете их возглавить.

Хазбенд поразился так, будто Роджер обвинил его в шулерских талантах.

– Нет!

– Вы привели их сюда...

– Они сами пришли! Я не просил никого...

– Вы здесь. Они последовали за вами.

Хазбенд слегка вздрогнул, поджав губы. Заметив, что эти слова подействовали, Роджер продолжил приводить свои доводы:

– Вы говорили с ними раньше, и они слушали. Люди пришли с вами, за вами. И они наверняка послушают вас снова!

Шум снаружи нарастал – толпа теряла терпение. Что сделают люди, когда узнают, кто Роджер такой, зачем сюда явился?... Вытирая взмокшие ладони о сюртук, он ощутил в кармане значок и пожалел, что не закопал его где-нибудь, как только пересек реку.

Хазбенд застыл на мгновение, а потом схватил за руки:

– Помолитесь со мной, друг.

– Я...

– Ничего не говорите, не надо. Я знаю, вы папист, ничего, квакеры не молятся вслух. Просто помолчите со мной, попросите всем сердцем мудрости... не только для меня, для всех здесь собравшихся...

Роджер кивнул, сдерживая нетерпение, и стиснул его руки в знак искренней поддержки.

Хазбенд замер, отпустив голову. В хлипкую дверь лачуги забарабанили кулаки.

– Эрмон, ты там в порядке?

– Давай уже, Эрмон! У нас нет времени! Колдуэлл вернулся от губернато...

– Час, Эрмон! Он дал нам всего час!

Между лопатками Роджера стекла капелька пота. Он поднял взгляд с обветренных рук Хазбенда на его лицо и понял, что тот тоже на него смотрит, но с отсутствующим выражением, будто прислушиваясь к чему-то далекому, не замечая криков за стенами.

Удары в дверь превратились в нетерпеливый стук, а потом и вовсе стихли. Роджер слышал, как его собственное сердце тоже замедляет своей бешеный бег, и тревога рассеивается.

Он закрыл глаза, собираясь с мыслями. В голову приходили лишь отдельные строки.

Помоги нам, Господи...

Услышь нас...

«Помоги нам, Господи, – прошептал голос отца, другого отца, преподобного, где-то на окраине сознания. – Помоги нам, Господи, помнить, как часто люди грешат не из-за недостатка любви, а из-за недостатка ума, и как хитры силки, нас подстерегающие».

Каждое слово вспыхивало в сознании подобно горящему листку, поднятому из костра порывом ветра, и превращалось в пепел прежде, чем Роджер успевал за него ухватиться. Наконец он сдался и просто стоял, сжимая руки Хазбенда и слушая его низкое хриплое дыхание.

Снаружи по-прежнему доносились голоса, однако сейчас они отошли куда-то на второй план, звучали тихим фоном – так издали доносится пение птиц. Затхлый воздух посвежел, будто по лачуге пролетел ветерок. Роджеру стало легче дышать, удары сердца замедлились.

Как он открыл глаза, Роджер не помнил. На светло-серых радужках Хазбенда виднелись голубые и черные точки. Ресницы его были густыми, а на краешке века назревал ячмень. Маленькая выпуклость была гладкой и красной, с малиновым оттенком, цвета рассветного неба в день Создания. Лицо прорезали глубокие морщины – возле носа и рта, над широкими, кусти-

стыми бровями, изящными, словно крылья птицы. Губы – полные и гладкие, темно-розового цвета; белые зубы, поразительно твердые, по сравнению с мягкой плотью вокруг...

Роджер стоял, не двигаясь, и поражался открывшейся ему красоте. Мысль, что на самом деле Хазбенд – коренастый мужчина средних лет с невыразительными чертами, не имела никакого значения. Роджер видел потрясающее своеобразие, уникальное и чудесное, неповторимое.

Он вдруг осознал, что уже испытывал подобное чувство – когда рассматривал своего новорожденного сына, изумляясь совершенству каждого крошечного пальчика, изгиба щеки и ушка, сиянию нежной кожи, сквозь которую светилась невинность. Сейчас перед ним было то же создание, не новорожденное и не такое невинное, но не менее поразительное.

Роджер опустил взгляд и обратил внимание на свои руки, сжимающие меньшие по размеру ладони Хазбенда. Его вдруг охватил трепет, когда он осознал красоту собственных пальцев, изгибы запястья и костяшек, восхитительное очарование тонкого красного шрама на большом пальце.

Хазбенд глубоко вздохнул и выпустил его руки. На краткий миг Роджер почувствовал себя опустошенным, затем вновь ощутил глубокое спокойствие, что пришло на смену изумлению перед красотой.

– Благодарю вас, друг Роджер, – тихо произнес квакер. – Я не надеялся на такую милость... но с радостью ее принимаю.

Роджер молча кивнул, а Хазбенд без колебаний отодвинул щеколду и распахнул дверь.

Толпа невольно отступила. Однако удивление тут же сменилось нетерпением и злостью. Хазбенд пропустил мимо ушей град вопросов и призывов и направился напрямик к лошади, которая стояла позади лачуги. Отвязав поводья от дерева, он вскочил в седло и только тогда взглянул на других регуляторов.

– Отправляйтесь домой! – провозгласил он. – Мы должны покинуть это место!

На мгновение воцарилась тишина, за которой тут же последовали изумленные и разъяренные выкрики.

– Какой дом? – воскликнул молодой человек со всклокоченной рыжей бородой. – У тебя, может, дом и есть, а мне идти некуда!

Хазбенд не шевельнулся.

– Отправляйтесь домой! – вновь прокричал он. – Предупреждаю вас – здесь остается только насилие!

– Ага, и мы на него пойдем! – проревел кряжистый мужчина, под приветственные возгласы вскидывая ружье над головой.

На Роджера регуляторы почти не обращали внимания. Он стоял чуть поодаль, наблюдая, как квакер медленно двинулся вперед. Хазбенд то и дело наклонялся, крича и жестикулируя в ответ людям, которые бежали за ним. Кто-то схватил его за рукав, и Хазбенд остановил лошадь, чтобы выслушать пламенную речь. Затем выпрямился, качая головой, и нахлобучил на голову шляпу.

– Я не хочу, чтобы пролилась кровь. Если вы останетесь здесь, друзья, свершится убийство. Уходите! Пока еще можете – уходите, умоляю вас!

Хазбенд вскинул взволнованное лицо и заметил Роджера в тени кизила. Хотя спокойствие покинуло его, в глазах светилась все та же решимость.

– Я ухожу! И молю вас всех – возвращайтесь домой!

Он уверенно повернул лошадь и пустил ее рысью. Несколько человек побежали следом, но быстро остановились и пошли обратно с обиженным видом.

Шум стал вновь нарастать – все одновременно говорили, спорили, доказывали, возражали. Роджер тихонько зашагал к кленовой роще. Хазбенд отбыл, пора и ему.

На его плечо легла рука.

– А ты, черт возьми, кто такой? Что ты наговорил Эрмону?

Напротив Роджера стоял грязный мужчина в рваном кожаном жилете, сжимая кулаки от злости и готовый выплеснуть гнев на ближайшего человека.

– Я сказал, что губернатор не хочет никому причинять вреда, если этого можно избежать, – произнес Роджер.

– Ты от губернатора? – поинтересовался другой мужчина, чернобородый, скептически разглядывая поношенную домотканую одежду Роджера.

Роджер, все еще под впечатлением от встречи с Хазбендом, чувствовал себя защищенным от агрессии и начинающейся истерии, что охватили пространство вокруг лачуги, но это ощущение быстро выветривалось. К допрашивающим мужчинам подходили другие, которых привлек разговор.

– Нет, – сказал Роджер громче. – Я пришел предупредить Хазбенда... предупредить вас всех. Губернатор хочет...

Его прервал хор возмущенных голосов, утверждающих, что плевать они хотели на желания Триона. Роджер оглянулся, но не увидел ни одного снисходительного лица, не говоря уже о дружелюбном.

– Дело ваше, – как можно холоднее сказал он. – Мистер Хазбенд дал вам наилучший совет, я его повторяю.

Он хотел было уйти, но его вновь схватили за плечи и развернули к толпе.

– Не так быстро, дружок, – произнес мужчина в кожаном жилете, до сих пор багровый от гнева. Кулаки он, впрочем, уже не сжимал. – Ты говорил с Трионом, так?

– Нет, – признался Роджер. – Меня отправил... – Можно ли назвать имя Джейми Фрейзера? Нет, лучше не надо, оно вызовет куда больше проблем. – Я пришел попросить Эрмона Хазбенда перейти реку и самому убедиться, как обстоят дела. Вместо этого он доверился моему мнению. Вы видели его ответ.

– Так я тебе и поверил! – Грузный мужчина с рыжими бакенбардами воинственно задрал подбородок. – И зачем же нам доверять твоему мнению, а? – передразнил он шотландский говор Роджера под хохот товарищей.

Спокойствие, которое Роджер вынес из лачуги, еще не совсем его оставило.

– Я не могу заставить вас слушать, сэр. Но те, у кого есть уши, – услышат.

Он обвел взглядом лица собравшихся, и они неохотно, один за другим, умолкли.

– Войска губернатора хорошо вооружены и стоят в полной боевой готовности. – Собственный голос показался Роджеру странным, будто кто-то говорил издалека. – Хотя я не видел губернатора лично, я слышал о его намерениях: он не желает проливать кровь, но твердо намерен применить силу, если понадобится разогнать ваше объединение. Если же вы мирно разойдетесь по домам, он проявит снисходительность.

Тишину прервал звук плевка. В грязь у ботинка Роджера шлепнулся комок коричневой от табака слизи.

– Вот, – емко заметил плюнувший человек, – это губернатору.

– А это тебе, дурень! – заявил его товарищ, замахиваясь на Роджера.

Тот уклонился и, подставив плечо, сбил мужчину с ног. Однако за ним стояли другие, поэтому Роджер замер со стиснутыми кулаками, готовый защищаться.

– Не бейте его, парни, – одернул их мужчина в кожаном жилете. – По крайней мере, пока. Он обошел Роджера, предусмотрительно держась на расстоянии.

– Видел ты рожу Триона или нет, не важно, но вот его войска-то ты видел, верно?

– Да.

Сердце колотилось в груди, в висках стучало, и все-таки Роджер почему-то не боялся.

– Так сколько у Триона людей?

Мужчина не сводил с Роджера внимательного взгляда. Отвечать лучше честно. Скорее всего, они знают правду; ничто не мешало регуляторам пересечь Аламанс.

– Чуть больше тысячи, – произнес Роджер, точно так же изучая лицо мужчины. На нем не отразилось удивление – он знал. – Зато они обучены. И у них есть артиллерия. Полагаю, у вас ее нет, сэр?

Лицо мужчины стало непроницаемым.

– Полагай, что хочешь. Можешь передать Триону, что нас в два раза больше. Обучены мы или нет... Мы все вооружены, у каждого по ружью.

Он запрокинул голову, шурясь на солнце.

– Час, верно?.. Идите-ка назад, на ту сторону, сэр. Передайте губернатору, что мы хотим высказаться и сделаем это по-своему. Если он прислушается и выполнит наши требования, отлично. Если нет... – Регулятор коснулся висящего на поясе оружия и мрачно кивнул.

Роджер окинул взглядом умолкших людей, не говоря ни слова, развернулся и ушел. В шелесте весенней листвы ему слышался голос преподобного.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Хорошо бы попытку тоже зачли.

Глава 63

Журнал хирурга

Пункт 28: Хирург обязан вести журнал и записывать сведения о каждом поступившем человеке: имя, роту, день обращения за помощью, день выписки.

Из «Устава лагеря»

Прохладный ветерок коснулся щеки, и я вздрогнула, хотя день стоял теплый. В голову пришла абсурдная мысль, что меня коснулось перышко, словно мимо по своим мрачным делам пролетел Ангел смерти.

– Чушь, – буркнула я вслух.

Эван Линдси услышал и тут же глянул на меня – мимолетно. Он, как и все остальные, глазел на восток.

Люди, не верящие в телепатию, никогда не служили в армии и не ступали на поле битвы. Что-то передается от человека к человеку, когда войско готово выдвигаться. Это чувство звенит в воздухе; наполовину страх, наполовину нетерпение, оно щекочет кожу и вгрызается в позвоночник, словно вдруг нахлынувшая похоть.

Вестника еще не было, но я знала, что он появится. Что-то где-то случилось.

Все словно вросли в землю в ожидании. Меня охватило страшное желание пошевелиться, развеять чары, руки так и чесались что-то сделать. Котел закипел, и вода ждала своего часа, накрытая куском чистой ткани. На пне стоял мой медицинский сундучок. Я откинула его крышку и в который раз принялась бездумно перебирать содержимое, хотя прекрасно знала, что там все в порядке.

Атропин, белладонна, настойка опия, лавандовое масло, масло можжевельника, болотная мята, язвенник... и коричневая бутылочка спирта. Без него никак. В фургоне у меня стоял целый бочонок.

Краем глаза я уловила движение. Джейми. Его рыжие волосы вспыхнули в лучах солнца, проникающих сквозь листву деревьев, под которыми он проезжал. Он то наклонялся шепнуть кому-то слово, то касался чьего-то плеча, словно волшебник, возвращающий статуи к жизни.

Я замерла, сжав передник в пальцах. Джейми шутил и подбадривал, небрежно касаясь рук людей, и все же в нем чувствовалась напряженность. Когда он в последний раз стоял с армией, ждал приказа о наступлении?..

У Каллодена, с содроганием подумала я, и волоски на руках встали дыбом, бледные в лучах весеннего солнца.

Раздался топот копыт, затрещали кусты. Все развернулись на звук, сжимая в руках оружие. А потом дружно вздохнули и удивленно забормотали, когда первый всадник появился на поляне, наклоняя ярко-рыжую голову, чтобы не зацепить кленовую ветвь.

– Господи Иисусе! – воскликнул Джейми на всю поляну. – А она-то какого черта здесь делает?!

Мужчины, узнавшие ее, рассмеялись, и напряжение треснуло, словно лед. Плечи Джейми немного расслабились, однако навстречу он пошел с крайне мрачным видом.

К тому времени, как Брианна остановила лошадь и спрыгнула с седла рядом с Джейми, я тоже успела к ним приблизиться.

– Что... – начала я, но Джейми уже подошел к дочери вплотную и, схватив ее за руку, быстро и тихо говорил по-гэльски.

– Простите, мэм, она настояла... – Из зарослей показалась вторая лошадь, на которой с виноватым видом сидел чернокожий парень, Джошуа, конюх Иокасты. – Я не смог ее остановить, миссис Шерстон тоже. Мы очень старались.

– Ясно, – вздохнула я.

Щеки Брианны, выслушивающей отповедь отца, пылали, но садиться на лошадь и уезжать она не собиралась. Она что-то ответила, тоже по-гэльски, и Джейми попятился, будто его оса в нос ужалила. Брианна коротко кивнула, довольная результатом, и отвернулась. Тут она увидела меня, и ее лицо осветила широкая улыбка.

– Мама!

Брианна меня обняла. От нее слабо пахло свежим мылом, воском и терпентином. На подбородке виднелся след голубой краски.

– Здравствуй, милая. Откуда ты приехала?

Я поцеловала Брианну в щеку и отступила, радуясь ее появлению, несмотря ни на что. Одета она была очень просто: в коричневое платье из грубого дмотканого полотна. Длинные рыжие волосы были собраны в косу. За спиной, на шнурке, висела соломенная шляпа.

– Из Хиллсборо. Вчера у Шерстонов были гости, за ужином они рассказали, что здесь расположился ваш лагерь... вот я и приехала. Привезла немного еды, – она махнула на набитые седельные сумки, – и трав из сада Шерстонов, может, тебе пригодятся.

– Да, чудесно. – Я почувствовала спиной, как надо мной возмущенно навис Джейми. – Э-э... не подумай, что я тебе не рада, солнышко, но скоро здесь начнется битва и...

– Знаю. – Румянец, так и не схлынувший с ее щек, стал ярче. – Ничего страшного. Я приехала не сражаться. Иначе надела бы бриджи.

Брианна бросила взгляд за мое плечо, откуда донеслось громкое фырканье в сопровождении хохота братьев Линдси. Я тоже не сдержала улыбки.

– Я останусь с тобой, – произнесла она тише и коснулась моей руки. – Придется ухаживать за ранеными... я помогу.

Я колебалась. Если дело дойдет до сражения, лишние руки мне пригодятся. Брианна, разумеется, не медсестра, зато знала о микробах и антисептиках, а это в каком-то смысле важнее, чем анатомия или физиология.

Бри расправила плечи, пробежала взглядом по лицам собравшихся в тени клена мужчин.

– Где Роджер? – спросила она спокойно.

– В порядке, – заверила ее я, надеясь, что так и есть. – Утром Джейми отправил его на ту сторону реки, под белым флагом, чтобы он привел Эрмона Хазбенда для разговора с губернатором.

– Он там? – Брианна невольно повысила голос, потом взяла себя в руки. – У врага? Если их можно так назвать.

– Он вернется. – Джейми стоял рядом со мной, рассматривая дочь без удовольствия, но смирившись с ее присутствием. – Не волнуйся, малышка. Под белым флагом его никто не тронет.

Внезапно побелев, Бри вскинула голову, вглядываясь в сторону реки.

– А этот флаг ему поможет, когда начнется стрельба?

Ответом, который она знала и сама, было «скорее всего, нет». Джейми даже не стал произносить это вслух, как и то, что стрельбы, возможно, получится избежать. Воздух потяжелел и пропитался едкими запахами просыпанного пороха и человеческого пота. Все замерло в ожидании.

– Он вернется, – повторил Джейми мягче и убрал с лица Брианны упавшую прядку волос. – Обещаю, милая.

Она внимательно посмотрела на отца и молча кивнула. Поцеловав дочку в лоб, Джейми отошел к Робу Бирнсу.

Бри глянула ему вслед, а потом развязала шнурок своей шляпы и присела рядом со мной на камень. Руки ее слегка дрожали. Брианна глубоко вздохнула и зажала их между колен.

– Я могу сейчас помочь? – спросила она, кивнув на открытый сундучок. – Что-нибудь принести?

Я покачала головой:

– Нет, у меня все есть. Остается только ждать, – скорчила я гримасу. – Самое сложное.

Брианна что-то буркнула, неохотно соглашаясь, и с хмурым видом оценила мои приготовления: костер, кипящую воду, раскладной стол, большой набор инструментов и маленькую сумку с предметами первой необходимости.

– А что там? – Она легонько ткнула ботинком холщовую сумку.

– Спирт и бинты, скальпель, щипцы, пила для ампутации, жгуты. Если получится, раненых будут приносить ко мне или к другим хирургам. Но если придется отправиться на поле боя к тяжелораненому, все необходимое должно лежать наготове.

Брианна сглотнула и вновь побледнела так, что на носу резко выделилась россыпь веснушек. Затем набрала было воздух, чтобы заговорить, и вдруг подозрительно принюхалась. Длинный нос шевельнулся, словно хоботок муравьяда.

Я тоже почувствовала этот запах – из рощи доносилась вонь свежих испражнений.

– Такое часто бывает перед сражением, – тихонько пояснила я, стараясь не смеяться над тем, как дочь кривится. – У бедняг расстройство.

Взгляд Брианны вновь начал блуждать по поляне, от одного человека к другому. Я знала, о чем она думает. Как такое возможно? Как смотреть на человека, целого и живого – вот он наклоняется к товарищу, тянет руку за флягой, то хмурясь, то улыбаясь, – и понимать, что скоро он будет ранен... или убит?

Тому, кто не видел, такого и не представить. Но можно помнить... Я кашлянула, надеясь отвлечь нас обеих.

– Что ты сказала своему отцу, а? Когда приехала, вы заговорили по-гэльски.

– А, ты про это. – Веселый румянец оживил бледное лицо Брианны. – Он стал меня ругать: мол, что за игру я затеяла, хочу оставить своего ребенка сиротой, раз рискую своей жизнью, как и Роджер. – Она смахнула прядь рыжих волос, что настойчиво лезла ей в рот, и слегка раздраженно улыбнулась. – Ну, я и сказала ему, что если здесь так опасно, а он не против твоего присутствия, то он что, хочет ставить сиротой меня?

Я тихо рассмеялась.

– Ты ведь здесь в безопасности, правда? – Брианна оглядела лагерь. – В тылу?

– Да. Если сражение подойдет слишком близко...

Донесся топот копыт, и весь лагерь встрепенулся. Прибыл вестник – мальчишка-адъютант Триона, запыхавшийся и бледный от возбуждения.

– Будьте наготове! – крикнул он.

– А мы чем с самого утра заняты, а? – нетерпеливо отозвался Джейми. – Что, бога ради, происходит?

Как выяснилось, на переговоры с губернатором прибыл священник от регуляторов.

– Священник? – перебил Джейми. – Квакер?

– Не знаю, сэр, – ответил адъютант. – Священник по имени Колдуэлл, преподобный Дэвид Колдуэлл.

Несмотря на религиозную принадлежность посла, Трион остался непоколебим: он не может и не будет договариваться с толпой, точка. Пусть регуляторы разойдутся, и тогда он обещает рассмотреть все жалобы, предоставленные должным образом. Однако регуляторы обязаны разойтись в течение часа.

– Можешь-будешь в коробке? – пробормотала я. Ожидание почти выбивало меня из колеи.

– Или у лисы в норе?¹ – Джейми снял шляпу, и рыжие волосы ярко вспыхнули на солнце. Бри сдавленно хихикнула.

– Не может и не будет толпу он знать, – тихо отозвалась она в тон. – Не может и не будет... убивать?

– А вот это Трион может, – заметила я вполголоса. – И боюсь, что будет.

В сотый раз за утро я глянула на ивы, за которыми исчез Роджер.

– Час, – повторил Джейми слова адъютанта и тоже посмотрел на ивы. – Сколько еще осталось?

– Около получаса. – Адъютант, вдруг показавшийся еще младше своих лет, сглотнул и надел шляпу. – Я должен возвращаться, сэр. Слушайте пушку, сэр, и удачи вам!

– И вам, сэр.

Джейми коснулся руки адъютанта на прощание, а потом хлопнул коня по крупу своей шляпой, отправляя его в галоп.

Лагерь ожил. Люди проверяли и перепроверяли заряженные ружья, расстегивали и застегивали пряжки, натирали до блеска значки, отряхивали от пыли шляпы и крепили к ним кокарды, подтягивали и подвязывали чулки, встряхивали фляги, проверяя, не испарилось ли их содержимое за последние четверть часа.

Суэта оказалась заразной. Я опомнилась, вновь перебирая бутылочки, словно бусины четок. Их названия звучали в голове, как слова пылкой молитвы. Розмарин, атропин, лаванда, гвоздичное масло...

Среди суматохи выделялась одна Бри – сидела неподвижно на камне, не сводя глаз с деревьев вдалеке. Я расслышала, как она что-то пробормотала, и обернулась.

– Что там?

– Этого нет в книгах.

Брианна стиснула руки, лежащие на коленях, будто могла усилием воли заставить Роджера появиться из завесы ивовых ветвей. Она вскинула подбородок, указывая на поле, деревья, людей вокруг нас.

– Этого, – произнесла она, – нет в книгах по истории. Я читала о Бостонской бойне в исторических книгах там и в газетах здесь. Но ни слова не видела ни о губернаторе Трионе, ни о Северной Каролине, ни о реке Аламанс. Значит, ничего не будет, – воскликнула она отчаянно. – О крупном сражении обязательно написали бы. А раз не написали... значит, ничего не будет. Ничего!

– Надеюсь, ты права, – отозвалась я и почувствовала, как холодный страх слегка отступил.

Наверное, так и есть. Ну, или произойдет мелкая стычка. Революция разразится всего через четыре года, и даже небольшие конфликты, предшествовавшие ей, были хорошо известны.

Бостонская бойня случилась чуть больше года назад. Уличная драка, столкновение между толпой горожан и взводом нервных солдат. Несколько оскорбительных выкриков, несколько брошенных камней. Первый случайный выстрел, беспорядочная стрельба. Пять погибших. Об этом писали, причем весьма предвзято, в одной из бостонских газет. Я читала ее у Йокасты; кто-то из друзей прислал ей экземпляр.

Двести лет спустя незначительный инцидент увековечили в детских учебниках, как доказательство растущего недовольства колонистов. Я оглядела готовящихся к битве мужчин. Если здесь произошло сражение, в котором королевский губернатор усмирил, по сути, мятеж налогоплательщиков, уж конечно, об этом должны были написать!

По крайней мере, так логично предположить... Я с тревогой понимала, что история просто не оценила значимость того, что вот-вот случится.

¹ Стишок из детской книги «Зеленые яйца с ветчиной» Доктора Сьюза.

Джейми стоял возле привязанного к дереву Гидеона. Он собирался идти в бой пешком, со своими людьми, и сейчас вытаскивал из седельной сумки пистолеты, укладывая запасные заряды в мешочек на поясе. Я вдруг страшно захотела его коснуться, что-то сказать. Я пыталась переубедить себя, что Бри права, что ничего не произойдет, что никто даже не выстрелит... но на берегах Аламанса собрались три тысячи вооруженных мужчин, готовых пролить кровь.

Я оставила Брианну, которая по-прежнему сидела на камне и смотрела на лес, и поспешила к нему.

– Джейми...

Я коснулась его руки. Она как будто превратилась в высоковольтный провод. Под изоляционным покрытием кожи гудела энергия, готовая вырваться ослепительной вспышкой. Говорят, отпустить такой провод невозможно. Жертва прикипает к нему, не в силах пошевелиться и спастись, пока поток электричества выжигает мозг и сердце.

Джейми накрыл мою руку ладонью.

– Моя красавица, – чуть улыбнулся он. – Пришла пожелать мне удачи?

Я как можно шире улыбнулась ему в ответ, хотя изнутри меня сжигал тот самый ток.

– Не могу отпустить тебя, не сказав... хоть что-то. Думаю, «удачи» сойдет. – Слова застряли в горле, на них у меня просто не было времени. И наконец я сказала только самое важное. – Джейми... я тебя люблю. Будь осторожен!

Он говорил, что не помнит Каллоден. Распространяется ли потеря памяти на те часы перед битвой, когда мы сказали друг другу «прощай»?.. Я взглянула ему в глаза и поняла, что нет.

– «Удачи» сойдет, – произнес он и сжал мою руку, точно так же прикипев к потоку, что циркулировал в наших телах. – Но «я тебя люблю» куда лучше.

Джейми коснулся моих волос, лица, глядя на меня так, словно хотел запечатлеть мой образ, – если наша встреча окажется последней.

– Может настать день, когда мы вновь разлучимся, – тихо проговорил он, невесомо дотрогнувшись до моих губ. – Но не сегодня.

Из-за деревьев донеслись звуки горна, пронзительные, как клекот дятла. Брианна по-прежнему сидела на камне, неподвижная, словно статуя, и смотрела на лес.

Глава 64

Сигнал к атаке

Примечание: на марше выстрел трех пушек служит сигналом для боевого построения, а пяти – сигналом к атаке.

«Порядок сражения», У. Трион

Роджер неторопливо отошел от лагеря регуляторов, заставляя себя не оглядываться. В его сторону выкрикнули несколько оскорблений и угроз, а потом толпа потеряла к нему интерес и вернулась к собственным распрямам.

Отойдя подальше, Роджер остановился. Голова кружилась от гулявшего по телу адреналина. Стоя в кольце враждебных лиц, он ничего, ровным счетом ничего не чувствовал. Теперь, на безопасном расстоянии, ноги начали трястись, а кулаки свело от напряжения.

Похоже, ночной перелет над Ла-Маншем под зенитным огнем не очень и страшен...

Однако он жив, он вернется домой к жене и сыну. Мысль вызвала странные чувства: пробирающее до самых костей облегчение и глубокую, неожиданную тоску об отце, которому не так повезло.

Легкий ветерок обдавал влажные волосы долгожданной прохладой. И рубашка, и сюртук пропитались потом, а платок будто норовил удушить. Роджер скинул сюртук, дрожащими пальцами сорвал с шеи ткань и замер, закрыв глаза и наслаждаясь свободой, пока тошнота наконец не отступила.

Он вызвал в памяти образ Брианны – она стоит с Джемми на руках в дверном проеме, ее влажные от слез ресницы, печальные глаза малыша, – и его настиг отголосок чувства, испытанного в лачуге с Хазбендом: видение красоты и радость, которые успокоили разум и облегчили душу. Надо к ним вернуться, вот все, что имело значение.

Роджер открыл глаза и, подняв с земли сюртук, отправился дальше.

Он не привел Хазбенда к Джейми, однако цели добился. Возможно, толпа регуляторов – армия из них никакая, что бы там ни думал Трион – попросту разойдется по домам, лишившись даже слабого подобия предводителя.

Или нет. В бурлящем котле отчаяния и злости мог возникнуть новый лидер, способный повести их вперед. Вспомнились слова, смутно доносившиеся сквозь стук в дверь лачуги.

«У нас нет времени!»

«Колдуэлл вернулся от губернатора!»

«Час, Эрмон! Он дал нам всего час!»

– Черт, – выругался вслух Роджер.

Дэвид Колдуэлл, пресвитерианский священник, который поженил их с Бри. Наверняка это он от имени регуляторов отправился на переговоры с Трионом. И получил лишь предупреждение.

Всего час. Чтобы разойтись мирно? Или чтобы ответить на ультиматум?

Роджер сунул шейный платок в карман, к неиспользованному белому флагу. Не важно, что означал этот час, – ему самому уж точно пора уходить.

Стоял ясный и жаркий день, пропахший сочной зеленью. Мысли о лагере регуляторов гудели в голове, словно шершни, и мешали оценить красоты вокруг. И все-таки глубоко внутри еще жило то спокойствие, которое он вынес из лачуги. Роджер размышлял об этом по пути к реке, даже не замечая колючие заросли ежевики.

Удивительно, думалось ему. Ведь, в сущности, ничего необычного, сверхъестественного не произошло. Однако он никогда не забудет то, что произошло. Удастся ли объяснить это Брианне...

Свисающая ветвь чуть не задела лицо, и Роджер отвел ее в сторону. Даже в столь простом действии он с удивлением отметил, насколько листва гладкая на ощупь, как изящны ее изгибы и острые зубчики. Вновь накатили отголоски той пронзительной красоты, слабые, но узнаваемые. Видела ли подобное Клэр? Видела ли она красоту в телах, которых касалась? Не потому ли она стала целительницей?

Хазбенд видел наверняка. И увиденное только подтвердило его квакерские принципы, поэтому он покинул поле битвы, неспособный ни чинить насилие, ни его поощрять.

А принципы самого Роджера? Если он и раньше не собирался ни в кого стрелять, то теперь и подавно.

В воздухе до сих пор висели весенние ароматы. Мимо пролетела беззаботная синяя бабочка. День оставался прекрасным, однако иллюзия спокойствия рассеялась. Роджер еще чувствовал запах пота, грязи и страха, которые окружали лагерь регуляторов.

А принципы Джейми Фрейзера? Он частенько задумывался о мотивах Фрейзера, к которому его влекла как личная симпатия, так и профессиональный интерес историка. Роджер принял решение: он не причинит никому вреда намеренно, хотя предполагал, что ему, при необходимости, придется защищать свою жизнь. А Джейми?

Роджер был практически уверен, что Джейми сочувствует делу регуляторов. Вдобавок вряд ли его тесть предан Короне. Ни один человек, переживший Каллоден и его последствия, не будет считать себя обязанным хранить верность королю Англии, не говоря уже о чем-то большем. Нет, дело не в Короне. Может, в Уильяме Трионе?

Явно не преданность, исходящая из личных мотивов... однако некие обязательства все равно присутствовали. Трион призвал Джейми Фрейзера, и тот откликнулся. Но оказавшись здесь, станет ли он сражаться?

А как иначе? Он должен вести вперед своих людей, и если начнется битва... Роджер оглянулся, словно мог увидеть над деревьями облако гнева, окружавшее регуляторов. Да, Джейми придется сражаться, невзирая на его мнение об этой затее.

Роджер попытался представить, как направляет ружье на человека, ничем его не обидевшего, и спускает курок. Или, еще хуже, рубит соседа саблей. Например, бьет по голове Кенни Линдси. Но воображение его подвело. Неудивительно, что Джейми хотел прибегнуть к помощи Хазбенда, прежде чем все начнется.

Впрочем, Клэр однажды упоминала, что в молодости Джейми сражался во Франции в качестве наемника. То есть, скорее всего, убивал людей, которые ни в чем перед ним не провинились. Как...

Роджер скользнул под завесу ивовых ветвей, за которыми скрывался брод, и услышал голоса. На берегу реки находилась группа женщин, сопровождавших лагерь. Некоторые стирали, наклонившись над водой, другие относили мокрые вещи к деревьям и кустам, чтобы развесить. Роджер мимоходом скользнул по ним взглядом, как вдруг заметил... Что? Что там?

Вот. В ней не было ничего примечательного – и все же она выделялась среди других женщин, словно кто-то обрисовал ее силуэт черными чернилами на фоне потока воды и цветущей зелени.

– Мораг, – шепнул Роджер, и его сердце радостно забилося. Жива.

Он почти выбрался из-под ив, когда наконец задумался, что творит. Впрочем, уже было поздно.

Несколько женщин глянули в его сторону, еще несколько настороженно замерли. Но Роджер был один и без оружия, а их – около двадцати, и мужья, в случае чего, располагались неподалеку, поэтому женщины наблюдали за ним просто с любопытством.

Она стояла неподвижно по колено в воде, подобрав юбку. Его узнала, однако виду не подавала. Остальные женщины на всякий случай отступили, и лишь Мораг осталась на месте,

среди порхающих стрекоз. Из-под чепца выбилась прядь каштановых волос, из рук свисала забытая мокрая сорочка. Роджер вышел из воды и остановился перед ней.

– Миссис Маккензи, – тихо произнес он. – Рад встрече.

Она улыбнулась краем рта. Глаза у нее были карими. Роджер раньше этого не замечал.

– Мистер Маккензи, – отозвалась Мораг и коротко кивнула.

Роджер лихорадочно соображал. Надо ее предупредить, но как? Не в присутствии же остальных... Сообразив, он схватил плавающую у ее ног одежду и пошел с ней к берегу. Мораг поспешила следом.

– Вы что творите? – воскликнула она. – Эй, верните мою одежду!

Роджер дошел до пролеска и небрежно уронил вещи на куст, все же постаравшись, чтобы они не испачкались.

– Да что вы себе позволяете, воруете? – возмутилась раскрасневшаяся Мораг. – А ну отдайте!

– Я ничего не ворую, – заверил ее Роджер. – Просто хочу поговорить с вами наедине.

– М-да? – подозрительно глянула Мораг. – И о чем?

Роджер улыбнулся. Худая, с загорелыми руками и здоровым цветом лица, одета она была чисто и утратила тот мертвенно-бледный затравленный вид, который имела на «Глориане».

– Я хотел спросить, все ли у вас хорошо, – тихо произнес Роджер. – И как ваш сын... Джемми?

Имя заставило его вздрогнуть, и на мгновение образ Брианны с сыном в дверном проеме наложился на воспоминание о Мораг с ребенком на руках в полумраке трюма.

– А-а... – Ее подозрение немного ослабло, сменившись неохотным осознанием, что у Роджера есть право на подобный вопрос. – У нас все хорошо... у обоих. И у моего мужа тоже, – подчеркнула она.

– Рад слышать, – вновь заверил ее Роджер. – Очень рад. – Он подыскивал слова, чувствуя себя неловко. – Я... я думал о вас порой... гадал, все ли в порядке. А сейчас... вот решил спросить.

– Понимаю. Ну, большое вам спасибо, мистер Маккензи. – Мораг серьезно взглянула в его глаза. – Я знаю, что вы для нас сделали. Я не забуду. И молюсь за вас каждую ночь.

– Ох. – Роджеру показалось, будто что-то легкое толкнуло его в грудь. – Э-э... спасибо.

Временами он задавался вопросом, думает ли Мораг о нем. Помнит ли поцелуй, который он подарил ей в трюме, ища ее тепла, чтобы спастись от пробирающего до костей одиночества? Роджер закашлялся, покраснев от воспоминания.

– Вы... живете неподалеку?

Мораг покачала головой, и какая-то мысль заставила ее сжать губы.

– Жили... ну, теперь это не важно. – Она вдруг деловито принялась снимать одежду с куста, встряхивая ее, прежде чем свернуть. – Большое спасибо за ваше беспокойство, мистер Маккензи.

Разговор был явно окончен. Роджер вытер ладони о бриджи и переступил с ноги на ногу, не желая уходить. Он должен ей рассказать... однако, найдя ее вновь, он почему-то не хотел просто предупредить ее и следовать дальше своей дорогой. В нем кипело любопытство... и странное ощущение связи.

Может, не такое уж и странное. Все-таки эта маленькая загорелая женщина была его семьей. Единственным человеком его крови, которого он знал после смерти родителей. И все-таки очень странное, понял он, когда взял ее за руку. Она ведь была его далеким предком.

Мораг напряглась, пытаясь отстраниться, но Роджер держал крепко. Ее кожа была холодной от воды, а под его пальцами бился пульс.

– Подождите, прошу. Всего мгновение. Мне... мне нужно вам рассказать... кое-что.

– Нет, не нужно. Я не хочу.

Она потянула руку сильнее и выдернула ее из ладони Роджера.

– Ваш муж. Где он?

Ему в голову пришла запоздалая мысль. Если Мораг не живет поблизости, значит женщины у реки, и она в том числе, действительно сопровождают лагерь. Мораг не шлюха, значит, она последовала за мужем, то есть...

– Он очень близко!

Мораг отскочила на шаг назад, поглядывая на оставшееся белье. Между ней и кустом стоял Роджер, мимо которого надо было пройти, чтобы забрать нижние юбки и чулки.

Вдруг осознав, что она его боится, Роджер поспешно схватил наугад какие-то вещи.

– Простите. Ваша стирка...

Роджер сунул ей одежду, Мораг машинально ее схватила. Что-то упало – детская рубашка, – и они оба наклонились, звонко столкнувшись лбами.

– Ай! Святая дева! – Мораг схватилась за голову, не забывая одной рукой прижимать к себе чистые вещи.

– Боже, все в порядке? Мораг... миссис Маккензи, с вами все в порядке? Простите!

Роджер коснулся ее плеча, прищурившись от боли, затем наклонился за маленькой рубашечкой и тщетно попытался отряхнуть ее от грязи. Удивленно моргнув, Мораг невольно рассмехалась.

Столкновение каким-то образом разрушило напряженность. Мораг хоть и отступила, но уже не боялась.

– Ничего. – Она шмыгнула носом, вытирая глаза, а потом осторожно коснулась назревающей шишки. – У меня крепкий череп, как всегда говорила мама. А вы как?

– Нормально. – Роджер дотронулся до своего лба и вдруг остро осознал, что он повторяет изгиб лба напротив. – И у меня крепкий череп, – улыбнулся Роджер, чувствуя себя нелепо счастливым. – Семейная черта.

Он осторожно протянул Мораг испачканную рубашечку.

– Простите, – снова извинился он. – Ваш муж. Я спросил о нем потому, что... он ведь из регуляторов?

Мораг вскинула бровь:

– А вы разве нет?

Конечно. Кто же еще мог быть на этой стороне Аламанса? Войска Триона в полном боевом порядке заняли луг на другом берегу, а здесь, словно пчелы, роились регуляторы, без предводителя и без управления, гудящая от гнева масса, готовая к насилию.

– Нет, – ответил Роджер. – Я с ополчением.

Он махнул в сторону дыма от костров армии Триона, за рекой. В глазах Мораг вновь отразилась тревога.

– Об этом я и хотел вам сказать. Предупредить вас и вашего мужа. Губернатор настроен серьезно, он привел организованную и вооруженную армию, у него пушки.

Роджер наклонился к Мораг, передавая ей оставшиеся чулки. Она протянула руку, не сводя с него выжидающего взгляда.

– Он собирается подавить мятеж любой ценой. Отдан приказ убивать в случае сопротивления. Понимаете? Вы должны передать мужу, заставить его уйти, прежде... прежде, чем что-нибудь случится.

Мораг побледнела и невольно прижала руку к животу. Влага от стиранных вещей промочила ее муслиновое платье, и Роджер заметил под ним небольшую выпуклость, круглую и гладкую, как дыня. Он ощутил укол страха, будто мокрые чулки в руках Мораг проводили электричество.

«Жили... ну, теперь это не важно», – сказала она. Мораг могла иметь в виду лишь то, что они переехали, но... она стирала и детские вещи, значит, сын с ней. А муж где-то в бурлящей толпе.

Одинокий мужчина вполне мог взять ружье и присоединиться к мятежу просто из скуки или на пьяную голову. Женатый и с ребенком так не поступил бы. Подобное говорило о серьезном недовольстве, последовавших за ним лишениях и обидах. А раз он привел и жену, и ребенка, значит, не сумел найти для них безопасного места.

Роджер подумал, что, скорее всего, у Мораг с мужем и вовсе не осталось дома. Если мужа покалечат или убьют, как она вырастит Джемми и еще не рожденного малыша? У нее здесь больше никого нет.

Вернее, есть, но она об этом не знает.

Роджер схватил ее за руку, притягивая к себе, преисполненный желанием защитить Мораг и ее детей. Он уже однажды их спас и спасет снова.

– Мораг, – произнес он. – Выслушайте меня. Если что-то случится, что угодно, найдите меня. Если вам что-нибудь понадобится. Я о вас позабочусь.

Она всмотрелась в его лицо, и меж ее бровей залегла небольшая морщинка. Роджера охватило непреодолимое желание установить с Мораг физическую связь – не только ради него самого, но и ради нее. Он наклонился и очень нежно ее поцеловал.

А затем, открыв глаза и подняв голову, понял, что смотрит через плечо Мораг на изумленное лицо еще одного своего предка.

– А ну отошел от моей жены!

Уильям Бакли Маккензи с громким треском выскочил из кустов. На его лице застыло злое выражение. Он был высоким, почти как Роджер, на плечах бугрились мышцы. Остальные детали казались неважными, учитывая, что у него, вдобавок, был нож. Все еще в ножнах на поясе, но Уильям многозначительно положил ладонь на рукоять.

Роджер сдержал порыв сказать: «Это не то, что вы думаете». Так и было, однако объяснить свой поступок внятно ему все равно не удалось бы.

– Я не хотел проявить неуважение, – произнес он и медленно выпрямился. Сейчас не следовало действовать резко. – Извините.

– Да? А что же ты этим хотел проявить, черт возьми?

Маккензи властно положил руку на плечо жены. Она вздрогнула – пальцы мужа впились в ее плоть.

– Я встретил вашу жену... и вас на борту «Глорианы», год или два назад. А когда увидел ее здесь, то решил спросить, как дела у вашей семьи. И все.

– Уильям, он не замышлял ничего дурного. – Мораг коснулась руки мужа, и болезненная хватка ослабла. – Он говорит правду. Разве ты его не узнаешь? Это он нашел нас с Джемми, когда мы прятались в трюме... Он принес нам еды и воды.

– Вы попросили меня о них позаботиться, – веско добавил Роджер. – Во время драки, когда моряки выбрасывали больных за борт.

– Да? – Маккензи немного расслабился. – Так это был ты? Не разглядел лица в темноте.

– И я вашего.

Зато сейчас Роджер его увидел. Значит, вот он, непризнанный сын Дугала Маккензи, бывшего военного вождя клана Маккензи из Леоха. Присмотревшись, Роджер легко различил широкие скулы и высокий лоб, которые Джейми Фрейзер унаследовал от клана своей матери. Ну, и рост – Маккензи был выше шести футов, почти вровень с Роджером.

Мужчина слегка повернулся, и в ярких зеленых глазах сверкнуло солнце. Роджеру захотелось прикрыть свои, чтобы Маккензи вдруг не осознал то же самое, что и он.

Впрочем, тот все равно отвлекся. Из кустов появились двое, беспокойные и грязные от долгой лагерной жизни. Один держал ружье, другой был вооружен лишь дубинкой, смастеренной из толстой ветки.

– Кто это, Бак? – спросил мужчина с ружьем, разглядывая Роджера с подозрением.

– Как раз пытаюсь выяснить. – Лицо Маккензи вновь помрачнело. Развернув жену, он подтолкнул ее в сторону реки. – Ступай к женщинам, Мораг. Я с ним разберусь.

– Уильям... – Мораг с беспокойством перевела взгляд с Роджера на мужа. – Он не сделал ничего...

– Ничего, да? Ничего, что он нахальничает с тобой на людях?

Уильям зло на нее глянул, и Мораг зарделась, явно вспомнив поцелуй, однако продолжила:

– Я... в смысле... он был к нам добр, нельзя...

– Я сказал, ступай!

Мораг открыла рот, чтобы возразить, но тут же вздрогнула – Уильям замахнулся на нее кулаком. Не раздумывая, Роджер врезал ему в челюсть – так сильно, что от удара свело руку.

Уильям пошатнулся и рухнул на колено, тряся головой, как оглушенный бык. Аханье Мораг потонуло в изумленных возгласах мужчин. Прежде чем Роджер успел к ним повернуться, он услышал тихий звук, от которого в жилах застыла кровь – холодный щелчок взведенного курка.

Раздалось короткое шипение вспыхнувшего пороха, и ружье с ревом выстрелило, испустив облако черного дыма. Все дернулись, и Роджер вдруг понял, что уже борется с одним из мужчин, кашляя и почти ничего не слыша. Отпихнув врага, Роджер мельком увидел Мораг, стоящую на коленях и вытирающую лицо мужа мокрой одеждой. Уильям грубо оттолкнул жену и, с трудом поднявшись на ноги, с выпученными глазами и покрасневшим от ярости лицом понесся к Роджеру.

Поскользнувшись на листьях, Роджер стряхнул руку мужчины с ружьем и рванул к кустам, ломая ветки, что царапали лицо и руки. Сзади послышался треск и тяжелое дыхание, а затем плечо Роджера стиснула железная ладонь.

Он схватил эту руку и с силой выкрутил. Сустав и кость хрустнули, и владелец руки взвыл, отскочив в сторону. Роджер бросился головой в брешь между кустами, а затем, проломившись сквозь заросли, соскользнул вниз и шлепнулся в воду.

Он кое-как нащупал ногами дно, кашляя и стряхивая воду, и увидел замершего на берегу Уильяма Маккензи. Тот, понимая невыгодное положение Роджера, с воплем прыгнул к нему.

В грудь Роджера словно ударило пушечное ядро, и он с плеском рухнул под отдаленные вскрики женщин. Он не мог дышать и ничего не видел, но упрямо хватался за месиво из одежды и конечностей, поднимая со дна ил в тщетной попытке встать и вдохнуть воздух пылающими легкими.

Наконец вынырнув, Роджер, как рыба, открывал и закрывал рот, слыша, как из груди вырывается хрип. Маккензи стоял напротив по пояс в воде, рыча, словно мотор. Роджер согнулся, упираясь дрожащими руками в бедра. Сделав вдох, он сумел выпрямиться и отбросил с лица мокрые волосы.

– Послушайте, я...

Маккензи бросился вперед. На его лице застыло странное, хищное выражение. Зеленые глаза горели.

Роджер запоздало вспомнил кое-что еще. Этот человек был сыном не только Дугала Маккензи, но и Гейлис Дункан, ведьмы.

Откуда-то из-за ив донесся звук взрыва. С деревьев взвились стаи испуганных птиц. Сражение началось.

Глава 65

Аламанс

Губернатор отправил капитана Малкольма, одного из своих адъютантов, и шерифа округа Орандж с письмом, в котором требует от мятежников сложить оружие, сдать главарей и т. д. Около половины десятого капитан Малкольм и шериф возвратились с сообщением, что шериф несколько раз зачитал письмо различным подразделениям мятежников, которые с презрением отвергли предложенные условия со словами, что они не желают никакого времени на рассмотрение, и громкими выкриками стали призывать к сражению.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

– Высматривайте Маккензи. – Джейми коснулся плеча Джорди Чишолма, и тот коротко кивнул.

Они хорошие парни и будут осторожны. Они его найдут, он на пути сюда.

Джейми повторял это сам себе уже в десятый раз, однако уверенности не прибавлялось. Господи, что с ним там приключилось?.. Если парни будут внимательны, они заметят Маккензи вовремя и не выстрелят. По крайней мере, так уговаривал себя Джейми, прекрасно понимая, что в пылу сражения каждый стреляет во все, что движется, а в дыму не видно лиц.

Да и вообще нет никакой разницы, кто убьет Маккензи. Если это случится, Брианна и Клэр обвинят Джейми, причем справедливо.

А потом, к его облегчению, стало не до раздумий. На открытой местности люди рассредоточились группами по три-четыре человека – по одному опытному бойцу на каждую – и побежали вперед, пригибаясь и виляя. Где-то позади раздался первый пушечный выстрел, громом прорезавший ясное небо.

Джейми увидел регуляторов – они выбежали на луг справа, – проревел «Casteal an Duin!»² и понесся в атаку, вскинув ружье над головой, как знак для своих людей. Воздух заполнился ревом и криками. Захваченные врасплох регуляторы замерли, бестолково размахивая оружием.

– *Thugham! Thugham!*

Ко мне, ко мне!.. Джейми упал на одно колено и, склонившись над ружьем, выстрелил над головами мечущихся людей.

Сзади донеслось тяжелое дыхание и удары кремня, а затем – оглушительный залп.

Пара регуляторов тоже присели, отвечая выстрелами. Остальные бросились за маленький, поросший травой холмик.

– *A draigha! Налево! Nach links!* Отрежьте их! – услышал Джейми собственный рев и рванул вперед.

Небольшая группа регуляторов разделилась: несколько человек бросились к реке, остальные, сбившись в кучу, как овцы, убежали к холму и скрылись за ним. Джейми отозвал своих людей резким свистом, перекрывшим нарастающий грохот пушек. Слева донеслись ружейные выстрелы, и Джейми двинулся в том направлении, зная, что люди последуют за ним.

Ошибка. Земля там оказалась болотистой, полной ям и вязкой грязи. Джейми указал в сторону более высокого места – пусть лучше враг пойдет к ним и увязнет, – растопырил пальцы и махнул рукой, приказывая рассредоточиться.

² Замок Дауни (гэльск.) – боевой клич клана Фрейзеров из Ловата.

Кровь бешено стучала в венах, кожу покалывало. Над ближайшими деревьями поднялось серое облако дыма, едко пахнувшего порохом. Орудийные расчеты вошли в ритм, превращая грохот артиллерии в стук огромного медленного сердца.

Джейми продвинулся чуть дальше на запад. Кустарник в основном состоял из сумаха, багрянника и ежевики, достигающей ему до пояса. Над головой возвышались сосны. Видимость была слабая, но Джейми смог бы услышать любого, кто приблизится, задолго до того, как увидит их. Или они его.

Никого из своих в поле зрения не было. Джейми спрятался около кизила и издал резкий клич, похожий на звук куропатки. Сзади донеслись похожие отклики. Спереди – ни одного. Отлично, теперь они примерно представляют, кто где находится. Джейми осторожно двинулся сквозь заросли дальше. Хотя в тени деревьев стало прохладнее, воздух оставался вязким, а по шее и спине стекал пот.

Джейми расслышал топот ног и прижался к сосне, скрываясь за ее темными ветвями. Ружье он направил в брешь между кустами. Неизвестный быстро приближался. Раздался треск веток под ногами, и из кустов выскочил молодой человек. Без ружья, с одним ножом для свежевания в руке.

Паренек показался знакомым, и Джейми успел вспомнить его имя прежде, чем палец нажал на курок.

– Хью! – позвал он тихо, но резко. – Хью Фаулз!

Молодой человек испуганно вскрикнул, заметил Джейми и замер, как кролик. Потом на его лице отразилась паническая решимость, и он с криком бросился в атаку. Пораженный Джейми едва успел поднять ружье, чтобы отбить лезвие дулом. Нож со скрежетом прошелся по металлу и зацепил пальцы. Юный Хью снова замахнулся, но Джейми коротко пнул мальчишку в колено и отступил в сторону, когда тот зашатался, бешено дергая рукой с ножом. Джейми снова пнул Хью, и тот рухнул на землю, воткнув нож в землю.

– Ты прекратишь? – сердито поинтересовался Джейми. – Бога ради, парень, ты что, меня не узнал?

Узнал ли его Фаулз или нет, услышал ли вообще?.. Мальчишка барахтался, с бледным лицом и вытаращенными глазами, в попытках встать и одновременно вытащить из земли нож.

– Так ты... – начал было Джейми и отпрянул, когда Фаулз, рыча, бросился на него с голыми руками.

Фаулз потянулся к горлу пошатнувшегося Джейми, однако тот уронил ружье и, подставив плечо, прекратил всю эту возню быстрым и жестким ударом в живот. Хью Фаулз скорчился на земле, подергиваясь, как раненая многоножка.

Джейми слизнул с костяшек кровь. Нож мальчишки зацепил все четыре пальца, а удар еще и ухудшил ситуацию – они горели огнем, а кровь на языке отдавала раскаленным серебром.

Вновь топот – кто-то быстро приближался. Джейми едва успел схватить ружье, как из кустов с треском вылез тесть Фаулза, Джо Хобсон с собственным ружьем наготове.

– Ни с места!

Джейми нацелился в грудь Хобсону. Тот замер, словно невидимый кукловод дернул его за ниточки.

– Что ты с ним сделал? – Хобсон мельком глянул на зятя и вновь уставился на Джейми.

– Ничего смертельного. Опустит ружье, а?

Хобсон не шевельнулся. На грязном лице со всклокоченной бородой горели внимательные глаза.

– Я не причиню вам вреда. Опустит!

– Нас не возьмешь. – Палец Хобсона лежал на курке, но в голове прозвучала нотка сомнения.

– Вас уже взяли, дурень. Не волнуйся, ни с тобой, ни с пареньком ничего не случится. В тюрьме куда безопасней, чем здесь.

Его слова подтвердили свистящий звук и треск веток, как будто что-то пролетело в нескольких футах над головами, ломая деревья. Цепные ядра, машинально подумал Джейми, невольно пригнувшись от неожиданности.

Хобсон в ужасе отпрянул, тыча дулом в сторону Джейми, а потом дернулся и изумленно распахнул глаза. На его груди медленно расцвело алое пятно. Он в замешательстве опустил на него взгляд, а потом выронил ружье и, привалившись к стволу дерева, умер.

Развернувшись, Джейми увидел Джорди Чишолма, покрытого сажей от выстрела и изумленного тем, что случилось.

Вновь раздался грохот. Неподалеку, сломав ветви, упало очередное ядро. Джейми ощутил дрожь земли даже сквозь подошвы башмаков. Он бросился на живот и пополз к Хью Фаулзу, который умудрился встать на четвереньки и теперь изрыгал содержимое желудка.

Джейми схватил Фаулза за руку и, не обращая внимания на лужу рвоты, резко дернул.

– Давай! – Он поднялся на ноги и, подхватив мальчишку за талию и плечо, потащил к роще. – Джорди! Джорди, помоги!

Чишолм подбежал, и вдвоем они наполовину потащили, наполовину понесли Фаулза в укрытие.

Воздух наполнился резким запахом древесного сока, что выступил из сломанных веток, и Джейми внезапно подумал о садике Клэр, о свежевскопанной земле борозд и могил и о Хобсоне, который сидел в лучах солнца у дерева с застывшим в глазах удивленным выражением.

От Фаулза несло рвотой и дерьмом. Джейми надеялся, что все же от Фаулза. Он подумал, что его самого вот-вот вырвет от нервного напряжения, и до крови прикусил язык, одновременно сжимая мышцы живота, чтобы сдержаться.

Слева кто-то поднялся из кустов. Джейми машинально вскинул ружье, которое держал в левой руке, и выстрелил. Когда дым рассеялся, он увидел, что незнакомец побежал прочь, врезаясь в деревья.

Фаулз уже мог стоять на ногах, и Джейми отпустил парня, оставив его на Джорди, сам же упал на одно колено, нащупывая порох и пулю. Затем разорвал заряд зубами и, чувствуя на языке вкус пороха вперемишку с кровью, засыпал его в ствол, утрамбовал, проверил кремень... При этом он с удивлением отмечал, что руки совершенно не дрожат, а действуют спокойно и ловко, будто сами по себе.

Впереди показались трое, и он вскинул ружье, но с последним обрывком сознательной мысли дернул его вверх и выстрелил над их головами. Мужчины остановились, а Джейми бросил ружье и, сорвав с пояса кинжал, с криком помчался на них.

Слова царапали горло, саднящее от дыма.

– Бегите!

Мужчины прыгнули в разные стороны, как испуганные перепелки. А Джейми, как волк, погнался за самым медленным, перепрыгивая через ямы в земле. В животе расцветала странная звериная радость, которая перетекала в ноги. Джейми чувствовал, что может бежать вечно. Холодный ветер обдувал кожу, в ушах звенело, а весенняя земля пружинила под башмаками так, словно он летел над травой и камнями.

Человек, которого он преследовал, оглянулся через плечо и с воплем ужаса врезался в дерево. Джейми прыгнул на свою жертву, услышав хруст ребер, сжал в пальцах сальные волосы, задрал голову мужчины вверх и в последний миг удержался, чтобы не полоснуть по открытому незащитному горлу. Он уже чувствовал, как лезвие взрезает плоть, как хлещет горячая кровь...

Джейми судорожно схватил ртом воздух. Затем очень медленно отвел клинок от бьющейся на горле вены. И задрожал от неудовлетворенного желания, словно его оттащили от тела женщины, когда он вот-вот был готов излиться семенем.

– Ты мой пленник, – произнес Джейми.

Мужчина непонимающе на него уставился. Он плакал, и слезы прочерчивали дорожки на грязном лице. Он пытался что-то сказать, но не мог вдохнуть достаточно воздуха из-за вздернутой вверх головы. До Джейми смутно дошло, что он говорил на гэльском, и этот человек его просто не понял.

Он заставил себя выпустить голову жертвы, затем попытался вспомнить английские слова, похороненные под бьющейся в сознании жаждой крови.

– Ты... мой... пленник, – наконец сумел выговорить Джейми, хватая воздух ртом между словами.

– Да! Да! Что угодно, только не убивайте, пожалуйста, не убивайте!

Всклипывающий человек сжался, втянув голову в плечи и закрыв шею руками, словно Джейми мог впиться в нее зубами и перегрызть хребет.

Мысль об этом всколыхнула в нем смутное желание, однако грохот стучащей крови уже утихал. Проявились окружающие звуки. Ветер уже не пел ему, а одиноко отправился по своим делам, шелестя листвой вверх. Вдалеке раздавались ружейные залпы, но взрывов артиллерии уже не было.

С подбородка и лба капал пот, рубашка вымокла и воняла. Джейми медленно соскользнул с пленника и опустился рядом с ним на колени. Его вдруг охватила невыразимая нежность по отношению к этому человеку, и он протянул было руку, чтобы его коснуться, но нежность тут же сменилась внезапным ужасом, который тоже неожиданно ушел. Джейми закрыл глаза и сглотнул. Его тошнило. Прикушенный язык пульсировал от боли.

Сила, которую он впитал из земли, постепенно вытекала из ног и возвращалась в землю. Джейми неловко похлопал пленника по плечу и с трудом поднялся.

– Вставай, – приказал он.

Руки дрожали. Он лишь с третьей попытки смог вложить кинжал в ножны.

– *Ciamar a tha thu, Mac Dubh?*

Оказавшийся рядом Ронни Синклер спрашивал, в порядке ли он. Джейми кивнул и отступил, а Синклер поднял пленника на ноги и заставил его надеть вывернутый наизнанку сюртук. Приходили и остальные, в одиночку или по двое: Джорди, братья Линдси, Галлегер. Они собирались вокруг Джейми, словно железные опилки вокруг магнита, и тоже приводили пленников. Всего их было шесть, угрюмых, испуганных или просто изможденных, в вывернутых наизнанку сюртуках. Среди них был и Фаулз, бледный и несчастный.

Сознание Джейми уже прояснилось, но тело казалось вялым и тяжелым. У Генри Галлегера на лбу красовалась кровавая царапина. Один мужчина из Браунсвилля – Лайонел? – держал руку под неестественным углом, очевидно, сломал. Остальные на первый взгляд были целы. И то хорошо.

– Спросите, видели ли они Маккензи, – попросил он Кенни по-гэльски, коротко указав на пленников.

Стрельба почти стихла, раздавались лишь редкие выстрелы. Над головами пролетела испуганная стая голубей.

Роджера Маккензи никто не знал и не видел. Джейми кивнул и рукавом вытер пот с лица.

– Ладно, что случилось, то случилось. Вы были великолепны, парни... а теперь идем.

Глава 66

Необходимая жертва

Вечером мертвых с военными почестями предали земле. Трое преступников, захваченных в ходе сражения, были повешены перед всей армией. Казнь доставила людям огромное удовлетворение, и в то же время это была необходимая жертва, дабы утихомирить ропот солдат, что настаивали на немедленном осуществлении правосудия и казни преступников, в борьбе с которыми они храбро сталкивались с множеством опасностей, а также теряли жизни и кровь.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

Роджер с силой дернул руками, но веревка лишь сильнее впиалась в запястья. Содранная кожа горела и, кажется, сочилась кровью, но кисти так оцепенели, что Роджер не мог сказать наверняка. Пальцы распухли, как сосиски, кожа на них натянулась.

Он лежал в тени поваленного дерева, куда его, предварительно связав по рукам и ногам, бросили Бакли с товарищами. Одежда после падения в реку насквозь промокла. По шее стекал пот, щеки горели, а голова буквально раскалывалась от прилива кипящей крови.

Рот ему заткнули белым флагом, затолкав так глубоко, что Роджер едва не задохнулся, и завязали сверху его же шейным платком. Роджер горел желанием как следует искалечить Уильяма Бакли Маккензи, даже если это будет последним делом в его жизни, и плевать, что он расправится с собственным предком.

Поблизости по-прежнему раздавались выстрелы, однако уже не залпами, а скорее треском жареной кукурузы. Воздух провонял порохом, и время от времени что-то свистело между деревьями, как Бармаглот у Кэрролла, с грохотом и треском ветвей. Цепные ядра?

Некоторое время назад на берег реки, разбрызгав грязь, обрушилось пушечное ядро, которое тут же остановило драку. Один из товарищей Бакли вскрикнул и помчался к деревьям, но другой остался, не обращая внимания на вопли и стрельбу, пока они с Бакли не сумели окунуть голову Роджера под воду. Он до сих пор чувствовал жжение в пазухах.

Теперь Роджер ухитрился встать на колени, согнувшись, как гусеница, только голову поднять над поваленным стволом не осмеливался, боясь выстрела. В его венах текла такая ярость, что он не испытывал страха, невзирая на кипящее вокруг сражение, хотя еще не полностью потерял способность мыслить.

Он с силой потерся о кору, пытаясь сорвать повязанный вокруг головы платок. План сработал: ткань зацепилась за сучок и после рывка сползла под подбородок. Кряхтя от усилий, он слегка вытолкнул изо рта белый флаг и при помощи все того же сучка сумел вытащить его из глотки.

К горлу тут же поднялась желчь. Роджер поспешил жадно глотнуть воздух, и желудок слегка успокоился.

Отлично, теперь можно дышать. А что дальше? Стрельба продолжалась. Слева раздался треск кустов, через которые пробежала группа людей.

Топот ног приближался. Роджер нырнул за ствол дерева как раз вовремя – в него чуть не врезалось перелетевшее через преграду тело. Новый сосед поднялся на четвереньки, прижимаясь к стволу, и только тогда заметил Роджера.

– Ты!

Чернобородый из лагеря Хазбенда уставился на Роджера, и его лицо медленно налилось кровью. Роджер буквально чувствовал исходящую вонь страха и злобы.

Чернобородый схватил его за грудки и дернул к себе.

– Это все ты виноват! Ублюдок!

Связанный, Роджер не мог сопротивляться, но все равно попытался его оттолкнуть.

– Пусти, осел!

Именно в этот момент чернобородый заметил путы и от неожиданности действительно выпустил его из рук. Роджер потерял равновесие и завалился на бок, больно ободрав лицо о кору. Глаза чернобородого выпучились от удивления, а потом сузились от веселья.

– Клянусь папашей, да тебя повязали! Вот так удача! Кто тебя словил, дурень?

– Он мой. – Низкий голос с шотландским выговором возвестил о появлении Уильяма Бакли Маккензи. – Что значит «это все ты виноват»?

– Вот это! – Чернобородый махнул рукой на поле вокруг. Артиллерия уже смолкла, изда- лека доносились лишь одиночные ружейные выстрелы. – Утром явился в лагерь, спрашивал Эрмона Хазбенда, а потом увел его на пару слов. Не знаю, что он, черт возьми, наговорил, но Хазбенд пошел напрямик к лошади, велел нам всем возвращаться домой и уехал!

Чернобородый мрачно уставился на Роджера, а затем с размаху отвесил ему оплеуху.

– Что ты ему наговорил, зараза проклятая?!

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Бакли, который с глубоким интересом наблюдал за ним и Роджером.

– Если бы Эрмон остался, мы бы выстояли! – разорвался чернобородый. – Но он уехал и просто выбил землю у нас из-под ног! Никто не знал, что делать, а когда мы очухались, Трион заявил, чтоб мы сдавались. Черта с два, конечно, вот только драться мы были все равно не готовы...

Он умолк, заметив взгляд Роджера и осознав, что тот видел его паническое бегство.

Стрельба прекратилась. Роджер медленно осознал, что битва не просто закончилась, – регуляторы ее безнадежно проиграли. То есть очень скоро здесь окажутся свои. Глаза еще слезились от оплеухи, однако Роджер моргнул и прямо посмотрел на чернобородого.

– Я сказал Хазбенду то же, что говорю и вам, – произнес он со всей значимостью, на кото- рую был способен, лежа на земле связанным, как рождественский гусь. – Губернатор настроен серьезно. Он намерен подавить восстание и, судя по всему, уже это сделал. Если вам дорога ваша шкура, советую...

Чернобородый зарычал и, схватив Роджера за плечи, попытался разбить ему голову о дерево. Роджер, извиваясь, отпрянул, а затем рванул вперед и врезался лбом в нос черноборо- дого. Раздался хруст. Довольный, Роджер упал на локоть.

Ему еще не доводилось использовать этот прием, который назывался «поцелуй Глазго», но, кажется, получилось отлично. При падении Роджер повредил запястье, однако сейчас ему было на это плевать. Пусть только Бакли приблизится – получит то же самое.

Маккензи смотрел на него со смесью веселья и невольного уважения.

– Ох, какой ты одаренный! Предатель, соблазнитель чужих жен, хороший драчун – и все таланты в тебе одном уместились, да?

Чернобородый вскинул голову, давясь кровью из разбитого носа, но Роджер не обратил на него внимания, а следил за Бакли, прекрасно понимая, кого стоит опасаться.

– Человек, уверенный в своей жене, не станет волноваться, что ее соблазнит другой, – произнес он. – Я в своей уверен и в твоей не нуждаюсь, *adamain*³.

Загорелый и раскрасневшийся из-за сражения Бакли и вовсе побагровел. Однако он дер- жал себя в руках и слегка усмехался.

– А, так ты женат? Должно быть, твоя жена уродина, раз ты вокруг моей вьешься. Или она тебя из постели выгнала, потому что ты ее обслужить нормально не способен?

³ Дурак (*гэльск.*)

Впившаяся в запястья веревка напомнила Роджеру, что он не в том положении, чтобы обмениваться колкостями. Поэтому прикусил язык и проглотил слова, готовые с него сорваться.

– Хочешь оставить жену вдовой? – Он кивком указал в сторону, откуда доносились далекие голоса. – Битва закончилась, вы проиграли. Не знаю, намерены ли они брать пленников...

– Нескольких взяли, – перебил его Бакли.

Он нахмурился, раздумывая, как поступить. Выбор не такой уж богатый, подумал Роджер. Отпустить, бросить связанным, убить. Первые два вполне устраивали Роджера. Что касается третьего... ну, если бы Бакли хотел его смерти, уже убил бы.

– Лучше уходи, пока не поздно, – предложил Роджер. – Жена будет беспокоиться.

А вот Мораг он упомянул зря. Бакли резко помрачнел, но прежде чем успел что-то сказать, перед ними появилась его жена в сопровождении человека, который чуть ранее помогал Бакли вязать Роджера.

– Уилл! Ох, Уилли! Слава богу, ты жив! Ты не ранен?

Она была бледна и встревожена, а за ее шею, как обезьянка, цеплялся ребенок. Несмотря на свою ношу, Мораг протянула к мужу руку, чтобы убедиться в его невредимости.

– Не волнуйся, – грубо бросил Бакли, – я цел.

Однако он погладил ее по руке и неловко поцеловал в лоб.

– А что с этим будем делать, Бак? – Друг Бакли заинтересованно ткнул Роджера носком ботинка.

Мораг, заметив лежащего на земле Роджера, приглушенно вскрикнула и тут же зажала рот ладонью.

– Что ты натворил, Уилли? – воскликнула она. – Отпусти его, бога ради!

– Нет. Он мерзкий предатель. – Бакли мрачно сжал губы, недовольный, что жена обратила внимание на пленника.

– Нет, не может быть!

Крепко прижимая к себе сына, Мораг наклонилась к Роджеру. Разглядев его связанные руки, она ахнула и разгневанно повернулась к мужу:

– Уилли! Нельзя так обращаться с человеком, который спас твою жену и малыша!

«Господи, Мораг, хватит!» – подумал Роджер, заметив, как кулак ее мужа вдруг сжался. Бакли и без того был ревнивым ублюдком, а проигранная битва только разжигала его гнев.

– Убирайся, – приказал Бакли, выразив мысль Роджера менее галантным образом. – Здесь не место ни тебе, ни ребенку.

Чернобородый успел прийти в себя и маячил возле Бакли, прижимая руку к распухшему носу.

– Перерезать ему горло, и дело с концом. – Он для наглядности пнул Роджера по ребрам.

Мораг с яростным криком врезала чернобородому по голени.

– Оставь его в покое!

Чернобородый взвизгнул от неожиданности и отпрыгнул. Второй товарищ Бакли посчитал это крайне смешным, но тут же умолк, стоило Бакли кинуть на него злой взгляд.

Мораг уже стояла на коленях и пыталась одной рукой разрезать путы при помощи крошечного ножичка. Роджер очень ценил ее добрые намерения, однако искренне желал, чтобы она его не трогала. Очевидно, что душой Уильяма Бакли Маккензи овладел демон ревности, и теперь именно он сверлил Роджера яростным изумрудным взглядом.

Бакли схватил жену за руку и вздернул на ноги. Испуганный ребенок заплакал.

– Хватит, Мораг! – прорычал Бакли. – Уходи сейчас же!

– Да, уходи! – сердито встрял чернобородый. – Нам не нужна твоя помощь, потаскушка!

– Не смей так говорить о моей жене!

Развернувшись, Бакли резко ударил чернобородого в живот. Мужчина осел, комично открывая и закрывая рот. Роджер ему почти сочувствовал, зная, каково это – оказаться между двух Маккензи.

Второй товарищ Бакли, наблюдавший за происходящим с азартом теннисного болельщика, воспользовался случаем и вмешался, пока Мораг успокаивала ребенка:

– Так или иначе, Бак, давай уже с этим покончим.

Он с тревогой кивнул на реку. Судя по доносящемуся гулу голосов, к ним приближалась группа людей. Явно не бегущие прочь регуляторы. Солдаты губернатора ловят пленных?

– Да. – Бакли глянул в ту же сторону, а затем взял жену за плечи, но теперь уже нежно. – Уходи. Я боюсь за тебя.

Мораг расслышала в его голосе мольбу, и выражение ее лица смягчилось. Однако она все равно перевела взгляд на Роджера, который с растущим отчаянием пытался прибегнуть к телепатии.

Уходи, женщина, уходи, бога ради, пока ты меня не прикончила!

Мораг повернулась к мужу, решительно сжав губы.

– Поклянись, Уильям Бакли, что ты не тронешь и волоска на голове этого человека!

Бакли слегка выпучил глаза и сжал кулаки, но она, маленькая и яростная, твердо стояла на своем.

– Поклянись! Или, Бог свидетель, я не лягу в постель с убийцей!

Бакли глянул на угрюмого чернобородого и другого товарища, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно очень хотел в туалет. Солдаты Триона приближались. Затем Бакли посмотрел жене в лицо.

– Хорошо, Мораг, – проворчал он и подтолкнул ее. – Давай, иди!

– Нет.

Она взяла руку мужа и притянула к себе. Маленький Джемми уже успокоился и теперь прижимался к плечу матери, шумно посасывая большой палец. Мораг положила ладонь Бакли на головку сына.

– Поклянись головой сына, Уилл, что ты не причинишь вреда этому человеку и не дашь ему умереть.

Роджер мысленно заплотировал этому жесту, но все равно испугался, что Мораг зашла слишком далеко. Бакли оцепенел, к его лицу прилила кровь. Однако затем он коротко кивнул.

– Клянусь, – тихо произнес он и опустил руку.

Лицо Мораг расслабилось, и она, не говоря больше ни слова, поспешила прочь. Роджер наконец выдохнул. Господи, что за женщина! Он отчаянно надеялся, что с ней и с ребенком все будет в порядке... хотя если ее тупоголовый муж хочет споткнуться о чью-нибудь нору и сломать себе шею...

Уильям Бакли уставился на Роджера, задумчиво сощуривая зеленые глаза.

– Давай же, Бак! – Его товарищ оглянулся в сторону реки, откуда доносились громкие выкрики – солдаты прочесывали местность. – У нас нет времени. Говорят, Трион будет вешать пленников!

– В самом деле? – негромко отозвался Бакли.

Он некоторое время смотрел Роджеру прямо в глаза, и тому показалось, что в глубине зелени шевельнулось нечто знакомое. По спине прошел холодок.

– Он прав, – подтвердил Роджер. – Идите. Я тебя не выдам... ради твоей жены.

Бакли задумчиво сжал губы.

– Нет, – наконец сказал он. – Вряд ли ты сможешь. В смысле, меня выдать. – Он поднял с земли влажный и грязный белый флаг. – Иди, Джонни. Присмотри за Мораг. Я приду позже.

– Бак...

– Иди! Я в безопасности.

Не сводя глаз с Роджера, Бакли с легкой усмешкой достал из кармана маленький серебряный предмет. Потрясенный Роджер узнал собственный значок с грубо выжженными на олове черными буквами «ОФ».

Подбросив значок на ладони, Бакли повернулся к чернобородому.

– У меня есть одна мысль, сэр, насчет нашего общего друга, – кивнул он на Роджера. – Вы со мной?

Чернобородый глянул на Роджера, потом на Маккензи, и под его красным опухшим носом расплзлась ухмылка. Холодок, пробежавший по спине Роджера, вдруг превратился в полноценный страх.

– Помогите! – взревел он. – Солдаты, на помощь! Помогите!

Роджер перекатился, избегая их рук, но чернобородый успел схватить его за плечи. Из-за деревьев донеслись голоса и топот ног.

– Нет уж, сэр, – произнес Уильям Бакли, а затем железной хваткой вцепился в челюсть Роджера, вынуждая открыть рот. – Я правда не думаю, что вы заговорите.

С легкой усмешкой он вновь затолкал Роджеру в глотку влажную ткань бывшего флага и крепко завязал рот изодранным шейным платком.

Когда кусты раздвинулись, он повернулся в их сторону и махнул рукой со значком, сердечно приветствуя пришедших.

Глава 67

Последствия

Сейчас половина третьего; враг полностью разбит. Армия находится в пяти милях от лагеря, однако людям желательно не терять время и незамедлительно вернуться в лагерь у Аламанса. Оттуда высланы пустые фургоны для перевозки погибших и раненых лоялистов и даже нескольких раненых мятежников, которым, несмотря на обстоятельства, тоже была оказана помощь.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

Ружейный выстрел раздробил локоть Дэвида Уингейта. Ему не повезло: если бы пуля попала на дюйм выше, она сломала бы кость, зато травма легко бы зажила. Я сделала полукруглый надрез с внешней стороны сустава и выскребла расплюснутую пулю с осколками кости. Хрящ был сильно поврежден, а сухожилие бицепса полностью оторвано, его серебристый конец прятался в темно-красной мышечной плоти.

Я задумчиво пожевала нижнюю губу. Если ничего не сделать, рука останется безнадежно искалеченной. Если удастся прикрепить оторванное сухожилие и правильно расположить кости в суставной капсуле, бедолага, вероятно, еще сможет ей хоть как-то пользоваться.

Лагерь сейчас напоминал станцию скорой помощи – повсюду лежали тела, инструменты, окровавленные повязки. Большинство тел, слава богу, шевелились или хотя бы ругались и стонали. Один человек умер до того, как друзья донесли его до лагеря, и лежал в тени дерева, завернутый в одеяло.

Для двоих я мало что могла сделать, только держать их в тепле и надеяться на лучшее. Брианна постоянно проверяла несчастных на предмет шока и лихорадки, а в промежутках поила водой с медом тех, чьи раны были не столь тяжелы.

Вскоре после окончания битвы мне пришлось ампутировать ногу мужчине из полка Мерсера, который расположился рядом с нами, так как там не было хирурга. Снаряд оторвал несчастному стопу, и плоть свисала кровавыми лохмотьями с раздробленной кости. Я думала, что Брианна рухнет в обморок, когда отрезанная конечность упала в грязь прямо ей под ноги. Брианна тоже так думала, но каким-то чудом устояла, поддерживая пациента, который как раз лишился чувств, – спасибо Господу за его милосердие, – пока я с сумасшедшей скоростью прижигала сосуды и перевязывала обрубок.

Джейми привел людей в лагерь, крепко меня обнял и поцеловал, а потом ушел с братьями Линдси, чтобы отвезти пленных к губернатору и по пути поспрашивать о Роджере.

Возвращение Джейми наполнило мое сердце радостью. Хотя в груди тяжестью лежал страх за Роджера, на время работы я о нем забывала. Отсутствие новостей – еще не худший вариант, однако это могло успокоить лишь на время, и я с радостью принималась за лечение раненых, лишь бы утихомирить собственное воображение.

Срочных дел пока не прибавлялось. Мужчины все еще добирались до лагеря; их с надеждой в глазах встречала Бри. Если кому-то понадобится моя помощь, Брианна меня позовет. Ладно, решила я, попробую. Терять было нечего, разве что мистер Уингейт немного больше помучается от боли. Спрошу, согласен ли он.

Уингейт был бледен как мел и покрыт потом, но держался. Он кивнул, давая мне разрешение, и я вновь протянула ему бутылку виски, которую он поднес к губам здоровой рукой, словно эликсир жизни. Я попросила одного из мужчин держать руку Уингейта во время моей работы и ловким движением сделала надрез в виде перевернутой буквы «Т» над сгибом локтя, обнажая нижний конец бицепса. Потом взяла самые длинные щипцы и стала вытаскивать тугие

серебристые нити сухожилия, натягивая их как можно сильнее, чтобы затем пришить. И приступила к тонкой работе – соединению разорванных концов.

Я потеряла связь с реальностью, сосредоточившись лишь на своей задаче. Смутно помню тихое «кап... кап... кап...» у ног – то ли мой пот, то ли кровь пациента. Очень пригодилась бы помощь квалифицированной медсестры, однако приходилось рассчитывать лишь на себя. Все же у меня была хорошая хирургическая игла и тонкие нити вываренного шелка. Стежки выходили маленькими и аккуратным; черный зигзаг надежно держал скользкую блестящую плоть. Обычно для внутренних швов я использовала кетгут, который постепенно рассасывается, но сухожилия так медленно заживают, что я боялась рисковать. Шелковые нити навсегда останутся на месте; главное, чтобы это не вызвало дополнительных проблем.

Когда с самой сложной частью было покончено, время пошло снова. Дэвид мужественно выдержал испытание. Он кивнул и попытался слабо улыбнуться, когда я сказала, что дело сделано, хотя все еще стискивал зубы, а его щеки были мокрыми от слез. Только закричал, когда я промыла рану разбавленным спиртом, – они всегда кричат, бедняги, – а потом ссутулился, дрожа, пока я перевязывала рану.

Я наконец обратила внимание на окружающий мир. У меня за спиной двое как раз обсуждали сражение и нахваливали губернатора Триона.

– Ты видел, видел? – нетерпеливо спрашивал один. – Он правда сделал так, как говорят?

– Пусть меня выпотрошат и зажарят на завтрак, если это не так, – напыщенно отвечал другой. – Своими глазами видел! Он проехал в ста ярдах от этих свиней и приказал им сдаться. Они с минуты не могли ответить, просто переглядывались, будто искали того, кто все-таки заговорит с губернатором. Потом кто-то выкрикнул, мол, нет, черт возьми, никогда они не сдадутся. Ну и губернатор, мрачнее тучи, поднял клинок и махнул им вниз с криком «Огонь!».

– И вы открыли огонь?

– Ничего мы не открыли, – вставил третий голос довольно сухим тоном. – Получить сорок шиллингов за вступление в войска – это одно, а хладнокровно стрелять по знакомым – совсем другое. Кого, по-вашему, я увидел на той стороне? Кузена моей жены, который нагло мне ухмылялся! Не что чтобы этого плута любили в семье, но как я вернусь домой и скажу Салли, что понаделал в ее кузене Милларде дыр?

– Лучше так, чем ждать ту же услугу от кузена Милларда, – со смехом отозвался первый голос.

– Верно. Однако мы не стали этого дожидаться. Губернатор весь побагровел, когда его люди замешкались, встал на стременах, замахнулся клинком и заорал: «Стреляйте, черт вас побери! Стреляйте в них или в меня!»

Рассказчик пылко изобразил эту сцену, и слушатели восхищенно забормотали.

– Вот это солдат! – восхитился кто-то, чем вызвал одобрение остальных.

– И тогда мы начали стрелять, – продолжил рассказчик. – Все закончилось довольно быстро. А кузен Миллард, как выяснилось, весьма шустрый, успел удрать, гад.

Вновь раздался смех, и я улыбнулась, поглаживая Дэвида по плечу. Он тоже прислушивался к беседе, с радостью отвлекаясь от боли.

– Верно, сэр, – согласился еще один человек. – Думаю, на этот раз Трион настроен на полную победу. Слышал, он намерен повесить главарей регуляторов прямо на поле.

– Он что?! – мгновенно развернулась я с повязкой в руке.

– Да, мэм, – отозвался мужчина, неловко коснувшись края шляпы. – Мне об этом сказал человек из отряда Лиллингтона.

– Жаль, если повесят квакера, – печально заметил еще один. – Старик Хазбенд – настоящий ужас в печати, но он не злодей. Как и Джеймс Хантер, и Ниниан Гамильтон.

– Может, Трион повесит кузена Милларда, – пошутил третий, пихнув соседа локтем. – Тогда ты от него избавишься, а жена будет винить губернатора!

Вновь раздался смех, но уже не такой веселый.

Война – это всегда плохо, даже если она неизбежна. А хладнокровная месть победителя выходила за все рамки. Однако, с точки зрения Триона, она необходима. Битва прошла, причем и быстро, и малокровно. Под моей опекой находилось всего двадцать раненых. Лишь один погиб. Судя по разговорам, это было бегство, а не резня, солдаты не очень-то горели желанием убивать соотечественников. Значит, большинство регуляторов уцелели. Наверняка губернатор чувствовал, что для закрепления победы необходим решительный жест, чтобы запугать выживших и раз и навсегда затоптать тлеющий огонек опасного восстания.

Раздались звуки возни, затем топот конских копыт. Я подняла взгляд. Бри тоже вскинула голову, и мы увидели Джейми и Мердо Линдси на одной лошади. Они оба спешили и, попросив Мердо позаботиться о Гидеоне, Джейми тут же подошел ко мне.

По его встревоженному виду я поняла, что о Роджере он ничего не узнал. Джейми глянул на мое лицо и прочел в нем ответ на свой вопрос. Его плечи на миг поникли.

– Поищу на поле боя, – тихо сказал он. – Я уже передал другим отрядам. Если его найдут, нам тут же сообщат.

– Я с тобой. – Брианна уже успела стянуть грязный передник.

Джейми внимательно на нее посмотрел и кивнул:

– Хорошо, девочка, конечно. Только погоди немного, я позову маленького Джоша в помощь твоей матушке.

– Тогда я... я приготовлю лошадей.

Брианна выронила бутылку с водой и сумела ее поднять лишь после нескольких неуклюжих попыток.

– С ним все будет хорошо, – произнесла она. – Мы его найдем.

– Да, – подтвердила я, сжав ее руку. – Я знаю, что найдете.

Я наблюдала, как Брианна спешит через поляну, приподняв юбки, и чувствовала, как где-то в животе тяжелым комом оседает страх.

Глава 68

Казнь

Роджер медленно пришел в себя. Все болело, страшно хотелось пить. Он понятия не имел, ни где находится, ни как сюда попал. Вокруг раздавались голоса; за пределами его понимания что-то говорили, а скорее, кричали, как гарпии. В какой-то момент Роджеру показалось, что голоса звучат в его голове. Он даже видел их в виде маленьких коричневых существ с кожаными крыльями и острыми зубами. Хорошо бы кто-нибудь раскрыл его череп, выпустил голоса, чтобы осталась лишь ослепительно-белая, пустая кость.

Роджер сам не понял, как открыл глаза, и какое-то время оцепенело смотрел вперед, думая, что эта картина – продолжение его видений. Перед ним толпились люди, разношерстное море цветов – синего, красного, желтого с пятнами зеленого и коричневого...

Все виделось фрагментами – вот отдаленное скопление голов, висящих в воздухе, словно волосатые воздушные шары; вот рука с алым знаменем, отделенная от тела. Несколько пар ног, совсем рядом... Он сидит на земле? Да. Мимо уха с жужжанием пролетела муха и села на верхнюю губу. Роджер машинально дернулся и только тогда понял, что он действительно в сознании. И до сих пор связан.

Кисти онемели и утратили чувствительность, зато боль терзала напряженные мышцы рук и плеч. Роджер потряс головой, пытаясь рассеять туман, и тут же об этом пожалел. От ослепительной вспышки боли на глазах выступили слезы.

Он зажмурился и глубоко вздохнул, заставляя себя ухватиться хоть за клочок реальности. Сосредоточься. Держись. Пронзительные голоса стихли, оставив звон в ушах, однако разговоры продолжались. Роджер улавливал отдельные слова и прокручивал их в голове, пытаясь понять.

- Пример.
- Губернатор.
- Веревка.
- Моча.
- Регуляторы.
- Тушеное мясо.
- Нога.
- Вешать.
- Хиллсборо.
- Вода.

Последнее слово имело смысл. Роджер знал, что такое вода. Он ее хотел, жаждал. В горле пересохло, а в рот будто зачихали... да, там что-то есть.

- Губернатор.

Кто-то совсем рядом повторил это слово. Роджер поднял взгляд и с трудом сосредоточил его на лице – худом, смуглом и мрачном.

- Уверен?

– Да, сэр, – ответил другой голос, и Роджер разглядел второе лицо, знакомое, обрамленное густой черной бородой. – Видел его в лагере Эрмона Хазбенда, с которым он как раз и трепался. Спросите других пленников, сэр, они подтвердят.

Первое лицо кивнуло, а потом повернулось в сторону и вверх, обращаясь к кому-то высокому. Роджер поднял взгляд и резко дернулся, приглушенно вскрикнув: на него смотрели холодные зеленые глаза.

- Это Джеймс Маккуистон, – произнес зеленоглазый. – Из Хаджинс-Ферри.
- Вы видели его в битве?

Теперь Роджер хорошо рассмотрел первого человека – мужчину сорока лет в военной форме. И еще кое-что показалось знакомым... Джеймс Маккуистон...

– Он убил человека из моего отряда, – гневно сказал зеленоглазый. – Хладнокровно застрелил, когда тот лежал на земле, раненный.

Губернатор... это, должно быть, губернатор... Трион! Вот его имя!

Губернатор хмуρο кивал.

– Возьмите и его, – произнес он и отвернулся. – Трех пока достаточно.

Роджера вздернули на ноги и потащили вперед. Он потерял равновесие, однако не упал – его с двух сторон поддерживали мужчины в форме. Он попытался вырваться и найти зеленоглазого – черт возьми, как же его зовут? – но его грубо развернули и повели к возвышенности, где рос огромный дуб.

Холм окружало море людей, однако они тут же расступались, пропуская Роджера и его конвоиров. Маккуистон. Имя вдруг вновь возникло в сознании. Джеймс Маккуистон. Один из второстепенных вдохновителей движения регуляторов, подстрекатель из Хаджинс-Ферри.

Почему, черт побери, этот зеленоглазый... Бакли! Облегчение от того, что он наконец-то вспомнил имя, мгновенно сменилось потрясением, когда Роджер понял, зачем Бакли назвал его Маккуистоном. Почему...

Сформулировать вопрос он не успел. Первые ряды раздвинулись, и он увидел под деревом лошадей. С ветвей, над пустыми седлами, болтались петли.

* * *

Лошадей держали под уздцы, пока пленников сажали верхом. По щеке мазнули листья, в волосах запутались веточки, и Роджер машинально пригнулся, чтобы не повредить глаза.

Он вдруг различил в толпе женщину с ребенком на руках – эдакую маленькую Мадонну в коричневом, и резко выпрямился. В груди полыхнуло огнем от воспоминания о Бри с Джемми. Роджер бросился вбок и стал падать, однако его водрузили на место, отвесив крепкую затрепщину. Он затряс головой и сквозь пелену выступивших слез увидел, как Мадонна передала свою ношу кому-то в руки, а затем, подхватив юбки, понеслась вперед, словно за ней гнался сам дьявол.

Что-то упало на грудь, тяжелое и скользкое, как змея. Шеи коснулась колючая пенька, затянувшись сильнее, и Роджер закричал сквозь кляп.

Он боролся, не думая о последствиях, ведомый отчаянным стремлением выжить. Несмотря на кровоточащие запястья, сведенные мышцы, возмущенно взбрыкнувшую лошадь, чьи бока он слишком сильно сжал ногами, он бился в путях с такой силой, которую никогда в себе не ощущал.

Заплакал ребенок, потерявший мать. Толпа успела стихнуть, и крики малыша разносились по всей поляне. Смуглый солдат сидел на коне, подняв руку с клинком, и что-то говорил, но Роджер ничего не слышал из-за грохота собственной крови в ушах.

Кости запястий хрустнули, и по одной из рук прокатился жар – порвалась мышца. Клинок понесся вниз, вспыхнув на солнце. Ягодицы Роджера соскользнули с крупа лошади, ноги беспомощно обвисли. Мучительный толчок...

Он болтался, дергая ногами, пиная воздух, и слышал отдаленный гул толпы. В груди горело, спина выгнулась, а перед глазами стояла темнота, лишь в уголках глаз иногда вспыхивали молнии. Он хотел обратиться к Богу, но в душе не нашлось мольбы о спасении, лишь крик «Нет!» отдавался эхом в костях.

А затем упрямое желание жить его оставило, и тело обвисло, стремясь вернуться в землю. С дуновением прохладного ветерка Роджер ощутил тепло стекающих по ногам испражнений.

В глазах вспыхнул яркий свет, и последним, что Роджер услышал, был далекий плач осиротевшего ребенка.

Глава 69

Жуткое положение

Джейми и Бри уже были готовы ехать. Очень многие, несмотря на усталость, предложили помочь с поисками, от чего Брианна закусил губу. Я знала, что она искренне им благодарна, но на подготовку большой группы требовалось время. От нетерпения на коже Брианны выступили алые пятна.

«Маленький Джош» слегка побаивался новой должности помощника хирурга, но, в конце концов, конюх привык лечить лошадей. Единственная разница в том, пояснила я, заставив его рассмеяться, что люди могут рассказать, где болит.

Я мыла руки, готовясь зашить разбитую голову очередного пациента, когда с края поляны донесся непривычный шум. Джейми тоже его расслышал и, повернувшись, поспешил в ту сторону.

– Что там? – спросила я.

К нам бежала молодая женщина. Она была маленькой и сильно хромала, потеряв по дороге ботинок, но из последних сил упрямо двигалась вперед. Мердо Линдси, поддерживавший ее с одной стороны, что-то ей говорил, пытаясь успокоить.

– Фрейзер! – выдохнула она. – Фрейзер!

Женщина протолкнулась сквозь толпу собравшихся мужчин, отчаянно вглядываясь в их лица. Ее каштановые волосы спутались, из них торчали листья; кожа была покрыта свежими царапинами.

– Джеймс... Фрейзер... я должна... Это вы?

Джейми шагнул вперед и схватил ее за руку.

– Я Джейми Фрейзер. Меня ищешь?

Женщина кивнула, не в силах отдышаться. Я поспешно плеснула воды в стакан и протянула ей, но она яростно замотала головой, тыча рукой в сторону реки.

– Род... жер... – вымучила она, словно выброшенная на берег рыба. – Роджер... Маккен... зи.

Еще прежде, чем она успела выговорить последний слог, Брианна была рядом.

– Где он? Ранен? – схватила она женщину за руку, одновременно добиваясь ответа и поддерживая.

Голова женщины безвольно мотнулась из стороны в сторону, и она выдохнула:

– Вешают... они... они его... вешают! Губернатор!

Брианна бросилась к лошадям. Джейми, с той же ловкостью и сосредоточенностью, как перед боем, уже отвязывал поводья. Он без слов опустил, подставляя сложенные руки, и Брианна взмыла в седло, сразу посылая лошадь в галоп. Гидеон с Джейми нагнал ее кобылу в считанные мгновения, и оба всадника исчезли за завесой из ивовых ветвей.

Я что-то пробормотала себе под нос – то ли ругательство, то ли молитву. Потом сунула иглу с нитью Джошу и, схватив мешочек с инструментами, побежала к своей лошади. Женщина с каштановыми волосами упала на траву, от напряжения ее вырвало.

Догнала я их быстро. Мы не знали, где именно Трион устроил суд, и теряли драгоценное время, когда Джейми приходилось останавливаться и выяснять дорогу. Ответы зачастую мы получали путаные и противоречащие друг другу. Бри замкнулась в себе и только подрагивала, как стрела на тетиве.

Я пыталась приготовиться к любому повороту событий, включая наихудший. Я понятия не имела, как вершит суд Трион, сколько времени пройдет между обвинением и самой казнью.

Впрочем, я знала Триона достаточно давно, чтобы понять: он предпочитает действовать вдумчиво, но решительно.

А что касалось причин... Воображение меня подводило. Оставалось лишь надеяться, что та женщина ошиблась, перепутала кого-то с Роджером. Хотя чувствовала: это не так. Брианна тоже – она гнала лошадь через болотистую местность так отчаянно, что была готова спрыгнуть с седла и тянуть животное за собой.

День близился к концу, и вокруг нас вились тучки мошек, но Джейми даже не пытался их отогнать. Его плечи окаменели, готовые принять на себя груз знания. Это, как и мой страх, говорило мне, что Роджер, скорее всего, мертв.

Мысль билась в голове, как маленький и острый молоток. До сих пор чувство потери охватывало меня лишь на краткие мгновения, когда я смотрела на бледное лицо Брианны, думала о том, что маленький Джемми осиротеет, словно наяву слышала глубокий голос Роджера, смеющийся и поющий. Я даже не пыталась избавиться от назойливых мыслей; я знала, что не сломаюсь, пока не увижу тело.

И даже тогда я сдержу все внутри, ведь я буду нужна Брианне. Джейми поддержит ее, как скала, сделает все, что надо... а потом я буду нужна и ему. Никто не избавит его от вины, но я, по крайней мере, смогу стать для него исповедником. А моя скорбь подождет достаточно долго.

Заросли расступились, открывая широкий луг, и Джейми выслал Гидеона в галоп. Остальные лошади понеслись следом. Наши тени летели по траве, словно летучие мыши, а стук копыт терялся в гомоне собравшейся толпы.

На возвышении в дальнем конце луга рос огромный белый дуб. Листва ярко зеленела в лучах солнца. Мы проскочили мимо группы мужчин, и я увидела три свисающих с ветки фигуры. Молоток ударил в последний раз, и мое сердце треснуло, как лед.

Слишком поздно.

* * *

Казнь была неумелой. Трион не смог найти человека, который выполнил бы отвратительную работу палача на должном уровне. Трех приговоренных усадили на лошадей, накинули на шеи несчастным веревки, перекинутые через ветви дерева, а затем, по сигналу, отогнали лошадей, и мужчины остались болтаться в петлях.

Лишь одному из них повезло умереть от перелома шеи. Его голова висела под неестественным углом, члены обмякли. Это был не Роджер.

Остальные умирали медленно. Тела скорчились, застыв в последнем мгновении отчаянной борьбы за жизнь. Один человек... одно тело сняли, когда я подъехала поближе, и его унес прочь брат несчастного. Их лица почти не отличались: искаженные, потемневшие, каждое от своей муки. Для повешения использовали первую попавшуюся веревку, новую и нерастянутую. Ноги Роджера почти касались земли; он был выше остальных. Он сумел освободить из пут руки, однако пальцы почти почернели из-за недостатка кровообращения. Я не сразу подняла взгляд на его лицо, поэтому смотрела на Брианну, бледную и неподвижную. Джейми замер точно так же, но если глаза Брианны были пусты от потрясения, его глаза горели, как темные провалы в черепе. Затем он что-то тихо сказал по-гэльски, перекрестившись, и вытащил кинжал.

– Я его подержу. Перережь веревку, девочка.

Джейми протянул клинок Брианне, не глядя на нее, и приподнял тело Роджера, чтобы ослабить натяжение веревки.

Роджер застонал. Джейми оцепенел, держа его под грудной клеткой, и уставился на меня круглыми от изумления глазами. Звук был очень тихим, и только реакция Джейми убедила

меня, что я его действительно расслышала. Как и Брианна. Она подскочила к веревке и принялась пилить ее с молчаливым остервенением.

Я бросилась вперед и успела обхватить голову Роджера ладонями, пока Джейми укладывал его на землю. Он был холодным, но твердым. Конечно, если он жив, то все верно, однако я готовилась дотронуться до вялой мертвой плоти, и ощущение, что под моими руками еще теплится жизнь, потрясло.

– Доску, – выдохнула я, словно кто-то ударил меня в живот. – Брус, дверь, что угодно... Его надо положить. Нельзя двигать голову.

С трудом сглотнув, Джейми кивнул и отошел, сперва скованно, затем все ускоряя и ускоряя шаг, мимо скорбящих родственников и зевак, чьи любопытные взгляды обратились в нашу сторону.

Брианна до сих пор сжимала кинжал. Я мельком увидела ее лицо – все такое же бледное и омертвевшее, но теперь в глазах горел темный огонь, готовый сжечь любого, кто окажется слишком близко.

У меня не было времени на споры с остальными, да и вообще на что угодно. Роджер почти не дышал; грудь не вздымалась, губы и ноздри не шевелились. Я тщетно пыталась нащупать пульс на запястье – искать его на опухшей шее было бесполезно – и наконец обнаружила, как он едва заметно бьется чуть ниже грудной клетки.

Петля глубоко врезалась в плоть. Я лихорадочно нашарила в кармане перочинный нож. Веревка действительно была новой, из шершавой пеньки, на которой запеклась кровь. Я отметила этот факт отстраненно, словно отдельной частью сознания, пока руки занимались делом. Новые веревки нужно растягивать; у профессионального палача всегда есть собственные, уже растянутые и промасленные. Пенька больно колола пальцы, а я упрямо резала ее и разрывала ногтями.

Последнее волокно лопнуло. Запрокидывать голову нельзя – если шейные позвонки повреждены, это покалечит или убьет Роджера. Я схватила его за челюсть и попыталась очистить рот от слизи и других преград. Бесполезно – мешал распухший язык. Впрочем, воздуху нужно куда меньше места, чем пальцам. Я плотно зажала Роджеру нос, пару раз глубоко выдохнула, а потом прижалась губами к его рту и начала дуть.

Если бы я посмотрела на его лицо, то сразу бы поняла, что он жив. Да, он был без сознания, а веки и губы посинели, но само лицо еще не почернело от скопившейся крови, и глаза были закрыты, а не выпучены. Кишечник опорожнился, однако спинной мозг не был сломан, и Роджер не задохнулся – пока.

Хотя уже был к этому близок. Я снова попыталась вдуть воздух, удерживая руку на его груди. Ничего. Выдох. Никакого движения. Выдох. Уже что-то, но недостаточно. Выдох. Воздух вытекал наружу из уголков моего рта. Выдох. Как будто я пыталась надуть камень, а не воздушный шар. Еще выдох.

Над головой раздались смутные голоса. Что-то кричала Брианна. Рядом возник Джейми.

– Вот доска, – спокойно сказал он. – Что нам делать?

Я вытерла губы.

– Возьми его за бедра, Бри – за плечи. Поднимайте по сигналу, не раньше.

Они быстро перенесли Роджера, пока я поддерживала его голову, словно Святой Грааль. Вокруг нас толпились люди, но мне было некогда смотреть на них или прислушиваться к разговорам. Сорвав с себя нижнюю юбку, я зафиксировала ей шею Роджера. Когда мы его подняли, я не расслышала ни треска, ни хруста, однако во всем остальном мне приходилось положиться на удачу. Что помогло – его упрямство или просто чудо, но Роджер был жив. При этом он почти час был подвешен за шею, и опухоль в горле грозила совсем скоро довершить то, что не сумела веревка.

Я не знала, сколько времени у меня в запасе, однако процесс неизбежно двигался к завершению, и можно было сделать лишь одно. Сквозь массу раздутой плоти проникали считанные молекулы воздуха, и опухоль норовила перекрыть доступ совсем. Если воздух не может проникать через нос или рот, необходимо проделать еще одно отверстие.

Я повернулась в поисках Джейми, но рядом со мной присела Брианна. Шум сзади давал понять, что Джейми разбирается со зрителями.

Коникотомия?.. Быстрая и не требующая особых умений, однако надрез будет сложно держать открытым. И, возможно, все равно будет недостаточно. Моя ладонь лежала на груди Роджера, и под пальцами билось сердце, мягко, но достаточно сильно... Можно попробовать.

– Так, – обратилась я к Брианне, надеясь, что мой голос звучит спокойно. – Мне нужна помощь.

– Хорошо, – ровно ответила Бри. – Что делать?

По сути, ничего сложного: держать голову Роджера откинутой назад и неподвижной, пока я разрезаю его горло. Конечно, такое натяжение может повредить спинной мозг, если уже есть повреждения, или необратимо его защемить. Однако Брианна не должна беспокоиться – или вообще знать – о подобном.

Она встала на колени у головы Роджера и сделала, как я ей сказала. Средостение его трахеи выпятилось, обтянутое фасцией и кожей. Вот оно, прямо между двумя большими кровеносными сосудами. При малейшей ошибке можно перерезать сонную артерию или внутреннюю яремную вену, и Роджер истечет кровью прямо у меня на руках.

Я вытащила из кармана маленькую бутылочку спирта, чуть не выронив в процессе, плеснула ее содержимое на пальцы, а потом протерла скальпель и кожу Роджера. Меня вновь охватил хирургический транс, и руки стали действовать увереннее.

Прикрыв глаза, я прижала пальцы к шее Роджера и ощутила легкое биение артерии, а затем нащупала щитовидную железу. Шевельнула ее, сдвигая вверх – есть, получилось. Помассировав перемычку железы, убрала ее с пути, а другой рукой приставила лезвие к четвертому трахеальному хрящу.

Этот хрящ имел форму подковы, а за ним скрывался мягкий и уязвимый пищевод, поэтому нельзя погружать скальпель слишком глубоко. Кожа и фасция разошлись, раздался легкий хлопок – лезвие проникло внутрь. Послышалось громкое бульканье и влажный свист воздуха, проходящего через кровь. Грудь Роджера приподнялась, и только тогда я поняла, что мои глаза до сих пор закрыты.

Глава 70

Все хорошо

Вокруг сгустилась теплая темнота. Он почувствовал слабое шевеление за ее пределами, болезненное, назойливое присутствие – и вновь скрылся в безопасной тьме. Однако она уже начинала таять, медленно обнажая его перед лицом безжалостного света.

Он открыл глаза, попытался понять, на что смотрит. Голова пульсировала, множество мелких точек по всему телу взрывались болью. Его словно пронзали иглы, какими пришивают бабочку к доске. И если он сможет их выдернуть, то удастся улететь...

Он вновь закрыл глаза, ища спасения в уютной темноте. Вернулось смутное воспоминание о страшных усилиях, когда легкие разрывались без воздуха. Еще была вода, заполнившая нос, вздувающая одежду... Он тонул? Мысль вызвала легкую вспышку тревоги. Говорят, что это легкая смерть, что ты как будто засыпаешь. Может, он тонет, проваливается в коварную и окончательную свободу, которая видится ему притягательной тьмой?

Он дернулся, взмахивая руками, в попытке развернуться и достичь поверхности. Грудь взорвалась болью, в горле начало жечь. Откашляться не получалось, воздуха не было...

Над ним возникло лицо – размытое светлое пятно со вспышкой рыжих волос. Брианна? Имя всплыло в сознании, словно яркий воздушный шар. Затем глаза немного сфокусировались, и он разглядел более грубые, суровые черты. Джейми. Имя зависло перед мысленным взором, странно обнадеживая.

Давление, тепло... одна ладонь сжимала его руку, другая с силой упиралась в плечо. Он моргнул, и зрение постепенно прояснилось. Воздух не проходил ни через нос, ни через рот, горло было сжато, а в груди пекло, но он дышал. Значит, не утонул.

– Ты жив, – сказал Джейми. Синие глаза оказались так близко, что лицо обдало теплым дыханием. – Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Он отстраненно исследовал эти слова, взвешивая их, словно тяжелую горстку камешков в мысленной руке.

Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Нахлынул странный покой. Все важное он узнал, остальное потом. Долгожданная темнота вновь окутала его теплотой, и он благодарно в нее погрузился, все еще слыша слова, звучащие перебором струн арфы.

Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Глава 71

Слабая искорка

– Миссис Клэр?

У входа в палатку топтался Робин Макгилливей. Его темные жесткие волосы торчали, словно ершик, а сам он был похож на измученного енота, так как успел очистить от сажи лишь кожу вокруг глаз.

Клэр тут же поднялась и схватила инструменты.

– Иду.

Она оказалась у двери прежде, чем Брианна успела что-то сказать.

– Мама!

Паника, прозвучавшая в хриплом шепоте, заставила Клэр развернуться. Взгляд янтарных глаз метнулся от лица Брианны к Роджеру, затем обратно.

– Следи за его дыханием, – произнесла Клэр. – Держи мундштук чистым. Дай ему воды с медом, если он очнется и будет в состоянии глотать. И касайся его. Он не может повернуть голову, но ему нужно знать, что ты рядом.

– Мама... – Брианна умолкла, пересохший рот отказывался слушаться. «Не уходи! – хотелось ей кричать. – Не оставляй меня одну! Я не могу, я не знаю, что делать!»

– Я нужна им, – мягко отозвалась Клэр.

Она шагнула к нетерпеливо ожидающему Робину и растворилась в сумерках.

– А мне нет? – шевельнулись губы Брианны. Сумела ли она произнести это вслух? Неважно. Клэр ушла; она осталась одна.

Голова закружилась. Брианна вдруг поняла, что задерживает дыхание, и медленно вдохнула. Страх ядовитой змеей обвил спину, проскользнул среди мыслей, готовый вонзить клыки в сердце. Схватив извивающуюся тварь за голову, Брианна швырнула ее в корзину и захлопнула крышку. Хватит паники.

Мать не ушла бы, если бы Роджер оставался в опасности, если бы надо было срочно оказать ему медицинскую помощь. Значит, все хорошо. Брианна вновь вдохнула так глубоко, что скрипнули кости корсета.

«Касайся его. Говори с ним. Дай ему знать, что ты рядом», – говорила Клэр, смывая кровь после импровизированной трахеотомии.

Брианна повернулась к Роджеру, тщетно пытаясь найти место, прикосновение к которому не причинит ему боль. Его багровые руки распухли, как надутые перчатки, сломанные пальцы почернели. Веревка так глубоко впивалась в запястья, что иногда Брианна с содроганием думала, будто видит в рубцах белесую кость. Все это казалось ненастоящим, словно плохой грим для фильма ужасов.

Однако руки Роджера выглядели куда лучше, чем лицо. Разбитое и опухшее, с жутким рядом пиявок под подбородком, искаженное до неузнаваемости, будто это был зловещий незнакомец, лишь притворявшийся Роджером.

На руках тоже красовались пиявки – наверное, все, которых только смогли достать. Клэр оправила Джоша к другим хирургам с просьбой поделиться запасами, а потом послала его и двух ребят Финдли на берега реки срочно искать еще.

Следи за его дыханием. Это Брианна могла. Она села, двигаясь тихо из-за странной боязни разбудить Роджера, и легонько приложила ладонь к его груди. Облегчение от того, что он теплый, заставило ее вдохнуть. Роджер вздрогнул, ощутив дыхание Брианны на лице, а затем вновь расслабился.

Его собственное дыхание было настолько поверхностным, что Брианна убрала руку, опасаясь, что ее вес не позволит груди вновь подняться. И все же она слышала, как в мунд-

штуке слабо посвистывает воздух. Клэр реквизировала привезенную из Англии трубку мистера Касвелла и безжалостно отломала от нее янтарный мундштук. Его торопливо прополоскали в спирте, и, несмотря на оставшиеся табачные пятна, он хорошо справлялся с новым предназначением.

Два пальца правой руки Роджера были сломаны. Все ногти были сломаны или полностью выдраны. У Брианны самой перехватило дыхание от мысли о том, как яростно он боролся за жизнь. Его состояние казалось ей таким хрупким, что она боялась его коснуться, словно могла случайно столкнуть за невидимую границу между жизнью и смертью. И все же Брианна понимала, о чем говорила мать. Прикосновение могло удержать Роджера, не позволить шагнуть за край и потеряться во тьме.

Брианна сжала его бедро под одеялом, накрывающим нижнюю половину тела. Он издал тихий звук. Брианне пришла абсурдная мысль коснуться его гениталий.

– Уж это точно дало бы ему понять, что я здесь, – пробормотала она, проглотив желание истерически рассмеяться.

Нога Роджера слегка дрогнула.

– Ты меня слышишь? – тихо спросила Брианна, наклоняясь. – Роджер, я здесь. Это я... Бри. Не волнуйся, ты не один.

Собственный голос казался ей странным – слишком громким, слишком грубым.

– *Bi socair, mo chidhe*, – прошептала она. – *Bi samnach, tha mi seo*⁴.

Произносить слова на гэльском было проще; этот язык стал тонкой дамбой, что сдерживала наплыв чувств, в которых Брианна утонула бы. Любовь, страх, злость – все сплелось так сильно, что у нее дрожали руки.

Брианна вдруг осознала, что ее грудь набухла и болит. За последние несколько часов у нее совершенно не было времени, чтобы даже вспомнить о кормлении ребенка. Соски покалывало, и Брианна сжала зубы, чувствуя, как тонкая струйка молока, перемешанная с потом, намочила ткань корсета. Ей внезапно захотелось прижать Роджера к груди, позволить жизни перетечь из нее в него.

Касайся его. Она все время забывала. Брианна погладила его руку, мягко сжала предплечье. Роджер почувствовал ее пальцы – он приоткрыл глаз, в глубине которого мелькнуло понимание.

– Ты похож на мужскую версию Медузы Горгоны, – выдала Брианна первое, что пришло на ум.

Темная бровь слегка дернулась.

– Из-за пиявок. – Брианна коснулась темного существа. Оно сыто шевельнулось. – У тебя как будто борода из змей. Ты их чувствуешь? От них не больно? – спросила она, не сразу вспомнив слова матери.

Роджер с видимым усилием произнес беззвучное «нет» одними губами.

– Не говори ничего!

Брианна смущенно оглянулась на вторую постель – лежащий на ней человек молчал, закрыв глаза. Затем она быстро поцеловала Роджера, едва дотронувшись до его губ. Они дернулись, словно в попытке улыбнуться.

Ее хотелось на него накричать. Что случилось? Что, черт возьми, ты натворил?! Но Роджер не мог ответить. Брианну вдруг охватила ярость, однако она помнила о людях неподалеку, поэтому лишь сжала его плечо – одно из относительно непострадавших мест – и прошипела: «Как ты, бога ради, в это вляпался?!» ему на ухо.

⁴ Не волнуйся, сердце мое. Тише, я здесь (*гэльск.*).

Роджер поднял взгляд на ее лицо и скорчил непонятную гримасу. Плечо под ладонью Брианны начало подрагивать. Она поражено на него уставилась... и вдруг осознала: он смеется. Смеется!

Мундштук в его шее дернулся и издал хрипящий звук, что окончательно вывело Брианну из себя. Она встала, сжимая ноющую грудь руками.

– Я скоро вернусь, – бросила Брианна. – И только попробуй куда-нибудь деться, черт тебя дери!

Глава 72

Трут и угли

Джеральд Форбс был успешным адвокатом; даже одетый в походную форму и перепачканный пороховой сажей, он излучал твердую уверенность, что очень помогало ему, как капитану. И сейчас уверенность его не покинула, хоть он и чувствовал себя не в своей тарелке, комкая поля шляпы на входе в палатку.

Сперва я решила, что ему просто не по себе от вида раненых, как часто бывает с людьми. Или он испытывает неловкость от осознания обстоятельств, при которых Роджер оказался травмирован. Но, очевидно, дело было в чем-то другом; Форбс едва кивнул Брианне, сидящей у постели Роджера.

– Искренне сочувствую, мэм, – произнес он и сразу же повернулся к Джейми: – Мистер Фрейзер, могу я попросить вас на пару слов? И вас, миссис Фрейзер, – добавил он, отвесив мне поклон.

Я глянула на Джейми и поднялась, машинально хватая медицинский набор.

Исайя Мортон лежал на боку в палатке Форбса, с мертвенно-бледным и блестящим от пота лицом. Он еще дышал – редко и с ужасающим бульканьем, которое неприятно напомнило мне звук, вырвавшийся из проткнутого горла Роджера. К счастью, Мортон был без сознания. Я быстро его осмотрела и присела на пятки, вытирая лицо подолом передника. К вечеру не особо похолодало, а в палатке было тесно и жарко.

– Пуля пробила легкое, – сказала я.

– Выстрел в спину, – мрачно произнес Джейми.

Он глянул на Форбса, который не сводил глаз с раненого.

– Нет, – тихо произнес он в ответ на невысказанный вопрос. – Он не трус. Мы наступали, сзади никого не было.

– Никаких регуляторов? Метких стрелков, засады? – спрашивал Джейми, но Форбс начал качать головой прежде, чем Джейми успевал договорить.

– Мы гнали регуляторов до самой реки. Потом остановились и дали им уйти. – Форбс до сих пор машинально теребил шляпу. – Я не хотел никого убивать.

Джейми молча кивнул. Я откашлялась и аккуратно поправила рваную рубашку Мортонна.

– Стреляли дважды.

Вторая пуля только зацепила предплечье, но я четко видела направление царапины.

Джейми ненадолго прикрыл глаза.

– Брауны, – бросил он с мрачной уверенностью.

– Брауны? – удивился Форбс. – Он тоже так сказал.

– Он говорил? – Джейми опустил на корточки рядом с раненым и хмуро свел рыжие брови, а потом глянул на меня. Я покачала головой, держа запястье Исайи Мортонна. Пульс был мерцающим, слабым. Вряд ли Мортон снова заговорит.

– Когда его принесли, – Форбс присел рядом с Джейми и наконец выпустил несчастную шляпу из рук, – он звал вас, Фрейзер. А потом произнес: «Скажите Элли. Скажите Элли Браун». Повторил несколько раз, а потом... – Форбс молча махнул на Мортонна, из-под полуприкрытых век которого виднелись белки закатившихся в муке глаз.

Джейми очень тихо и очень грязно выругался по-гэльски.

– Ты правда думаешь, что это они? – вполголоса спросила я. Пульс под моим большим пальцем дрогнул, сбиваясь.

Джейми кивнул.

– Зря я их отпустил, – проговорил он, имея в виду Мортонна и Алисию Браун.

– Ты не мог их остановить. – Я протянула к нему свободную руку, но не дотянулась, привязанная к пульсу раненого.

Джеральд Форбс смотрел на меня в замешательстве.

– Мистер Мортон... тайно сбежал с дочерью человека по имени Браун, – тактично объяснила я. – Ее семье это не понравилось.

– Ясно. Брауны... Фрейзер, вы знаете, под чьим они командованием?

– Под моим, – коротко ответил Джейми. – Были, по крайней мере. Не видел их после битвы. Ты совсем ничего не можешь для него сделать, саксоночка?

Я качнула головой, не выпуская запястья Мортонна.

– Нет. Думала, что он уже умер, но пока нет. Пуля, скорее всего, не задела крупные сосуды. И все же... – Я снова качнула головой.

Джейми глубоко вздохнул.

– Понятно. Ты останешься с ним, пока он не...

– Конечно. Возвращайся в палатку, проверь, как там дела. Если Роджер... В общем, позови меня, если понадобится.

Джейми кивнул и ушел. Джеральд Форбс осторожно коснулся плеча Мортонна.

– Его жена... Я прослежу, чтобы ей помогли. Если он вдруг очнется, передадите ему мои слова?

– Конечно, – повторила я, но сомнение в моем голосе заставило его вскинуть брови. – Дело в том, что... э-э... у него две жены. Он уже был женат, когда сбежал с Алисией Браун. Отсюда и сложности с ее семьей.

На лице Форбса отразилось комичное удивление.

– Ясно. А-а... первая миссис Мортон... вы знаете ее имя?

– Нет, боюсь...

– Джесси.

Слово, сказанное едва ли не шепотом, прозвучало как выстрел и заставило нас умолкнуть.

– Что?!

Наверное, я слишком сильно сжала его запястье. Мортон поморщился, и я ослабила хватку. Его лицо по-прежнему оставалось мертвенно-бледным, но глаза были открыты, затуманенные от боли.

– Джесси... – снова шепнул он. – Дджеза... бель... Джесси Хэтфилд. Воды...

– Во... точно!

Я тут же потянулась за кувшином. Мортон мог бы выпить его целиком, но я пока позволила ему сделать лишь несколько маленьких глотков.

– Дджезабель Хэтфилд и Алисия Браун, – четко повторил Форбс, явно заноса их в мысленную картотеку своего адвокатского ума. – Верно? А где эти женщины живут?

Мортон вздохнул и закашлялся, мучаясь от боли.

– Джесси... в Гранит-фолс, Элли... в Гринсборо.

Дыхание было поверхностным, однако в горле не булькала кровь, она же не сочилась ни из носа, ни изо рта. Я все еще слышала чавкающий звук из-за раны и, ведомая внезапной мыслью, легонько потянула раненого вперед и задрала рваную рубаху.

– Мистер Форбс, у вас есть бумага?

– Что?... Да, есть... в смысле...

Форбс машинально сунул руку в карман и извлек свернутый лист. Я его тут же выхватила и, развернув, плеснула на бумагу воды. А затем прижала к маленькой дырочке под лопаткой Мортонна. По бледной коже потекли темные ручейки чернил вперемешку с кровью, но чавкающий звук прекратился.

Придерживая лист на месте, я чувствовала биение сердца раненого. Все еще слабое, но более ровное... да, определенно более ровное.

– Будь я проклята... – Я наклонила голову и взглянула на Мортон. – Умирать ты не собираешься, верно?

По его лицу градом катился пот. К груди липли темные лохмотья рубашки. Однако уголок рта дернулся в подобии улыбки.

– Верно, мэм, – ответил Мортон. – Не собираюсь. Элли. Ребенок... в следующем... месяце... Обещал... вернуться.

Я вытерла его лицо краем одеяла.

– Мы сделаем все возможное, чтобы ты вернулся, – заверила я, а потом глянула на адвоката, который наблюдал за происходящим с отпавшей челюстью. – Мистер Форбс, думаю, лучше перенести мистера Мортон в мою палатку. Не найдете для этого пару человек?

Форбс тут же закрыл рот.

– Да. Конечно, миссис Фрейзер. Немедленно.

С места он, впрочем, так и не сдвинулся, мельком бросив взгляд на прилепленный к спине Мортон лист. Я смогла разобрать между пальцами лишь несколько слов, но их хватило, чтобы понять: оскорбительные замечания Джейми о том, что Форбс – содомит, не очень-то верны. «Моя дорогая Валенсия», – начиналось письмо. Я знала только одну женщину с таким именем в окрестностях Кросс-Крика, или даже во всей Северной Каролине. И это была жена Фаркуарда Кэмпбелла.

– Мне ужасно жаль, что так получилось с вашим письмом, – произнесла я и, удерживая взгляд Форбса, тщательно потеряла листок, безвозвратно пачкая слова смесью крови и чернил. – Боюсь, она безнадежно испорчена.

Форбс глубоко вздохнул и надел шляпу на голову.

– Ничего страшного, миссис Фрейзер. Я... я приведу людей.

* * *

Вечер принес избавление не только от жары, но и от мух. Привлеченные запахами пота, крови и навоза, они тучами вились над лагерем, всех кусая, везде ползая и гудя самым отвратительным образом. Даже после их исчезновения я продолжала машинально хлопать себя по рукам и шее – чудилась щекотка от их лапок.

Однако они наконец-то улетели. Я оглядела свое маленькое королевство и убедилась, что все дышат, – причем с поразительным разнообразием звуков, – а потом вышла из палатки на свежий воздух.

Люди недооценивают возможность дышать. Я немного постояла с закрытыми глазами, наслаждаясь тем, как легко поднимается и опадает моя грудь. Проведя несколько часов в стараниях, чтобы не дать воздуху проникнуть в грудную клетку Исайи Мортон, и в попытках вдохнуть этот самый воздух Роджеру, я высоко ценила такую привилегию. Они оба не могли вдохнуть без боли – и все же оба дышали.

Остальными серьезно ранеными занимались другие хирурги или личный врач губернатора. Те, кто получил лишь мелкие повреждения, уже вернулись к товарищам хвастать будущими шрамами или заливать боль элем.

Я замерла, прислушиваясь – вдалеке раздалась торжественная барабанная дробь, которая резко стихла. Через мгновение тишины последовал пушечный залп.

Братья Линдси, лежащие у костра, подняли головы.

– Что это? – спросила я у них. – Что происходит?

– Хоронят мертвых, миссис Фрейзер, – отозвался Эван. – Не волнуйтесь, ага?

Я помахала им рукой и отправилась к реке. Пение лягушек вторило барабанной дробью. Почести для павших в битве. Интересно, где похоронят повешенных? Там же или в менее почетном месте, если их тела не заберут семьи? Трион не из тех, кто оставит даже врагов на съедение мухам.

Он ведь уже знает. Придет ли он принести извинения? Да и какое извинение тут можно принести? Роджер остался жив благодаря чистой удаче и новой веревке.

И он по-прежнему может умереть.

Коснувшись Исайи Мортонна, я почувствовала, как горит пуля, засевавшая в легком. Но его яростное желание выжить, несмотря ни на что, горело еще сильнее. Коснувшись Роджера, я ощутила... лишь слабую искорку. Я слушала его свистящее дыхание и представляла выгоревшие угли, среди которых еще тлел только один, готовый вот-вот потухнуть.

«Трут», – пришла мне в голову нелепая мысль. Он нужен, чтобы не дать костру потухнуть. Надо раздуть искру, однако без древесного угля ей не разгореться.

От созерцания камышей меня отвлек скрип колес, и я увидела небольшой фургон, запряженный лошастью.

– Миссис Фрейзер?

Голос я узнала не сразу.

– Мистер Макленнан? – изумилась я.

Он остановил фургончик рядом и коснулся шляпы. В свете звезд его лицо казалось тусклым и суровым.

– Что вы здесь делаете? – понизила я голос, придвинувшись ближе, хотя больше на берегу никого не было.

– Приехал забрать Джо, – ответил он, слегка кивнув на свой фургон.

Я весь день имела дело со смертью, и я была мало знакома с Джо Хобсоном. Однако я не знала, что он мертв, и у меня по коже пробежали мурашки. Я обошла фургон и заглянула внутрь.

Тело лежало без савана, с большим и не совсем чистым платком на лице, на котором неподвижно сидели три огромные черные мухи. Я смахнула их тыльной стороной ладони. Мухи взвились, жужжа, и тут же сели чуть дальше.

– Вы сражались? – спросила я, не глядя на Макленнана.

Он был на стороне регуляторов, но от него не пахло порохом, как от остальных.

– Нет, – тихо произнес он у меня за спиной. – Я не хотел драться. Я прибыл с Джо Хобсоном, мистером Гамильтоном и другими... а когда запахло жареным, ушел. Добрался до мельницы на другом конце города. А потом, когда солнце зашло и Джо не вернулся... я приехал снова.

– И что теперь? – Мы оба говорили тихо, как будто могли потревожить сон мертвеца. – Помочь его похоронить? Мой муж...

– О нет, – мягко перебил меня Макленнан. – Я заберу его домой, миссис Фрейзер. Благодарю вас за доброту. Впрочем, если найдется немного воды и еды в дороге...

– Конечно. Подождите здесь.

Я поспешила обратно в палатку, по пути прикидывая расстояние отсюда до Дранкард-спринга. Четыре дня, пять, шесть? А солнце палит неумолимо, и мухи... Но я могла распознать по голосу, когда шотландец настроен решительно, и потому не стала спорить.

Оба пациента дышали. Шумно, болезненно – однако дышали. Я заменила влажную бумагу на спине Мортонна кусочком промасленной ткани, который прилепила по краям медом. Никакой утечки, отлично.

Брианна до сих пор сидела у постели Роджера. Раздобыв деревянный гребень, она расчесывала его спутанные волосы, осторожно вытаскивала колючки и веточки, терпеливо распутывала колтуны. При этом напевая под нос детскую песенку «Братец Яков». На лифе платья

виднелись мокрые круги. Брианна уже выходила раз или два, чтобы сцедить молоко, но оно вновь накопилось. От этого зрелища я сама живо вспомнила подобную боль.

Брианна подняла взгляд и увидела меня. Я коснулась своей груди и кивнула на вход в палатку, вопросительно вскинув брови. Хотя она слабо улыбнулась, храбро пытаюсь показать, что все хорошо, в ее глазах поселилось уныние. Наверное, Брианна осознала, что если Роджер и выживет, то больше никогда не сможет петь или даже разговаривать.

В горле встал ком; я еще раз кивнула и поспешила наружу, сжимая сверток под рукой.

Из темноты мне навстречу вдруг выступила фигура. Я резко замерла, вскрикнув и прижав сверток к груди.

– Мои извинения, миссис Фрейзер. Не подумал, что вы меня не видите.

Губернатор шагнул в полосу света, падающего из палатки. Он был один и выглядел очень уставшим, хмурое лицо побледнело и осунулось. Судя по легкому запаху алкоголя, его советники и офицеры отмечали победу. Однако взгляд Триона оставался ясным, а шаг – твердым.

– Ваш зять, – произнес губернатор и глянул на палатку. – Он...

– Он жив, – закончил за него тихий глубокий голос.

Губернатор повернулся с приглушенным восклицанием, а я вскинула голову. Тень шевельнулась, обретая форму, и рядом с нами возник Джейми, который до этого сидел под гикори, невидимый в темноте. Как долго он там пробыл?..

– Мистер Фрейзер.

Трион стиснул зубы и сжал кулаки. Ему приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть Джейми в лицо, и я видела, что губернатору это не нравится. Джейми тоже видел, и ему было плевать. Он подошел ближе, нависая над Трионом с таким выражением лица, которое испугало бы большинство людей.

Все же Трион лишь вскинул подбородок, твердо намеренный сказать то, что собирался.

– Я пришел, чтобы извиниться за принесенные вашему зятю страдания. Это была наименее досаднейшая ошибка.

– Наидосаднейшая, – иронично повторил Джейми. – А не будете ли вы так любезны, сэр, пояснить, как эта... ошибка... произошла?

Он двинулся вперед, и Трион машинально отступил, постепенно багровея.

– Это была ошибка, – процедил он сквозь зубы. – Его неверно опознали как одного из главарей регуляторов.

– Кто опознал? – вежливым тоном поинтересовался Джейми.

На щеках губернатора вспыхнули красные пятна.

– Я не знаю. Несколько человек. У меня не было причин подвергать их свидетельства сомнению.

– Вот как. А разве Роджер Маккензи ничего не сказал в свою защиту? Не сказал, кто он такой?

Губернатор на мгновение закусил верхнюю губу.

– Он... не говорил.

– Потому что был, черт возьми, связан и с кляпом во рту! – Я лично вынимала этот кляп, когда Джейми с Брианной резали веревку. – Вы не дали ему ничего сказать, вы... вы!..

Горжет Триона, серебряный полумесяц, блеснул в свете, падающем из палатки. Джейми медленно – так медленно, что Трион ничего не заподозрил, – поднял руку и обхватил горло губернатора как раз над горжетом.

– Клэр, оставь нас, – произнес Джейми.

Его голос звучал как ни в чем не бывало, спокойно. В глазах Триона мелькнула паника, и он отшатнулся. Горжет опять вспыхнул на свету.

– Как вы смеете поднимать на меня руку, сэр?! – Паника тут же уступила место гневу.

– Смею. Как вы посмели поднять руку на моего сына.

Я не думала, что Джейми действительно собрался покалечить губернатора. С другой стороны, он явно не просто запугивал. Я чувствовала в нем холодную ярость, видела обжигающий льдом взгляд. Трион тоже.

– Это была ошибка! И я пришел ее исправить, насколько могу! – упрямо стоял на своем Трион.

Джейми презрительно фыркнул:

– Ошибка. Лишение невинного человека жизни – для вас всего лишь ошибка? Вы будете убивать и калечить ради собственной славы, не обращая внимания на горе, которое вы приносите. Лишь бы расширить список своих заслуг. Как это будет описано в отчетах, которые вы отправляете в Англию, сэр? Что вы направили пушки против своих горожан, вооруженных ножами и дубинками? Или доложите, что подавили восстание и сохранили порядок? А укажете, что в своем стремлении к мести вы повесили невинного? Что допустили ошибку? Или сообщите, что наказали зло и свершили правосудие во имя короля?

На лице Триона заиграли желваки, но он сдерживал гнев. Губернатор глубоко вдохнул и выдохнул через нос и лишь потом заговорил:

– Мистер Фрейзер. Я скажу вам кое-что, известное лишь единицам, то, что еще не стало достоянием общественности.

Джейми вскинул бровь. Его немигающие глаза смотрели холодно и мрачно.

– Я назначен губернатором колонии Нью-Йорк, – произнес Трион. – Письмо прибыло более месяца назад. К июлю я уеду, а на мое место назначен Джосайя Мартин. – Он глянул на меня, а потом перевел взгляд обратно на Джейми. – Таким образом, вы сами понимаете, что у меня нет никакой личной заинтересованности в этом деле, нет нужды прославлять свои подвиги, как вы изволили выразиться.

Его страх сменился таким же холодом, как у Джейми.

– Я делал то, что должен был. Я не мог оставить колонию в состоянии мятежа, с которым пришлось бы разбираться моему преемнику. Хотя имел полное право так поступить.

Он вновь глубоко вдохнул и сделал шаг назад, заставляя себя разжать кулаки.

– Вы знаете, что такое война, мистер Фрейзер, и знаете, что такое долг. И если вы справедливый человек, то признаете, что ошибки случаются – и часто – и там, и там.

Трион прямо встретил взгляд Джейми. Некоторое время они простояли в тишине.

Я отвлеклась от их спора, услышав плач ребенка. Из палатки тут же выскочила Брианна, в спешке шелестя ткань юбок.

– Джем! – воскликнула она. – Это Джемми!

Взволнованные голоса приближались с дальнего конца лагеря, и мы увидели округлую подпрыгивающую фигуру Фиби Шерстон, напуганной, но решительной. За ней следовали два раба – мужчина с парой огромных корзин и женщина с оружием и извивающимся свертком на руках.

Брианна рванула к свертку, словно стрелка компаса к северу. Рев тут же прекратился. Из одеял высунулась рыжая головка малыша, который радостно засучил ножками, а затем мать с ребенком поспешно исчезли в темноте под деревом. Миссис Шерстон же принялась объяснять собравшимся зрителями, что она так опечалилась, слушая рассказы о сражении, так ужасно, и она так боялась... а потом прибыл раб мистера Резерфорда и сказал, что все хорошо... и она решила, что может быть... и поэтому... а ребенок так плакал...

Джейми и губернатор оставили игру в гляделки и тоже удалились в темноту. Я различала лишь две смутные фигуры, высокую и пониже. Впрочем, их тет-а-тет уже не казался напряженным. Джейми даже слегка наклонил голову к Триону, внимательно слушая.

– ...принес еду, – рассказывала мне Фиби Шерстон, порозовевшая от собственной важности. – Свежий хлеб, масло, немного ежевичного повидла, холодного цыпленка и...

– Еда! – Я вдруг вспомнила о свертке, который все так же прижимала к себе локтем. –
Прошу меня простить!

Я лучезарно улыбнулась и сбежала, оставив миссис Шерстон стоять с отвисшей челюстью у палатки.

Абель Макленнан дождался меня на том же самом месте. Он отмахнулся от моих извинений и поблагодарил за еду и эль.

– Я могу еще что-нибудь... – начала я и умолкла. А что я еще могла для него сделать?

– Юный Хью Фаулз, – произнес Макленнан, бережно убирая сверток под сиденье. – Говорят, его взяли в плен. Не мог бы... не мог бы ваш муж за него попросить? Как он сделал для меня?

– Думаю, мог бы. Я спрошу.

У реки было тихо. Лагерь располагался достаточно далеко, чтобы доносящиеся оттуда разговоры тонули в пении лягушек и сверчков.

– Мистер Макленнан, – заговорила я, поддавшись порыву, – куда вы отправитесь? В смысле, после того как отвезете Джо Хобсона.

Он снял шляпу и поскреб лысеющую голову, однако этот жест не показался признаком растерянности; напротив, Макленнан будто готовился сказать то, что уже давно для себя решил.

– О, – произнес он, – я никуда не собирался. Там же остались женщины. И детишки. А из мужчин никого, раз Джо погиб, а Хью в плену. Я останусь.

Макленнан поклонился мне и надел шляпу. Я пожала ему руку – к его большому удивлению, – он забрался в фургон и цокнул языком, чтобы лошадь двинулась вперед. Макленнан вскинул ладонь на прощание, и я махнула в ответ, вдруг осознавая, как он изменился.

Да, в его голосе до сих пор звучала печаль, скорбь давила ему на плечи. Однако он сидел ровно, говорил с уверенностью и твердо пожимал руку. Если Джо Хобсон отправился в загробный мир, то Абель Макленнан вернулся к живым.

В лагере все стихло. Губернатор и миссис Шерстон с рабами ушли. Исайя Мортон спал, то и дело постанывая. Роджер лежал неподвижно, как памятник на могиле, с черными от синяков лицом и руками. Из дыхательной трубки доносилось посвистывание, еле слышное за голосом Брианны, напевающей колыбельную малышу.

Лицо малыша было расслабленным, ротик приоткрылся в крепком сне. Поддавшись внезапному порыву, я протянула руки, и удивленная Брианна позволила мне его взять. И я очень бережно уложила его обмякшее и тяжелое тельце на грудь Роджера. Брианна дернулась, будто хотела поддержать малыша... но рука Роджера медленно поднялась и обняла спящего мальчика. А вот и необходимый трут, с удовлетворением подумала я.

Джейми ждал снаружи, прислонившись к стволу гикори. Убедившись, что в палатке все хорошо, я подошла к нему. Джейми молча раскрыл объятия, и я обняла его в ответ.

Мы стояли вдвоем в темноте, слушая треск огня в кострах и пение сверчков.

Мы дышали.

Лагерь у Большого Аламанса

Пятница, 17 мая 1771 г.

Пароль – Грэнвилль

Отзыв – Оксфорд

Губернатор, исполненный признательности, благодарит офицеров и солдат своей армии за щедрую поддержку, оказанную вчера в ходе битвы у Аламанса. Именно их доблесть и стойкость помогли ему с благословения всемогущего Господа одержать важнейшую победу над упрямыми и безрассудными мятежниками. Его Превосходительство, наряду со всеми лоялистами, скорбит о храбрых мужчинах, что пали или пострадали во время сражения. Однако, когда он размышляет о том, что от успеха этого дня и действий во имя Короля и страны зависела судьба Закона, он рассматривает потери (хотя и ставшие причиной горя родственников и друзей) как памятник вечной славы и чести этим людям и их семьям.

Павшие будут преданы земле вечером в пять часов с полными воинскими почестями. После церемонии планируются благодарственные молитвы, так как эту важнейшую победу армии даровало Божественное Провидение.

Часть седьмая Тревожные сигналы

Глава 73 Бледный, как смерть

К моему удивлению, миссис Шерстон оказала нам щедрое гостеприимство, и мы с Брианной, Джемми и двумя пациентами переехали в большой дом. Джейми пришлось разрываться между Хиллсборо и лагерем ополченцев, хотя Трион считал, что регуляторы разбиты наголову и волноваться не о чем.

Пуля засела глубоко в легких – щипцами не достать, но Мортон это не особенно беспокоило, да и рана затягивалась неплохо. К счастью, крупные сосуды были не задеты; в принципе, с этим вполне можно существовать – если инородное тело не начнет шевелиться. Я знавала многих ветеранов, которые так и жили – Арчи Хэйз, например.

Я вовсе не была уверена, что моего скромного запаса пенициллина хватит, но, похоже, сработало: заражения удалось избежать. Появление Алисии Браун с огромным животом значительно ускорило его выздоровление: уже через час Мортон сидел в койке, бледный, но торжествующий, нежно поглаживая рукой своего нерожденного ребенка.

А вот у Роджера дела обстояли иначе. В общем и целом раны были не слишком опасные, не считая раздавленного горла. На пальцы я наложила шины, так что переломы срастутся без проблем. Синяки тоже довольно быстро из багрово-красных превратились в фиолетовые, зеленые и желтые; он стал похож на труп, выкопанный из могилы через неделю после похорон. Жизненные показатели были в норме, а вот жизненной силы не хватало.

Роджер много спал, однако сон не приносил облегчения: он словно изо всех сил стремился к забытию, буквально цеплялся за него – и это меня беспокоило.

Брианна будила его каждые несколько часов, чтобы дать лекарство и обработать раны. Во время процедур Роджер устремлял взгляд куда-то вдаль, в пустоту, едва реагируя, когда к нему обращались; затем вновь закрывал глаза, откидываясь на подушки, сложив перевязанные руки на груди, как покойник, и застывал. С кровати доносился лишь тихий присвист из трубки.

Через два дня после битвы при Аламансе вернулся Джейми, уставший от долгой дороги, весь в красноватой пыли.

– Потолковал сегодня малость с губернатором, – сказал он, залпом выпив стакан воды и утерев пот рукавом. – Хотел от меня спрятаться – мол, дел невпроворот. Да только я не собирался оставлять это просто так.

– Понятно, – пробормотала я, помогая Джейми снять пыльный сюртук. – Куда ему тягаться с шотландцем, тем более с Фрейзером!

В ответ я получила лишь кривую ухмылку. «Упрямые, как ослы» – эту емкую характеристику клана Фрейзеров мне поведали много лет назад. В общем-то, с тех пор ничего не изменилось.

– Ну... – Джейми пожал плечами и сладко потянулся. – Ох, умираю с голоду! Вроде едой пахнет? – Он задрал вверх длинный нос, с надеждой приносясь.

– Окорок и пирог с бататом, – пояснила я совершенно излишне – медовые запахи густо витали в воздухе. – Ну и что же сказал губернатор после того, как ты нагнал на него страху?

По довольному виду Джейми я догадалась, что недалеко от истины.

– Да так, всякое-разное. Главное – я заставил его вспомнить тот день, когда привели Роджера: кто сдал, когда и как. Я намерен докопаться до сути. – Он снял ремень со лба и встряхнул влажными от пота кудрями.

– И что ему удалось вспомнить?

– Немного. Говорит, их было трое; у одного – кокарда отряда Фрейзера, вот Трион и решил, что это мои люди. По крайней мере, так он утверждает.

Вполне логичный вывод, подумала я. Однако Джейми явно не был настроен рассуждать логически.

– Так, может, он ее у Роджера и забрал, – предположила я. – Остальные же все вернулись – кроме Браунов, а они тут точно ни при чем. – Воспользовавшись суматохой боя, Брауны слиняли, чтобы отомстить Исайе Мортону и вовремя исчезнуть. У них попросту не было времени ошиваться вокруг Роджера, не говоря уж о мотиве.

Джейми кивнул, жестом отменяя гипотезу.

– Да, но зачем? Оказывается, Роджера связали и засунули кляп; бесчестное обхождение с военнопленным – так я ему и заявил.

– А он что на это? – Трион все же не настолько честолюбив; его труднее оскорбить, чем Джейми.

– Сказал, мол, это не война, а восстание, измена родине, и потому он имел право на скорый суд. Вот так схватить и повесить человека, не дав ему и слова сказать в свою защиту... – Лицо Джейми постепенно наливалось кровью. – Клянусь тебе, если бы Роджер Мак умер на том конце веревки, я бы сломал Триону шею и бросил воронам!

Нисколько не сомневалась, что он поступил бы именно так: перед глазами до сих пор стояла его рука, медленно, аккуратно сжимающая шею губернатора чуть выше серебристого воротника. Интересно, осознал ли Уильям Трион, какая опасность грозила ему в ту ночь?

– Он не умер и не умрет. – Я произнесла эти слова как можно более уверенным тоном и положила руку на плечо Джейми. Мускулы так и ходили ходуном от подавленного желания ударить кого-нибудь, но от моего прикосновения расслабились. Джейми вздохнул раз, другой, барабанил пальцами по бедру; наконец ему удалось справиться с гневом.

– Ну, в общем, Трион сказал, что якобы тот человек опознал Роджера как Джеймса Маккуистона – одного из вожаков регуляторов. Я пораспрашивал людей про Маккуистона, – добавил он, постепенно успокаиваясь. – Представь себе, саксоночка, никто не знает его в лицо. Странно, правда?

Действительно странно, признала я. Джейми кивнул, постепенно приходя в норму.

– Вот и я удивился: в газетах его читают, а самого никто не видел. Ни старый Ниниан, ни Хермон Хазбенд – ни один из регуляторов, с кем я разговаривал; правда, большая часть залегла на дно. Я даже нашел печатника, который подготовил одну из его речей: тот сказал, что рукопись ему подсунули под дверь вместе с куском сыра и двумя мелкими банкнотами в качестве оплаты.

– Вот оно как... – Я осторожно убрала руку: вроде бы окончательно успокоился. – Думаешь, имя ненастоящее?

– Похоже на то.

Неожиданно меня осенила мысль:

– Слушай, а что, если человек, опознавший Роджера как Маккуистона, и есть сам Маккуистон?

Брови Джейми взметнулись:

– И он подставил Роджера вместо себя? Удобно: никто не станет искать мертвого. Да, неплохая идея, хоть и немного порочная, – рассудительно добавил он.

– Ага, совсем чуть-чуть.

Мы подошли к колодцу, на краю которого стояло полупустое ведро, нагревшееся от дневной жары. Джейми закатал рукава и плеснул себе на лицо, резко тряхнув головой, так что брызги полетели прямо на гортензии миссис Шерстон.

– А он не помнит, как выглядели эти люди? – спросила я, подавая мягое льняное полотенце.

– Только одного, с кокардой, – тот разговаривал больше всех. Такой светловолосый верзила, ладно скроенный, глаза вроде зеленые. Конечно, Трион его не особо разглядывал – не до того было. Вспомнил все, что мог.

– Боже правый! – воскликнула я. – Высокий, светловолосый, зеленоглазый... Вдруг это Стивен Боннет?

Джейми вытаращился на меня поверх полотенца, пораженный неожиданным предположением.

– Господи Иисусе, – пробормотал он, рассеянно вешая полотенце. – Такое мне в голову не приходило!

И мне тоже. Боннет не очень-то вписывался в портрет типичного регулятора: большей частью это были люди бедные и отчаявшиеся, как Джо Хобсон, Хью Фаулз или Абель Макленнан. Некоторые до сих пор оставались яростными идеалистами, вроде Хазбенда и Гамильтона. В принципе, Боннету наверняка приходилось впадать в нищету и отчаиваться, но ему в жизни не пришлось бы в голову требовать у правительства сатисфакции. Взять силой – запросто; убить судью или шерифа в отместку – вполне возможно. Но вот... Да ну, глупости! Стивен Боннет не платил налоги – уж в чем-чем, а в этом я уверена.

– Нет. – Джейми покачал головой, явно придя к тем же выводам, и вытер каплю на носу. – Деньгами тут и не пахнет. Даже Триону пришлось обратиться к графу Хиллсборо за средствами на ополчение. А уж регуляторы... – Он махнул рукой, отменяя мысль о том, что те могли кому-то заплатить. – Этого типа на поле боя приведет только жажда золота.

Из открытого окна слышалось звяканье фарфора и мелодичный звон серебра, сопровождаемые тихими голосами рабов: накрывали к обеду.

– Значит, Боннет никак не мог быть Джеймсом Маккуистоном?

Джеймс засмеялся, впервые расслабившись.

– Нет, саксоночка. Боннет ни читать, ни писать не умеет – разве что свое имя.

– Откуда ты знаешь?

– Сэмюэль Корнелл рассказал. Сам-то он Боннета не встречал, но однажды к нему пришел Уолтер Пристли – просил срочно занять денег. Тот еще удивился, ведь Пристли – человек состоятельный. Выяснилось, что Пристли ожидал партию товара, за которую нужно заплатить золотом: продавец не берет никакие расписки, банкноты, чеки – не доверяет словам, написанным на бумаге, даже если ему прочитать вслух. Берет только золото.

– Да, похоже на Боннета. – Я встряхнула сюртук и принялась выколачивать пыль. – Кстати, о золоте... А не мог Боннет случайно оказаться в Аламансе?

Некоторое время Джейми обдумывал эту мысль, затем покачал головой и принялся засучивать рукава.

– Заварушка была не особенно серьезная – не из таких, чтоб человека запросто застали врасплох и утащили. Армии стояли друг напротив друга не больше пары дней, а линия сторожевых постов походила на рыбачью сеть – кто угодно мог выбраться из Аламанса или объехать вокруг. Тот, кто пытался убить Роджера, явно приехал туда по своим делам.

– Значит, возвращаемся к таинственному мистеру Маккуистону, кем бы он ни был.

– Наверное, – протянул он с сомнением в голосе.

– Ну а кто еще? – возразила я. – Вряд ли какой-то регулятор затаил злобу на Роджера.

– Так-то оно так, – признал Джейми. – Только мы все равно ничего не узнаем, пока он сам не расскажет.

* * *

После ужина я поднялась проверить Роджера. Джейми вошел со мной и знаком отпустил рабыню, сидящую у окошка со штопкой. Кто-то постоянно должен находиться с Роджером – следить, чтобы трубка не забилась или не сместилась, ведь больше ему пока дышать нечем. Через несколько дней опухоль вокруг поврежденных тканей спадет, и тогда можно вытаскивать.

Я проверила пульс и дыхание, затем кивнула Джейми, и тот присел у кровати.

– Ты знаешь имена тех, кто тебя сдал? – спросил он без всяких предисловий.

Роджер нахмурился, сведя темные брови, затем кивнул и поднял один палец.

– Одного. А сколько всего их было?

Три пальца. Пока совпадает с рассказом Триона.

– Регуляторы?

Кивок.

Джейми покосился на меня, затем снова перевел взгляд на Роджера.

– Случаем, не Стивен Боннет?

Роджер резко приподнялся, открыл рот и вцепился в трубку, тщетно пытаясь что-то сказать и яростно тряс головой.

Я схватила его за плечо, успокаивая. От резких движений трубка чуть не выпала из надреза; из приоткрывшейся раны вытекла струйка крови. Роджер не замечал этого, напряженно уставившись на Джейми и шевеля губами.

– Нет-нет, если ты сам лично не видел, то его там не было. – Джейми взялся за другое плечо, помогая мне уложить больного на подушку. – Просто Трион описал того парня: высокий, волосы светлые, глаза зеленые. Вот мы и подумали...

Лицо Роджера расслабилось. Он снова покачал головой, слегка скривив рот.

– Но все-таки ты его знаешь, – напирал Джейми. – Доводилось встречаться раньше?

Роджер отвел глаза и кивнул с раздраженным и в то же время беспомощным видом; его дыхание участилось, из трубки раздавался натужный свист. Я неодобрительно покосилась на Джейми.

Впрочем, Джейми не обратил на меня внимания. По пути вверх он захватил коробку Бри с рисовальными принадлежностями и теперь, положив на нее лист бумаги, протянул Роджеру кусок твердого угля.

– Попробуй еще разок.

С тех самых пор, как Роджер пришел в себя, Джейми побуждал его объясняться на бумаге, но раненый плохо держал карандаш. К счастью, пиявки и массаж сделали свое дело: синяки и припухлости постепенно сходили. Первые два пальца были сломаны, и шины торчали буквой «V» – довольно уместный символ в данных обстоятельствах.

Роджер сосредоточенно нахмурился и принялся что-то царапать. Джейми внимательно следил за ним, прижимая бумагу. В результате долгих усилий мы получили грязный листок, на котором можно было различить буквы «У» и «М», затем пропуск и корявое «МАК».

– Уильям? – Джейми поднял глаза на Роджера. Тот коротко кивнул; щеки его блестели от пота.

– Уильям Мак, – прочитала я, заглянув ему через плечо. – Шотландец, значит, – или имя шотландское.

Не то чтобы это сильно сужало круг поисков: Маклеод, Макферсон, Макдоналд, Мак... куистон?

Роджер поднял руку и ударил себя в грудь, затем еще раз и что-то произнес одними губами. Припомнив популярные телешоу с шарадами, я догадалась быстрее Джейми.

– Маккензи?

Моя сообразительность была вознаграждена оживленным взглядом зеленых глаз и кивком.

– Маккензи... Уильям Маккензи. – Джейми наморщил лоб, мысленно пробегая список знакомых с такой фамилией.

Я наблюдала за Роджером: его лицо постепенно приобретало нормальные черты, несмотря на багровый шрам под челюстью; однако сейчас на нем застыло странное выражение. В глазах плескались физическая боль, беспомощность и отчаяние из-за невозможности толком все рассказать; и что-то еще – не то недоумение, не то смущение.

– Ты знаешь какого-нибудь Уильяма Маккензи? – спросила я.

Джейми задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Четверых или пятерых, – ответил он, хмуря брови. – Правда, в Шотландии. А здесь ни одного...

При слове «Шотландия» Роджер резко поднял руку, и Джейми умолк, напряженно уставясь на него, как собака, взявшая след.

– Шотландия, – повторил он. – Что-то связанное с Шотландией? Свежий переселенец?

Роджер яростно затряс головой и тут же сморщился от боли, зажмурившись, затем открыл глаза и нетерпеливо потянулся к куску угля.

После нескольких попыток он изможденно откинулся на подушку; ворот рубашки вымок от пота и был заляпан кровью из раны. Результаты его усилий, размазанные и нечеткие, все же угадывались: «Дугал».

Джейми насторожился.

– Дугал, – медленно повторил он, вспоминая нескольких Дугалов, в том числе жителей Северной Каролины. – Крисхольм? О’Нил?

Роджер покачал головой, свистя трубкой от напряжения, и энергично ткнул рукой в Джейми, но в ответ получил лишь недоуменный взгляд. Тогда он снова потянулся за углем и накорябал имя, от которого мой позвоночник словно пронзило током.

«Гейли».

Какое-то время Джейми смотрел на листок, затем слегка вздрогнул и перекрестился.

– О Господи... – тихо пробормотал он. Мы понимающе переглянулись.

Заметив это, Роджер откинулся на подушки, тяжело дыша.

– Сын Дугала и Гейлис Дункан. – Джейми повернулся к Роджеру; на его лице крупными буквами было написано изумление. – Кажется, ребенка назвали Уильямом... Точно? Ты уверен?

Роджер коротко кивнул и закрыл глаза, затем открыл, поднял дрожащий сломанный палец и указал на свою радужку – темно-зеленую, цвета мха. Он побелел как полотно, измазанные углем руки дрожали, рот кривился: ему страшно хотелось заговорить, объяснить все, однако с дальнейшими объяснениями придется подождать.

Его рука бессильно упала, и глаза снова закрылись.

* * *

Опознание личности Уильяма Бакли Маккензи не изменило желания Джейми его найти, но внесло коррективы в намерение прикончить на месте.

Брианна, призванная на семейный совет, явилась в мою комнату в рабочем халате, воняя скипидаром и льняным маслом; на мочке уха виднелось пятно кобальтовой сини.

– Да, я слышала о нем, – ответила она, удивленная прямым вопросом Джейми. – Уильям Бакли Маккензи, подменш.

– Кто-кто? – Брови Джейми взметнулись вверх, чуть ли не к волосам.

– Я его так прозвала, когда увидела генеалогическое древо Роджера и сообразила, кто он, – пояснила я. – Помнишь, Дугал отдал ребенка Уильяму и Саре Маккензи? А они назвали его именем малыша, которого потеряли за два месяца до того.

– Роджер упоминал, что видел Уильяма Маккензи с женой на борту «Глорианы», когда отплывал из Шотландии, – вставила Бри. – Только он в тот раз не понял, кто это, а поговорить им не удалось. Так, значит, он здесь – Уильям, в смысле. Но зачем вдруг ему понадобилось убивать Роджера, да еще таким способом?

Брианна поежилась, хотя в комнате было тепло. Началось лето, и даже открытые окна не спасали от влажного, горячего воздуха.

– Ведьмино отродье, – коротко отозвался Джейми, как будто этого было достаточно; впрочем, может, и так...

– Меня тоже считали ведьмой, – напомнила я ему. Ответом мне были взгляд искоса и поджатые губы.

– Было дело, – сказал Джейми, утирая рукавом потный лоб. – Ладно, выясним со временем. Имя – уже кое-что. Пошлю к Дункану и Фаркаурду – пусть поспрашивают народ.

Он раздраженно выдохнул.

– Но вот что с ним делать, когда найду? Ведьмино отродье или нет, это ведь моя кровь, я не могу его убить! Особенно после того, как Дугал... – Джейми смущенно кашлянул и умолк. – Ну, то есть он же сын Дугала, мой двоюродный брат.

Я поняла, что он на самом деле имеет в виду. Лишь четверо знали о произошедшем в той мансарде в Каллодене за день до битвы; один из них мертв, другой исчез и наверняка тоже погиб в горниле восстания. Из свидетелей смерти Дугала остались лишь я и рука, что пролила кровь. Какое бы преступление Уильям Маккензи ни совершил, Джейми не мог его убить – из-за отца.

– Ты собирался прикончить этого типа, даже не узнав, кто он? – Как ни странно, Бри эта мысль не шокировала. Она медленно вертела в руках тряпку, заляпанную красками.

Джейми повернулся к ней.

– Роджер Мак – твой муж, сын моего рода, – ответил он очень серьезно. – Разумеется, я отомщу за него.

Бри бросила на меня быстрый взгляд и отвернулась, задумавшись. Отчего-то мне стало не по себе.

– Хорошо, – тихо сказала она. – Когда найдешь его, дай знать.

* * *

Брианна выдавила каплю сине-зеленого на край палитры и нанесла мазок на бледно-серую основу. Помедлив, наклонила палитру под углом, изучая оттенок в оконном свете, затем добавила кобальта с другой стороны основы, добившись нежного перехода от серо-голубого до серо-зеленого. Посторонний глаз вряд ли отличил бы эту сложную гамму от обычного белого цвета.

Она взяла толстую кисть и короткими мазками проработала линию челюсти. Да, то, что надо: бледный, как необожженная глина, но с явно различимой тенью – одновременно хрупкий и земной.

Брианна целиком погрузилась в живопись, не замечая ничего вокруг, сравнивая возникающий образ с тем, что прочно запечатлелся в памяти. Вообще-то ей уже случалось видеть мертвых: ее отца – Фрэнка – хоронили в открытом гробу, да и пожилых друзей семьи в свое время приходилось провожать в последний путь. И все же искусственный грим бальзамировщика выглядел грубо в сравнении со свежим трупом – контраст поразил ее до глубины души.

Дело в крови, подумала она, выбирая тоненькую кисть и добавляя точку неразбавленного сине-зеленого в уголке глазницы. Смерть не в силах повлиять на изгибы костей или тени, которые они отбрасывают; зато кровь их подчеркивает. В жизни она струится под кожей, выдавая самые разные оттенки голубого, красного, розового, лаванды; в смерти застывает, накапливается и темнеет: глиняно-голубой, фиолетовый, индиго, пурпурно-коричневый... и нечто новое: этот нежный, едва заметный зеленый, которому мышление художника уже придумало жестокое название: «цвет начального разложения».

Из холла донеслись незнакомые голоса. Бри настороженно подняла голову, прислушиваясь. Фиби Шерстон обожала приводить гостей полюбоваться процессом. Как правило, Брианна не возражала и даже любезно поясняла, что именно делает, но сейчас момент был сложный, а времени мало; с такими нежными оттенками можно работать только перед закатом, когда свет еще ясный, но уже слегка рассеянный.

Голоса удалялись в сторону гостиной, и она расслабилась, снова взяв толстую кисть и восстановив в памяти образ: мертвец, лежащий под деревом в Аламансе, рядом с временным полевым госпиталем ее матери. Казалось бы, боевые раны и смерть должны шокировать, а Бри испытывала любопытство. Ей доводилось видеть ужасные вещи, однако это совсем не то же самое, что мамины обычные операции: там было время сочувствовать пациентам, подмечать мелкие отвратительные детали слабой, больной плоти. На поле же боя все происходило слишком быстро; слишком многое нужно успеть – не до брезгливого разглядывания.

Несмотря на спешку, каждый раз, проходя мимо дерева, она останавливалась на минутку, откидывала одеяло и вглядывалась в мертвое лицо (ужасаясь своему нездоровому интересу, но не делая попытки его подавить), стараясь запомнить поразительную, неумолимую смену цветов и теней, окоченение мышц, изменение формы по мере прилегания кожи к костям и прочие процессы разложения, завораживающие своей жуткой магией.

Ей не пришлось в голову спросить, как зовут мертвеца. Может, она бесчувственная? Наверное, хотя в то время эмоции были направлены совсем в другую сторону – и до сих пор оставались там. И все же Брианна закрыла глаза и помолилась за упокой души неизвестного «натурщика».

Открыв глаза, она заметила, что за окном начинает темнеть, и принялась отмывать кисти и руки, медленно и неохотно возвращаясь во внешний мир.

Сын уже покусал и искупался, но не уснет, пока его не покормят и не укачают. При мысли об этом слегка закололо в грудях, приятно заполненных молоком; к счастью, Джем начал переходить на твердую пищу, и ощущение болезненного распирающего стало редким.

Да, она уложит его и пойдет в кухню поужинать. Общую трапезу пришлось пропустить, чтобы воспользоваться вечерним светом, и теперь в животе урчало, а в воздухе витал насыщенный аромат еды, заглушая резкие запахи скипидара и льняного масла.

А потом... потом она поднимется к Роджеру. При мысли об этом губы непроизвольно сжались, и Брианна заставила себя расслабить их, с силой выпустив воздух изо рта.

Как назло, в этот момент в дверь просунулась голова Фиби Шерстон. Услышав неприличный звук, хозяйка дома моргнула, но сделала вид, что ничего не заметила.

– А, вот ты где! Не заглянешь в гостиную на минутку – мистер и миссис Уилбур ужасно хотят с тобой познакомиться.

– Э... Да, конечно, – ответила Брианна как можно более светским тоном. – Только переоденусь.

Миссис Шерстон жестом отмела эту идею, явно желая продемонстрировать свою «придворную» художницу в живописном рабочем одеянии.

– Нет-нет, не беспокойся. У нас сегодня просто, по-домашнему.

– Ладно, но только на минутку – нужно уложить Джема.

Миссис Шерстон поджала хорошенькие губки: о ребенке вполне могут позаботиться рабы. Однако мнение Брианны на сей счет она уже знала и потому решила промолчать.

В гостиной сидели и родители. Уилбуры оказались приятной пожилой парой. Они в подобающей мере выказали удовольствие от знакомства, вежливо запросились посмотреть портрет, выразили восхищение художницей (хоть и несколько опешили от выбранной темы) – словом, вели себя вполне мило, и Брианна расслабилась.

Она как раз собиралась извиниться и сбежать к сыну, когда мистер Уилбур воспользовался паузой в разговоре.

– Миссис Маккензи, я так понимаю, вас можно поздравить.

– А? Э-э... благодарю, – ответила она, совершенно не представляя, о чем речь, и вопросительно взглянула на мать. Клэр слегка нахмурилась и покосилась на Джейми. Тот кашлянул.

– Губернатор Трион выделил Роджеру пять тысяч акров земли в дальнем районе, – пояснил он ровным, почти бесцветным тоном.

– Да? – удивилась Брианна. – А... с чего вдруг?

В гостиной воцарилось общее ощущение неловкости. Раздались тихие покашливания; Шерстоны и Уилбуры по-супружески переглянулись.

– Компенсация, – кратко ответила мать, в свою очередь бросив многозначительный взгляд на мужа.

Только теперь Брианна поняла: все слишком хорошо воспитаны, чтобы открыто упоминать повешение Роджера, хотя этот случай произвел сенсацию в светских кругах Хиллборо. Внезапно до нее дошло: а ведь гостеприимство миссис Шерстон вызвано не только душевной добротой. Повешенный в доме – как пикантно! Теперь к Шерстонам приковано все внимание друзей и знакомых, и немудрено – это будет поинтереснее нетрадиционного портрета!

– Надеюсь, ваш муж поправляется? – тактично прервала затянувшееся молчание миссис Уилбур. – Мы так переживаем из-за его травмы!

«Травма» – какое осторожное, завуалированное определение того, что случилось...

– Да, ему уже намного лучше, спасибо, – ответила Брианна, вежливо улыбнувшись, и обратилась к отцу: – А Роджер знает?

Тот взглянул на нее и отвернулся, кашлянув.

– Нет. Я думал, ты сама захочешь ему рассказать.

Первой мыслью было ощущение благодарности: теперь есть о чем поговорить с Роджером. Ужасно неловко разговаривать с человеком, который не в силах ответить. В течение дня она запасала словесный «фураж»: мелкие мысли или события, которые можно растянуть в повествование. Однако запас быстро иссякал, и ей приходилось хвататься за ерунду.

Потом возникло раздражение. Почему он не сообщил ей заранее? Зачем выставлять семейные дела напоказ перед совершенно незнакомыми людьми?.. Тут она заметила, как родители переглянулись, и поняла, что мать задала отцу тот же самый молчаливый вопрос – и он ответил, почти неуловимо блеснув глазами сперва в сторону мистера Уилбура, затем миссис Шерстон, и тут же опустил длинные рыжие ресницы.

Лучше сказать правду перед уважаемыми свидетелями, чем позволить сплетням распространяться стихийно.

Собственная репутация ее не особенно заботила; «дурная слава» – слишком слабое определение в данном случае. Однако к этому времени Брианна уже нахваталась достаточно светских тонкостей, чтобы осознавать, какой вред может причинить отцу серьезный скандал. Если, к примеру, разнесется молва, что Роджер и вправду был вожаком регуляторов, то и лояльность Джейми будет поставлена под сомнение.

Слушая разговоры в гостиной Шерстонов, за последние несколько недель она постепенно начала понимать, что колония представляет собой обширную паутину: по многочисленным

ниточкам осторожно пробираются пауки – крупные и средние, чутко прислушиваясь к еле уловимому жужжанию мухи, попавшей в сеть, постоянно ищут слабое звено.

Более мелкие существа скользят по краям паутины, одним глазом отслеживая перемещение крупных, ведь пауки – каннибалы, как и все амбициозные люди.

Положение отца было видным, однако не настолько стабильным, чтобы не зависеть от расшатывающего действия сплетен и подозрения. Они с Роджером как-то обсуждали эту тему наедине: напряжение постепенно нарастало; уже наметились трещины, грозящие перерасти в пропасть, – достаточно глубокую, чтобы отделить колонии от Англии.

Стоит только нитям, связывающим Фрейзер-Ридж с остальной колонией, натянуться сильнее, и они лопнут, обернувшись толстым коконом вокруг ее семьи и оставив их на растерзание кровопийцам.

Какие нездоровые мысли, подумала про себя Брианна.

Ни Уилбуры, ни Шерстоны, похоже, не заметили ее настроения, но от матери ничего не укрылось: та одарила ее долгим, задумчивым взглядом. Обменявшись подобающими любезностями, Брианна извинилась и покинула гостиную.

В детской настроение отнюдь не улучшилось: Джемми не дождался ее и уснул со слезами на щеках. Она склонилась над кроваткой и осторожно положила руку ему на спину, чтобы ребенок почувствовал ее близость и проснулся. Крошечное тельце слегка вздымалось и опало в теплом ритме внутреннего покоя, но он не пошевелился. В складках шейки влажно блестел пот.

Нагретый за день воздух поднимался вверх, и к вечеру на втором этаже всегда было душно. И конечно же, окно закрыто наглухо, чтобы ночные испарения не повредили ребенку. Хотя своих детей у миссис Шерстон не было, она твердо знала, какие меры предосторожности следует принимать.

В горах Брианна тут же открыла бы окно, но в густонаселенном Хиллсборо, где постоянно шляются чужаки с побережья, полно застойных лоханей и сырых колодцев...

Взвесив относительную опасность малярийных комаров, Брианна ограничилась тем, что сняла с сына легкое одеяльце и сорочку, и он раскинулся на простыне почти голенький; в свете сумерек влажная кожа отсвечивала розовым.

Вздыхнув, она задула свечу и вышла, оставив дверь открытой. Уже почти совсем стемнело; свет пробивался с первого этажа сквозь перила, коридор же был окутан сумерками. Позолоченные столики миссис Шерстон и портреты предков мистера Шерстона обрели призрачные формы.

Дверь в комнату Роджера была закрыта, но снизу пробивалась полоска света, чуть захватывая край голубой дорожки. Мысли о еде вытеснил чувственный голод. Грудь начала побаливать.

В углу тихо дремала рабыня, уронив вязание на колени. При появлении Брианны она вскинулась и виновато захлопала глазами.

Бри тут же бросила взгляд в сторону кровати: оттуда доносился обычный свист его дыхания. Она слегка нахмурилась и жестом отпустила женщину; та неуклюже подобрала неоконченный носок и вымелась прочь, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Роджер лежал под простыней на спине с закрытыми глазами. Какой худой, подумала она. И когда только успел так быстро похудеть? Конечно, сейчас он едва в состоянии проглотить пару ложек супа и пенициллиновой похлебки Клэр, однако вряд ли за два-три дня можно так отощать – аж кости торчат!

Тут она поняла, что Роджер похудел давно из-за тягот военной кампании; ее родители тоже выглядели тоньше обычного. Прежде выступающие кости были замаскированы жутким опуханием; теперь же опухоль спала и вновь заострились высокие скулы.

Брианна вдруг поймала себя на том, что внимательно изучает цветовую гамму синяков. Желтовато-зеленый оттенок заживления отличался от нежного серо-зеленого, присущего свежей смерти; не менее тошнотворно, но все же это цвет жизни. Она вздохнула, внезапно осознав, что и здесь окно заперто, и пот стекает по спине, просачиваясь между ягодицами.

Звук поднимающейся рамы разбудил спящего: он повернул голову и слабо улыбнулся.

– Как ты? – спросила она приглушенным тоном, словно в церкви. Собственный голос всегда казался ей слишком громким.

Роджер вяло пожал плечом и произнес одними губами: «Нормально». Темные волосы у висков были мокрыми от пота.

– Ужасно жарко, правда?

Он кивнул, показав на воротник своей рубашки. Брианна поняла намек и развязала тесемки, как можно больше обнажив грудь.

У него были маленькие, аккуратные соски с коричневато-розовыми ареолами в зарослях темных курчавых волос; это напомнило ей собственные груди, полные молока. Внезапно ее охватило безумное желание стянуть сорочку, взять его за голову и... Ей живо вспомнилось, как он уже делал это – там, под ивами, и горячая волна обдала все тело, от груди до промежности. Покраснев, Брианна отвернулась к столику с едой: холодная мясная похлебка, начиненная пенициллином, и бутылка со сладким чаем. Она взяла ложку и вопросительно подняла бровь.

Роджер чуть поморщился, но кивнул на похлебку.

– Открывайте ворота, – весело пропела Брианна, поднося ложку к его рту. – Заводите лошадку!

Он раздраженно закатил глаза к потолку.

– Когда я была маленькой, – начала она, игнорируя его гримасу, – мои родители в таких случаях приговаривали: «Вот идет буксир, поднимайте мост» или «Открывайте гараж, едет машинка». С Джемом это уже не годится. А твоя мама тоже придумывала машины и самолеты?

Его губы дрогнули и сложились в неохотную улыбку. Роджер покачал головой и поднял руку, указывая на потолок: на штукатурке темнело неясное пятно. Присмотревшись, она различила пчелу, залетевшую из сада и прикорнувшую в тени.

– Да? Ладно. Открывай ротик, сейчас прилетит пчелка, – тихо сказала Брианна, засовывая ложку ему в рот. – Ж-ж-ж-ж...

Ей трудно было поддерживать игривый тон, и все же напряжение немного спало, и она принялась болтать о сыне. В последнее время тот изобрел новое слово – «вага»; пока никто не догадался, что оно означает.

– Сначала я думала – кошка, но ту он зовет «мяу-мяу». – Брианна вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и снова окунула ложку в похлебку. – Миссис Шерстон считает, что ему пора ходить. У ее сестры дети в годик уже пошли. А мама сказала, что с ним все в порядке – пойдет, когда будет готов. У детей ведь по-разному: от десяти месяцев до восемнадцати; чаще всего – в пятнадцать.

Приходилось внимательно следить за ложкой; тем не менее Брианна ощущала на себе его пристальный взгляд и боялась поднять глаза. Кто знает, что там, в этой зеленой глубине, – Роджер или молчаливый незнакомец, висельник?

– Ах да, чуть не забыла! – прервалась она на середине рассказа о Уилбурах. На самом деле, конечно, не забыла; просто не хотелось вываливать новости сразу, в лоб. – Папа сегодня разговаривал с губернатором, и он – губернатор то есть – выделил тебе земельный участок: пять тысяч акров.

Произнеся это вслух, Брианна поразились абсурдности идеи: пять тысяч акров дикой местности в обмен на почти отнятую жизнь. Хотя и не «почти», подумала она, глядя на Роджера.

Он недоуменно нахмурился, затем покачал головой, поднял руки в бессильном жесте и откинулся на подушку, закрыв глаза, словно полученная информация была слишком далекой от здравого смысла. Может, так оно и есть.

Внезапно Брианне захотелось прикоснуться к нему, пробить барьер молчания. Она осторожно дотронулась пальцами до его скулы и легонько обвела контуры синяка, всматриваясь в размытые края и темные сгустки крови под кожей там, где разорвались капилляры. Синяк начинал желтеть; мама объясняла, что на травмированный участок прибывают лейкоциты и постепенно разрушают поврежденные клетки, экономно перерабатывая вытекшую кровь, а смена цветов как раз является результатом этого клеточного «домохозяйства».

Роджер открыл глаза и пристально посмотрел на нее. Брианна поняла, что выглядит взволнованной, и попыталась улыбнуться.

– Ты не похож на мертвеца.

Это замечание разрушило невозмутимый фасад: брови дернулись вверх, а в глазах мелькнула слабая искорка смеха.

– Роджер... – Не зная, что сказать, Брианна порывисто наклонилась к нему. Он слегка напрягся, инстинктивно ссутулившись, чтобы защитить трубку, торчащую из горла. Она осторожно обняла его за плечи, остро нуждаясь в физической близости.

– Люблю тебя... – прошептала Брианна, крепче сжимая руку, словно хотела убедить в этом силой.

Губы были теплыми и сухими, привычными и в то же время пугающе неживыми, без теплого дыхания – будто маску целуешь. Из глубин легких через янтарную трубку со свистом вырывался воздух, словно испарения из пещеры. Брианна ощутила, как по коже побежали мурашки, и отодвинулась.

Его глаза все еще были закрыты, крепко зажмурены; под кожей перекачивались мускулы челюсти.

– Ну, ты... отдыхай, – выдавила она дрожащим голосом. – Спокойной ночи.

Брианна спустилась вниз, даже не заметив, что в коридоре горит свеча, а рабыня тихо проскользнула обратно в комнату.

Вернулось чувство голода. Хорошо бы поесть – но сперва нужно избавиться от скопившегося молока, и она пошла в сторону родительской спальни. Несмотря на душливый, спертый воздух, руки заledenели, словно скипидар все еще испарялся с кожи.

* * *

Прошлой ночью мне приснилась подруга Дебора. В студенческом союзе она зарабатывала гаданиями на картах Таро; предлагала и мне, но я всегда отказывалась.

В пятом классе сестра Мари Ромейн сказала, что католикам настрого запрещено гадать. Никаких спиритических столиков, карт Таро или хрустальных шаров – это соблазны С-А-Т-А-Н-Ы (она всегда произносила по буквам, никогда – одним словом).

Уж не знаю, дьявол ли тому виной, только я почему-то никак не могла собраться с духом и разрешить Деборе мне погадать. Как ни странно, во сне она занималась именно этим.

Мне приходилось видеть, как она гадает для других. Карты Таро всегда меня притягивали; возможно, лишь потому, что считались запретным плодом. У них были завораживающие названия: Старшие арканы, Младшие арканы, Рыцарь Пентаклей, Паж Кубков, Дама Посохов, Король Мечей, Императрица, Маг. И Повешенный.

Ну, правильно, что еще мне могло присниться? И запомнилось так хорошо: вот он, прямо посередине веера карт.

«Человек подвешен за ногу к перекладине; руки связаны за спиной и вместе с головой образуют треугольник с вершиной вниз; ноги сложены в форме креста. В каком-то смысле Повешенный все еще связан с землей, поскольку нога крепится к шесту», – объясняла Дебора.

Эта карта всегда казалась мне странной: судя по выражению лица, Повешенному было абсолютно все равно – его нисколько не беспокоило, что он висит вниз головой с завязанными глазами.

Деб постоянно перемешивала карты и раскладывала снова, и каждый раз выпадала она.

«Повешенный символизирует процесс жертвоприношения и капитуляции. – Дебора взглянула на меня и постучала пальцем по карте. – Здесь заложено очень глубокое значение, однако большая его часть скрыта, и додумываться нужно самой. Готовность принести себя в жертву ведет к преобразованию личности, но человек должен возродиться без посторонней помощи».

Преобразование личности – именно этого я и боялась. Личность Роджера нравилась мне ровно такой, какая есть!

А, чушь собачья! Не знаю, имеет ли С-А-Т-А-Н-А к этому отношение, но лучше не заглядывать так далеко в будущее. По крайней мере, сейчас.

Глава 74

Звуки тишины

Понадобилось еще десять дней, прежде чем Пенелопу Шерстон наконец устроил портрет. К тому времени оба раненых достаточно оправались для путешествия. Принимая во внимание скорое появление отпрыска Мортон и тот факт, что отцу нельзя было и близко подходить к Гранитным Водопадам или Браунсвиллю, Джейми договорился поселить их с Алисией на пивоварне мистера Шерстона; как только Исайя окончательно восстановит силы, его ждет место водителя.

– Даже не знаю, с чего я так привязался к этому бесстыжему сукину сыну, – признался Джейми наедине. – Мне бы не хотелось, чтобы его пристрелили как собаку.

После приезда Алисии Исайя молниеносно пошел на поправку и уже через неделю спустился вниз. Пока Алисия возилась на кухне, он сидел рядом, словно преданный пес, а по пути обратно останавливался и комментировал работу над портретом.

– Ну просто вылитая! – восхищался он, стоя в дверях гостиной в ночной рубашке. – Вот как увидел бы где, сразу бы узнал!

Поскольку миссис Шерстон выбрала для портрета образ Саломеи, я сомневалась, что комплимент будет воспринят правильно. Однако она мило покраснела и поблагодарила, учуяв в его тоне искренность.

Бри проделала отличную работу, ухитрившись изобразить миссис Шерстон правдиво и в то же время польстить ей, но без явной иронии – а это наверняка было нелегко. Единственная деталь, в которой она поддалась соблазну, – отрезанная голова Иоанна Крестителя, поразительно напоминающая мрачные черты губернатора Триона. Впрочем, вряд ли кто узнает его под слоем крови.

Мы готовились ехать домой, и дом наполнился радостной суматохой сборов. Все ощутили облегчение, кроме Роджера.

Несомненно, ему стало лучше – чисто физически: руки снова двигались, не считая сломанных пальцев, прошла большая часть синяков на лице и теле. И главное – опухоль в горле спала настолько, что он мог дышать самостоятельно. Я вытасила трубку и зашила надрез – операция небольшая, но болезненная; Роджер перенес ее молча, напрягшись всем телом и уставясь в потолок широко открытыми глазами.

А вот психологически он был далек от выздоровления. Заштопав горло, я помогла ему сесть, вытерла лицо и дала немного воды с бренди. Пока он глотал, я осторожно положила пальцы на шею и закрыла глаза, отслеживая движение гортани и трахеи и стараясь определить степень повреждения.

Открыв глаза, я увидела в пяти сантиметрах его собственные, все еще широко распахнутые, и в них вопрос – холодный и резкий, словно горный ледник.

– Не знаю, – ответила я наконец едва слышным шепотом. Под кожей ощущалось биение сонной артерии, течение жизни. А вот странно искривленная гортань не двигалась: ни пульсации, ни вибрации воздуха между связками.

– Не знаю, – повторила я и медленно убрала пальцы. – Хочешь... попробовать?

Роджер покачал головой, встал с постели и подошел к окну. Вцепившись в деревянную раму, он выглянул на улицу, и тут в памяти шевельнулась похожая картинка...

Тогда, в Париже, ночь была лунная. Проснувшись, я обнаружила, что Джейми стоит голый в оконном проеме, шрамы на спине серебрятся, а кожа блестит от холодного пота. Роджер тоже вспотел, только от жары, льняная рубашка прилипла к телу – те же самые очертания. И тот же взгляд человека, который решил в одиночку сражаться со своими демонами.

На улице слышались голоса – из лагеря вернулся Джейми с маленьким Джемом. Он взял привычку брать его с собой, чтобы Бри могла днем спокойно поработать. В результате Джемми выучил четыре новых слова (из них всего два – ругательные), а приличный сюртук деда был весь заляпан и пах, как использованный подгузник. Тем не менее оба, похоже, радовались совместным прогулкам.

Снизу донесся смех Брианны, вышедшей во двор забрать сына. Роджер застыл, словно вырезанный из дерева. Мог хотя бы постучать по раме, помахать, еще как-то привлечь внимание... Но он не двигался.

Я тихо встала и вышла из комнаты, ощущая комок в горле.

Когда Бри унесла сына, Джейми рассказал мне, что Трион выпустил большую часть пленников, захваченных во время битвы.

– Хью Фаулза тоже. – Он снял сюртук и ослабил ворот рубашки, подставляя лицо редкому сквозняку из окна. – Я замолвил за него словечко – и Трион прислушался.

– Ну еще бы! – резко отозвалась я.

Джейми взглянул на меня и издал глубокий горловой звук. Это напомнило мне о Роджере, чья гортань уже не способна к такой форме самовыражения, присущей лишь шотландцам.

Видимо, все эмоции отразились у меня на лице – Джейми поднял брови и коснулся моей руки. Было слишком жарко, чтобы обниматься; я ненадолго прижалась к его плечу, ощущая надежную крепость тела под тонкой влажной тканью рубашки.

– Я зашила ему горло; дышать он может, но не уверена, что когда-нибудь заговорит. – Тем более запоет. В сыром воздухе витала невысказанная мысль.

Джейми издал еще один звук, на этот раз сердитый.

– Я напомнил Триону обещание насчет Роджера, и он выдал мне документ на право владения землей – пять тысяч акров рядом с нашим участком. Это его последнее официальное постановление – ну, почти.

– В каком смысле?

– Помнишь, я сказал, что он освободил большую часть пленников? – Джейми отошел к окну. – Всех, кроме двенадцати регуляторов, объявленных вне закона. Ну, так он утверждает. – Ирония в голосе – гуще пыльного воздуха. – Через месяц их будут судить по обвинению в мятеже.

– И если признают виновными...

– По крайней мере, они смогут замолвить за себя слово, прежде чем их повесят.

Нахмурясь, Джейми остановился перед портретом, хотя вряд ли заметил детали.

– Дождаться, чем дело кончится, я не намерен. Сказал Триону, что нам пора ехать обрабатывать землю, и он распустил отряд.

У меня словно камень с души свалился. В горах прохладно, свежий воздух, – больному пойдет на пользу.

– Когда отправляемся?

– Завтра. – Да, он заметил портрет и одобрительно кивнул, глядя на отрубленную голову. – Задерживаться стоило только ради одной вещи, да и то уже вряд ли.

– Какой?

– Сын Дугала, – ответил Джейми, поворачиваясь. – За последние десять дней я прочесал всю страну в поисках Уильяма Бакли Маккензи. Нашел тех, кто знает, но никого, кто видел бы его с Аламанса. Некоторые думают, что он уехал из колонии насовсем. Многие регуляторы сбежали; говорят, Хазбенд увез своих в Мэриленд. А Маккензи просто исчез, как змея в крысиной норе, – он и его семья.

* * *

Прошлой ночью мне приснилось, что мы с Роджером лежим под большой рябиной ясным летним днем и, как обычно, философствуем – о вещах, которых нам не хватает.

Я призналась, что продала бы душу дьяволу за плитку шоколада с миндалем, и бац – она тут же материализовалась на траве. Я сняла обертку; запахло настоящим шоколадом, и я откусила дольку.

Роджер поднял белую обертку и сказал, что больше всего ему не хватает туалетной бумаги – эта слишком скользкая. Я засмеялась: ничего тут сложного нет, ее можно делать и сейчас. На земле тут же возник рулон; к нему подлетел огромный шмель, уцепился за конец и улетел, наматывая бумагу на ветви дерева.

Потом Роджер сказал, что это богохульство – думать о вытирании задницы – здесь то есть. Мама пишет истории болезни крошечными буквами, а папа – письма в Шотландию на обеих сторонах листка, а потом переворачивает набок и продолжает через строчки, так что получается решетка.

Затем я увидела папу: он сидел на земле и писал письмо тете Дженни на туалетной бумаге, а она все разматывалась и разматывалась, и шмель уносил ее все дальше и дальше, в Шотландию.

Я трачу бумагу больше всех. Тетя Иокаста отдала мне свои старые альбомы и целую кипу акварельной бумаги, но расходовать ужасно стыдно, ведь она такая дорогая. А что делать – я не могу без рисования. Повезло с этим портретом: раз я зарабатываю деньги, значит, имею моральное право использовать немножко на свои нужды.

Тут сюжет переменялся, и вот я уже рисую Джемми карандашом 2Б желтого цвета. На нем черными буквами выбито «Тикондерога». Только вместо альбома в руках у меня тоже туалетная бумага, и карандаш постоянно ее прорывал, а я злилась и все комкала.

А потом потянулся этот вечный дурацкий сон, когда бродишь вокруг в поисках туалета и не находишь, а просыпаясь, понимаешь, что и вправду нужно выйти.

Даже не знаю, чего бы мне хотелось больше: шоколада, туалетной бумаги или карандаша. Пожалуй, карандаша. Я аж почувствовала запах свежезаточенного кончика и ощутила его твердость между пальцами и на зубах. Когда я была маленькой, то имела вредную привычку грызть карандаши. До сих пор помню, как прокусывала краску, добиралась до дерева и прогрызала его по всей длине, словно бобер.

Жаль, что у Джема не будет новенького желтого карандаша или школьного рюкзака с Бэтменом, когда он пойдет в школу, – если вообще пойдет.

А Роджер не может держать карандаш – пальцы еще не зажили...

И тут я поняла: не нужно мне ни шоколада, ни карандашей, ни бумаги. Я хочу, чтобы Роджер снова со мной заговорил.

Глава 75

Позови меня

Возвращение во Фрейзер-Ридж заняло гораздо меньше времени, чем поездка в Аламанс, хотя дорога шла в гору. Стоял конец мая, и кукурузные стебли уже вымахали высоко, рассыпая по ветру золотую пыльцу. Дома, в горах, зерно едва проклюнулось. А еще скоро появятся новорожденные телята, ягнята и жеребята, и их нужно будет защищать от волка, лисы и медведя. Как только губернатор распустил кампанию, люди тут же поспешили домой обрабатывать родные поля.

В результате мы возвращались небольшой группой – всего два фургона. С нами поехали несколько фермеров, живущих возле Риджа, да братья Финдли – наш путь лежал мимо усадьбы их матери.

Я украдкой бросила взгляд на Финдли, помогающих разгружать фургон и разбивать лагерь на ночь. Славные ребята, тихие. Джейми они уважают и даже слегка благоговеют перед ним. А вот к Роджеру за время кампании у них сформировалась странная привязанность, чуть ли не преданность, которая продолжилась и после роспуска отряда.

Как-то раз они даже пришли навестить его в Хиллсборо. Краснея и поджимая пальцы на ногах от смущения на турецких коврах Фиби Шерстон, они молча презентовали Роджеру три ранних яблока, зеленые и кривобокие, явно утащенные из чужого сада. В ответ он широко улыбнулся и героически откусил от яблока прежде, чем я успела его остановить. Учитывая, что он питался лишь жидким супом, этот кусок едва не стоил ему жизни. Задыхаясь и кашляя, Роджер кое-как проглотил яблоко, и все трое уставились друг на друга с глупой ухмылкой, а в глазах у них стояли слезы.

В дороге братья старались держаться поближе к Роджеру, всегда готовые подскочить и помочь, если он с чем-то не справлялся. Джейми как-то рассказал мне об их дяде, Иэне Море; теперь понятно, откуда у них такой опыт угадывания невысказанных желаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.